

Выходит с 1994 года

ЭКОНОМИКА
и УПРАВЛЕНИЕ:
научно-практический журнал

Человек. Экономика. Общество

---

*Государственная власть
и управление*

Региональная экономика

Инновации

Финансы

6/2015

Экономика
и управление:
научно-практический журнал

№ 6 (128)

Выходит с 1994 г. 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Человек. Экономика. Общество

- Б. МИРКИН, Р. ХАЗИАХМЕТОВ, Л. НАУМОВА. Глобальная энергетика:
современное состояние и прогнозы 4
- О. НЕЧИПОРЕНКО, Р. САЛАХУТДИНОВА. Роль социальных субъектов
в развитии локальных сельских сообществ 11

Государственная власть и управление

- С. КАБАШОВ. Электронная бюрократия: к постановке проблемы 20
- И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА. Показатели оценки эффективности деятельности
органов местного самоуправления: текущее состояние и пути оптимизации 26
- В. РУСАКОВ. Федеральная антимонопольная служба России
как регулятор конкурентной среды 33

Региональная экономика

- Н. ЕВДОКИМОВ, К. ГАЛАНИНА. Государственные программы как инструмент
региональной социально-экономической политики 38
- И. АХМЕТОВ, И. КАРЕЛИН. Мировой опыт реализации промышленного
потенциала региона 47
- Т. ИСМАГИЛОВА, Р. ЮСУПОВ, Т. ЧИНАЕВ. Развитие торговой отрасли
как фактор инвестиционной привлекательности региона 53

Вопросы теории

- Т. ЛЕЙБЕРТ. Методические аспекты оценки эффективности инвестиционного
проекта разработки нефтяного месторождения 57
- М. ШЕСТАКОВА. Наукометрия и ключевые проблемы социально-гуманитарных
наук в современной России 61

Инновации

Н. ИСМАГИЛОВ, А. МУХАМЕДЬЯРОВ, Ю. ХАБИБРАХМАНОВА. Инновационная инфраструктура и ее элементы: опыт систематизации	67
Е. СУМИНА, А. БАДЮКОВ. Концептуальная модель инновационных преимуществ региона	72
Р. АЛИЕВ. Актуальные проблемы эффективной организации инновационной деятельности на предприятиях в Азербайджане	80

Предпринимательство

Н. АРТЕМОВ, И. ШАЯХМЕТОВ, Н. ПОАНШВАЛЬ. Приоритетные направления развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан	85
Э. ЖИДКОВА. Современные аспекты активизации участия студентов в молодежном предпринимательстве	90

Финансы

Л. ВАНЧУХИНА. Моделирование взаимосвязи бухгалтерского и налогового учета с учетом интересов пользователей	94
Е. ФОМИНА, Ю. КОВАЛЬСКАЯ. Моделирование параметров финансовой устойчивости территориального бюджета	100
Н. ВАСИЛЬЕВА. К вопросу о понятии и видах публичных доходов	105

Страницы истории

Р. ГАРИПОВ. Послевоенные платежи Германии Советскому Союзу	109
Р. АХМЕТЬЯНОВА. Социальное развитие Башкирии в 1960–1980-е годы	115
Аннотации и ключевые слова	123
Содержание за 2015 год	129

Редакционная коллегия

С.Н. Шкель (главный редактор), Р.А. Галин, И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора), Л.А. Исмагилова, С.Ю. Кабашов, М.Ш. Минасов, Д.Б. Миннигулова, Б.М. Миркин, Р.Н. Мирсаев, Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская, И.Ш. Рысаев, Р.Р. Салахутдинова, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Уфа, БАГСУ, 2015

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2015

CONTENTS

Human Being. Economics. Society

- B. MIRKIN, R. KHAZIAKHMETOV, L. NAUMOVA. Global Energy:
Present-day Condition and Predictions 4
- O. NECHIPORENKO, R. SALAKHUTDINOVA. Role of Social Subjects
in Development of Local Rural Communities 11

State Power and Administration

- S. KABASHOV. Electronic Bureaucracy: Problem Statement 20
- I. SINGIZOV, N. SINGIZOVA. Assessment Indices of Local Authorities'
Performance Efficiency: Current Condition and Ways of Optimization 26
- V. RUSAKOV. Russia's Federal Antimonopoly Service as Regulator
of Competitive Environment 33

Regional Economy

- N. EVDOKIMOV, K. GALANINA. State Programs as Tool of Regional
Social-Economic Policy 38
- I. AKHMETOV, I. KARELIN. World Experience of Region's Industrial
Potential Realization 47
- T. ISMAGILOVA, R. YUSUPOV, T. CHINAEV. Development of Trade Industry
as Factor of Region's Investment Attractiveness 53

Theory Issues

- T. LEIBERT. Methodic Aspects of Assessing Investment Project Efficiency
of Oil Field Development 57
- M. SHESTAKOVA. Science-metry and Key Problems of Humanities
and Social Studies in Present-day Russia 61

Innovations

- N. ISMAGILOV, A. MUKHAMEDYAROV, YU. KHABIBRAKHMANOVA.
Innovational Infrastructure and Its Elements: Experience of Systematization 67
- E. SUMINA, A. BADYUKOV. Conceptual Model of Region's Innovation Preferences 72
- R. ALIEV. Actual Problems of Effective Organization of Enterprises' Innovation
Activity in Azerbaidzhan 80

Entrepreneurship

- N. ARTEMOV, I. SHAYAKHMETOV, N. POANSHVAL. Priority Directions
of Small and Medium-sized Business Development in Bashkortostan 85
- E. ZHIDKOVA. Present Stimulation Aspects of Students' Participation
in Youth's Entrepreneurship 90

Finance

- L. VANCHUKHINA. Modelling of Accounting and Tax Registration Interrelation
with Regard to Users' Interests 94
- E. FOMINA, YU. KOVALSKAYA. Parameters Modelling of Territorial Budget
Financial Sustainability 100
- N. VASILJEVA. Notion and Types of Public Earnings 105

History Chapters

- R. GARIPOV. Germany's Post-war Payments to Russia 109
- R. AKHMETJYANOVA. Social Development of Bashkiria in 1960–1980s 115
- Abstracts and Key Words 123
- Contents for 2015 129

Глобальная энергетика: современное состояние и прогнозы

Б.МИРКИН, Р.ХАЗИАХМЕТОВ,
Л.НАУМОВА

Современная энергетика имеет «углеродную направленность», в ее основе лежит сжигание нефти, угля и газа, что ведет к значительным выбросам диоксида углерода в атмосферу и потеплению климата [7]. Большинство прогнозов развития энергетики связаны с требованием замены углеродной энергетики безуглеродной, в первую очередь на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ), реже – атомной энергетики. Наиболее радикальный прогноз развития безуглеродной энергетики принадлежит крупному американскому экономисту-экологу Лестеру Брауну [1; 2]. В своей программе спасения цивилизации «План Б 4.0» он обосновал необходимость и возможность в течение 20 лет полностью отказаться от углеродной энергетики (в первую очередь – от угольной как самой «экологически грязной»). Л. Браун считает, что в противном случае вследствие резкого потепления климата будут иметь место небывалые засухи с катастрофическими потерями урожая. Это приведет к вселенскому голоду и гибели цивилизации. Разработаны и другие сценарии отказа от углеродной энергетики, которые, к сожалению, как и «План Б 4.0», реализовать не удастся. Критический анализ таких сценариев дал канадский ученый В. Смил, назвавший их «мифами» [5].

Группа российских ученых из Института энергетических исследований РАН во главе с его директором академиком А.А. Макаровым [3] составила реалистический прогноз развития глобальной энергетики до 2040 г. Прогноз основан на глубоком анализе фактического материала, связанного с прошлым и настоящим мировой энергетики и математическим моделированием тенденций ее развития в будущем. В данной статье дан краткий анализ прогноза развития энергетики с особым вниманием к ВИЭ-энергетике.

Современное состояние глобальной энергетики

По данным за 2010 г., мировое энергопотребление достигло 12763 млн т нефтяного эквивалента (табл. 1).

Таблица 1

Суммарное потребление энергии в разных регионах мира в 2010 г. [3]

Регион	Суммарное потребление	
	(в млн т нефтяного эквивалента)	%
Северная Америка	2699	21,1
Южная и Центральная Америка	635	5,0
Европа	2019	15,8
СНГ	1036	8,1
Развитые страны Азии	918	7,2
Развивающиеся страны Азии	4092	32,1
Ближний Восток	671	5,3
Африка	693	5,4
Весь мир	12763	100

Миркин Борис Михайлович, член-корреспондент АН РБ, д-р биол. наук, главный научный сотрудник Института биологии УНЦ РАН. E-mail: geobotanika@rambler.ru

Хазиахметов Рашит Мухаметович, д-р биол. наук, профессор Башкирского государственного университета. E-mail: geobotanika@rambler.ru

Наумова Лениза Гумеровна, канд. биол. наук, профессор Башкирского госпедуниверситета им. М. Акмуллы. E-mail: leniza.gumerovna@yandex.ru

Более 1/3 мировой энергии потребляют развивающиеся страны Азии (Китай, Индия и др.), чуть более 20 % – страны Северной Америки (США, Канада и др.). Энергопотребление европейских стран приближается к 16 %, стран СНГ – превышает 8 %.

Современная энергетика является «углеродной»: 80 % энергии получают от сжигания углеродсодержащих энергоносителей (нефти, угля, газа). Потребление энергии из разных источников в 2010 г. приведено в табл. 2.

Таблица 2

Мировое потребление энергии из разных источников в 2010 г. [3]

Энергоноситель	Суммарное потребление	
	(в млн т нефтяного эквивалента)	%
Нефть	4108	32,2
Газ	2715	21,3
Уголь	3517	27,6
Атомная энергия	719	5,6
Гидроэнергия	296	2,3
Другие ВИЭ	110	0,9
Биоэнергия	1278	10,0
Всего	12763	100

Доля атомной энергии в мировом энергопотреблении составляет 5,6 %, гидроэнергии – 2,3 %, прочих экологически чистых ВИЭ (ветер, солнце, геотермальное тепло и др.) – менее 1 %.

На долю биоэнергии (главным образом биоэтанола и биодизеля, получаемых из продовольственного сырья) приходится только 10 %. Увеличение площадей биотопливных культур (кукуруза, сахарный тростник, масличная пальма) наносит тройной удар по устойчивому развитию [4]. Это ведет к снижению продовольственной безопасности, поскольку способствует увеличению доли зерна, затрачиваемого на производство биотоплива, что приводит к росту цен на продукты питания; негативно влияет на биоразнообразие; ведет к увеличению уровня загрязнения гидросферы и атмосферы за счет вымывания с полей азотных удобрений (это является причиной «цветения» Мексиканского залива) и выброса в атмосферу диоксида углерода и оксидов азота, что усиливает парниковый эффект. О необходимости запрета на производство биотоплива из продовольственного сырья пишет Л. Браун [1; 2].

Структуры энергетике разных стран существенно различаются (табл. 3).

Таблица 3

Структура производства энергии в некоторых странах, % (данные 2009–2012 гг.) [3]

Страна	Источник энергии				
	Нефть	Газ	Уголь	АЭС	ВИЭ
Россия	3	46	17	18	16
США	38	24	22	19	6
Китай	18	4	66	2	10
Япония	43	17	23	2	4
Германия	35	22	22	11	10
Франция	1	1	12	75	21
Весь мир	33	23,7	30	5,2	8,1

Примечание: в состав ВИЭ включена гидроэнергетика.

Доля нефти имеет максимальное значение в энергетике США, Японии и Германии, что во многом связано с использованием этого энергоносителя для производства горючего для автомобилей и самолетов. По уровню потребления газа – наиболее «чистого» источника энергии из числа углеродсодержащих энергоносителей – лидирующие позиции занимает Россия. Значительные объемы газа потребляются также в США, Германии и Японии. Доля угля – наиболее «грязного» источника энергии, в первую очередь обуславливающего потепление климата, – максимальна в энергетике Китая (66 %), хотя в США и Германии значение данного показателя также высоко. На долю атомной энергии, производство которой не сопровождается выбросами диоксида углерода, приходится 75 % энергопотребления во Франции. В Японии до аварии на Фукусиме-1 в 2011 г. доля атомной энергетики составляла 30 %, в настоящее время из 54 реакторов остановлены 52, поэтому столь низок ее вклад в энергетическую страну.

Таким образом, сегодня мировая энергетика остается углеродной, и наиболее «грязная» энергетика на основе угля имеет место в развивающихся странах Азии (в первую очередь в Китае).

В Республике Башкортостан на долю теплоэнергетики приходится 97 % всей потребляемой энергии (основными энергоносителями выступают газ и мазут), остальные 3 % дает гидроэнергетика.

Использование разных энергоносителей зависит от многих факторов: количества ресурсов, сложности технологий получения энергии, влияния процесса получения энергии на окружающую среду. Поэтому энергия, полученная из разных источников, имеет разную стоимость (табл. 4).

Таблица 4

Стоимость производства энергии из разных источников (данные 2009–2012 гг.) [6]

Источник электроэнергии	Стоимость электроэнергии (дол./КВтч)		
	минимальная	средняя	максимальная
ФЭП	0,14	0,25	0,46
Солнечные ТЭС	0,17	0,19	0,20
Ветер (море)	0,09	0,12	0,17
Геотермальные ТЭС	0,04	0,06	0,12
ГЭС (большие)	0,03	0,06	0,11
Уголь	0,04	0,05	0,11
АЭС	0,01	0,06	0,11
Ветер (континент)	0,03	0,06	0,09
Природный газ	0,02	0,05	0,07

В приведенных показателях не учтена стоимость экстерналий (экологических последствий получения энергии). Как будет показано далее, при использовании фотоэлектрических преобразователей (ФЭП) экологические последствия минимальны, а при сжигании угля – максимальны. Этим определяются закономерности изменения структуры мировой энергетики, в числе которых бурный рост ВИЭ-энергетики и медленные темпы развития угольной энергетики.

Прогноз развития глобальной энергетики до 2040 г.

К 2040 г. в Европе прироста потребления энергии не прогнозируется, а в Северной Америке потребление энергии возрастет почти на 10 % (табл. 5). Максимальный рост энергопотребления ожидается в развивающихся странах Азии (83,5 %), в Африке (73,5 %), Южной и Центральной Америке (57,5 %). В СНГ ожидаемый прирост потребления составляет 30,1%. Всего в мире благодаря усилиям развивающихся стран, произойдет увеличение энергопотребления на 40,5 %.

Таблица 5

Прогноз потребления энергии по регионам мира, % к 2010 г. [3]

Регион	Год	
	2025	2040
Северная Америка	7,5	9,6
Южная и Центральная Америка	27,9	57,5
Европа	-2,0	0,6
СНГ	13,5	30,1
Развитые страны Азии	0,1	0,1
Развивающиеся страны Азии	41,7	83,5
Ближний Восток	22,7	54,1
Африка	31,6	73,5
Весь мир	20,3	40,5

Потребление энергии из разных источников возрастет по-разному, хотя наибольшее значение данного показателя будет по-прежнему характерно для углеродсодержащих энергоносителей (табл. 6).

Таблица 6

Прогноз потребления энергии по источникам, % к 2010 г. [3]

Источник энергии	Год	
	2025	2040
Нефть	3,2	16,8
Газ	26,5	61,5
Уголь	15,8	29,4
Атомная энергия	34,2	64,3
Гидроэнергия	34,5	73,3
Другие ВИЭ	362,7	634,5
Биоэнергия	19,2	38,4
Всего	20,3	40,5

Общая доля потребления энергии сохранится на уровне 78 %. Из числа углеродсодержащих носителей существенно возрастет потребление газа (более чем на 60 %). Вклад нефтяной энергетики увеличится на 17 %, а угольной – на 30 %. Возрастет производство атомной энергии и гидроэнергии.

Более чем в 6 раз прогнозируется рост производства энергии из возобновляемых источников (ветра, солнца и др.). Хотя доля ВИЭ в общем объеме энергопотребления возрастет незначительно, в развитых странах вклад ВИЭ-энергетики высокий. Так, в Германии, США и Швеции вклад ВИЭ-энергетики превысил 7 %, в Исландии – 12 %, в Дании – 20 %, причем к 2020 г. Швеция планирует осуществить полный переход на ВИЭ, а Германия и США – достичь уровня 40 % (этот показатель включает и вклад макрогидроэнергетики). По мнению экспертов, Евросоюз может перейти полностью на ВИЭ к 2050 г. (в 2020 г. доля ВИЭ достигнет 20 %, в 2030 г. – 30 %).

Анализ состояния и перспективы развития ВИЭ-энергетики

Вклад ВИЭ-энергетики в энергетический бюджет мира пока невелик, тем не менее, она является наиболее активно развивающимся направлением мировой энергетики. Следует заметить, что за последние 20–30 лет в ВИЭ-энергетике произошла революция. Если в конце прошлого века ставка делалась на ветряные фермы из многих мелких установок (например, в Калифорнии работала ферма из 1000 ветряков мощностью по 15 кВт), то сегодня создаются крупные ветроустановки мощностью 2–3 МВт (как правило, в море или в пустынях). В гелиоэнергетике произошел переход от гелиостанций

с зеркальными концентраторами (тепловых солнечных электростанций (СЭС)) к использованию фотоэлектрических преобразователей. Для производства ФЭП уже не нужен крайне дорогой химически чистый кремний, вместо которого используется пленка CJGS (медь-индий-диселенит-галлиевый сплав) толщиной 1 мкм. Несмотря на то, что пока производство энергии с применением ФЭП дороже, чем на СЭС, последние «проиграли в соревновании» с ФЭП, так как при их работе используется большое количество воды для охлаждения (в пустынях, где сооружаются СЭС, много солнца, но мало воды).

Ветроэнергетика является наиболее быстро развивающимся направлением ВИЭ-энергетики. В настоящее время суммарная мощность всех ветряных энергетических установок (ВЭУ) приблизилась к 312 тыс. МВт (для сравнения: суммарная мощность современных АЭС составляет 374 тыс. МВт). Лидерами в плане использования ветроэнергетики являются Китай (80 тыс. МВт), США (60 тыс. МВт), Германия (32,4 тыс. МВт). Больших успехов в «морской ветроэнергетике» достигла Великобритания.

Гелиоэнергетика на основе ФЭП. Суммарная мощность СЭС на основе ФЭП приближается к 170 тыс. МВт. В США функционирует самая большая в мире электростанция на ФЭП – Toraz Solar Farm (мощность – 1096 МВт, площадь панелей – 25 км²). В Евросоюзе разработан проект создания СЭС в Сахаре (планируется покрыть солнечными батареями 1 % территории пустыни). Этот гигантский массив фотоэлементов будет иметь мощность 100 тыс. МВт, что позволит удовлетворить 20 % энергетических потребностей Европы. Лидером по производству ФЭП является Китай, производящий 50 % модулей.

Тепловые СЭС. Такие электростанции концентрируют солнечную энергию системой зеркал. Суммарная мировая мощность тепловых СЭС составляет всего 1,4 тыс. МВт, однако их строительство продолжается. Самые крупные тепловые СЭС на зеркальных концентраторах планируют построить Китай (100 МВт) и Австралия (150 МВт).

Солнечные коллекторы. В этих устройствах солнечная энергия преобразуется в тепловую энергию. В США солнечные коллекторы установлены на 1,5 млн домов, в Китае – на 50 млн домов. В Израиле данные установки дают 65 % энергии для обеспечения домов теплом, на Кипре – 90 %.

Получение энергии при сжигании ТБО. Долгое время этот вариант получения энергии на мусоросжигающих заводах (МСЗ) был объектом суровой критики экологов. Против МСЗ продолжает активно выступать «Гринпис». Тем не менее, за последние годы технология сжигания твердых бытовых отходов (ТБО) была усовершенствована и выбросы загрязняющих веществ в атмосферу резко снизились. В то же время объем ТБО и площадь полигонов, где они накапливаются, катастрофически растут, а организация сортировки и переработки ТБО на порядок отстает от их накопления. Из полигонов по хранению ТБО (и тем более с неорганизованных свалок) в атмосферу выделяется много метана – опасного парникового газа. Таким образом, сжигание ТБО представляется неизбежной и вынужденной мерой [8].

В настоящее время в Европе на МСЗ ежегодно вырабатывается 31 тыс. МВт электроэнергии и 78 тыс. МВт тепловой энергии, в США – 17 тыс. МВт электроэнергии. Эта энергия в 10 раз дешевле энергии, получаемой с применением ФЭП, и в 2 раза дешевле энергии, получаемой на ВЭУ. С 2010 г. к созданию МСЗ активно подключился Китай.

Использование биотоплива. Как уже отмечалось, производство биоэтанола и биодизеля из продовольственного сырья – антиэкологично. Сегодня в мире увеличивается производство этих топлив из отходов (так называемого биотоплива второго поколения). Однако, к сожалению, биотопливо из отходов пока обходится дороже, чем биотопливо первого поколения, произведенное из продовольственного сырья, что сдерживает развитие этого варианта биоэнергетики.

Большую роль в обеспечении энергией играет биогаз – экологичное биотопливо, которое производится из отходов. Лидером по производству биогаза является Китай. К концу 2010 г. каждая третья ферма Китая обеспечивала себя электроэнергией за счет биогаза. Кроме того, 64 тыс. биогазовых станций обеспечивают работу 190 электростанций и более 60 % автобусного парка, работающего на сжиженном биогазе. В Европе 75 % биогаза производится из отходов сельскохозяйственных предприятий, 17 % – из отходов частных домохозяйств, 8 % – из шламов канализационных стоков. В Германии функционируют 500 биогазовых заводов, сырьем для которых служит смесь из 70 % коровяка и 30 % птичьих фекалий. В США создан крупный биогазовый завод, утилизирующий навоз от 115 тыс. коров.

Микрогидроэнергетика. Малые ГЭС, в отличие от крупных, не оказывают разрушающего влияния на окружающую среду. Программы строительства малых ГЭС в настоящее время приняты в ряде регионов мира. В Китае уже построено почти 100 тыс. малых ГЭС, которые снабжают электроэнергией населенные пункты и имеют общую мощность 10 тыс. МВт. В Индии работают 22 тыс. малых ГЭС, в Японии – 1300, в Италии – 1200, в Германии – 800. В Евросоюзе в 2010 г. вклад малых рек в гидроэнергетику составил 12 % (в настоящее время суммарная мощность малых ГЭС составляет 9,5 тыс. МВт, причем большинство из них имеют собственную мощность не более 1 МВт). Лидером в сфере микрогидроэнергетики является Норвегия, которая получает от малых ГЭС три четверти потребляемой энергии.

В РФ с малыми реками связано до 1/3 энергетического потенциала ее водных ресурсов. В России принята программа развития микрогидроэнергетики. Малые ГЭС позволят децентрализовать производство энергии, что позволит решить энергетические проблемы Севера, Камчатки и других районов, где сегодня основным источником энергии остается дорогое завозное топливо.

Геотермальная энергетика. Эта энергетика основана на получении тепловой или электрической энергии за счет тепла земных глубин. ГеоТЭС работают в 30 странах мира, их суммарная мощность превышает 10 тыс. МВт. Их функционирование экономически эффективно в районах, где горячие воды приближены к поверхности земной коры, где действуют вулканы и гейзеры. Подземное тепло обогревает столицу Исландии Рейкьявик. Доля геотермальной энергетики в энергетическом бюджете Филиппин составляет 19 %, Мексики – 4 %, США (с учетом использования «напрямую» для отопления) – около 1 %. Суммарная энергия всех ГеоТЭС США превышает 2 тыс. МВт.

В РФ перспективными районами для развития геотермальной энергетики являются Камчатка, Курилы, острова Японского архипелага, а также Северный Кавказ. На Камчатке действуют 3 ГеоТЭС суммарной мощностью 70 МВт. ГеоТЭС построены на островах Итуруп и Кунашир, которые входят в состав Курильской гряды. Эти ГеоТЭС «вдохнули жизнь» в населенные пункты островов.

Приливно-отливная энергетика. Приливно-отливные электростанции (ПЭС) подобны ГЭС на реках, но «водохранилище» заполняется во время прилива. При этом лопасти турбины вращаются и при повышении уровня воды, и при понижении. На земном шаре сооружено только 30 ПЭС, так как для обеспечения их нормальной работы разница уровней прилива и отлива должна быть не менее 10 м. Во Франции на реке Ран работает ПЭС мощностью 240 МВт. 25-летний опыт ее эксплуатации доказал экологическую чистоту таких сооружений.

Академик Е. Велихов считает, что Россия обладает огромным потенциальным ресурсом приливной энергии (Мезенская ПЭС может дать до 20 тыс. МВт, Пенжинская – от 20 до 90 тыс. МВт).

Возможности развития некоторых новых направлений энергетике

А.А. Макаров с соавторами обсуждают два новых направления энергетике, которые могут откорректировать составленный ими прогноз. Речь идет о сланцевой и газогидратной энергетике.

Сланцевая энергетика. Источником энергии для сланцевой энергетике являются сланцевые плечи, из которых добывают нефть и газ. Только за пять лет (2007–2012 гг.) добыча сланцевой нефти выросла с 8 до 100 млн т., а газа – с 40 до 2050 млрд куб. м. Основные промыслы сланцевых нефти и газа расположены в США и Канаде, где разработаны технологии добычи этих энергетических источников.

Пока добыча сланцевого топлива связана с многочисленными экологическими рисками, но ожидается создание новых технологий, которые позволят резко снизить эти риски. К 2040 г. добыча сланцевых топлив должна возрасти. В число добывающих стран будет входить Китай. В то же время допускается возможность «сланцевого провала» – резкого снижения добычи сланцевых топлив, обусловленного рядом технологических сложностей и экологическими рисками.

Газогидратная энергетика. Источником топлива могут стать газогидраты, содержащиеся в породах морского дна и в мерзлотных породах. Однако пока технологии добычи метана из газогидратов разрабатываются только в Японии. К 2040 г. ожидается появление экономически рентабельных технологий добычи и, соответственно, выход газогидратного топлива на мировой рынок.

Выводы для России и Башкортостана

В заключение охарактеризуем перспективы развития энергетике России и Башкортостана до 2040 г.

В России общий объем энергопотребления возрастет примерно на одну треть. Энергетика по-прежнему будет углеродной, причем потребление угля может возрасти, а потребление газа – снизиться. Ожидается увеличение вклада атомной энергетике в два раза. Доля ВИЭ-энергетике может возрасти до 4–5 %. Впрочем, это маловероятно, поскольку энергия, получаемая на основе использования ветра и солнца, дороже углеродной, а Россия хорошо обеспечена углеродными энергоносителями. Наконец, для развития ветроэнергетике необходимо большое количество металла, производство которого сопровождается выбросами большого количества диоксида углерода и других загрязняющих веществ.

Энергетике Башкортостана в будущем также сохранит свою структуру, хотя планируется увеличение доли ВИЭ-энергетике за счет малых ГЭС (в ближайшие годы планируется построить 30 таких электростанций) и солнечных электростанций (планируется создание 5 таких электростанций). В настоящее время обсуждается перспектива строительства Башкирской АЭС.

Литература

1. Браун Л.Р. Как избежать климатических катастроф: План Б 4.0: спасение цивилизации. М.: Эксмо, 2010.
2. Браун Л. Мир на грани. Как предотвратить экологический и экономический коллапс. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013.
3. Макаров А., Галкина А., Грущевенок Е. и др. Перспективы мировой энергетике до 2040 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 3–20.
4. Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Хазиахметов Р.М. Проблемы устойчивого развития: мир, Россия, Башкортостан. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. 340 с.
5. Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Хазиахметов Р.М. Десять «мифов» об энергетике будущего // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 2. С. 25–29.
6. Развитие технологий ветроэнергетике в мире. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Информационная справка. Октябрь, 2013. 12 с.
7. Рамсторф Ш., Шельнхубер Х.Й. Глобальное изменение климата: диагноз, прогноз, терапия / Пер. с нем. Д.К. Трубочнинова. М.: ОГИ, 2009.
8. Тугов А.Н. Перспективы энергетической утилизации ТБО // Энергосовет. 2014. № 14. С. 31–35.

Роль социальных субъектов в развитии локальных сельских сообществ

О. НЕЧИПОРЕНКО, Р. САЛАХУТДИНОВА

Одной из ключевых проблем развития российского общества является сохранение села. Речь идет о 2/3 территории России, где проживает каждый четвертый россиянин. За годы реформ в российском селе наметились глубокие институциональные изменения: созданы основы многоукладной экономики, законодательно закреплено право выбора форм хозяйствования, проведена муниципальная реформа. Все это существенно изменило подходы и механизмы управления сельскими поселениями. Вместе с тем, несмотря на декларируемую на официальном уровне озабоченность проблемами села, реализацию проектов и программ, направленных на развитие сельскохозяйственного производства и социальной сферы, перед многими сельскими сообществами до сих пор остро стоит вопрос выживания [3]. Следует констатировать, что отраслевой подход к развитию сельских территорий, ориентированный, прежде всего, на экономические формы развития без учета социальных аспектов, становится все менее эффективным, что обуславливает целесообразность изучения и выявления социальных ресурсов развития села, ключевыми носителями которых выступают присутствующие в данном секторе социальные субъекты (предприятия, местные органы власти, органы самоуправления).

Учитывая тот факт, что развитие сельского социума характеризуется усилением поляризации экономического пространства, разновекторностью и разновременностью развития сельских территорий и формированием, по сути, разных социальных миров, возникает необходимость уточнения и обновления теоретических и эмпирических знаний об особенностях изменений сельского социума на региональном и локальном (поселенческом) уровнях [2].

Большинство исследователей проблем и перспектив российского села, рассматривая различные аспекты сельской повседневности (трудовые отношения, социальную сферу, этнокультурные аспекты, формирование рыночных отношений, земельный вопрос, инновации), раскрывают особенности их трансформации на фоне перманентного реформирования аграрной сферы и выявляют механизмы адаптации населения к последствиям этих преобразований. По нашему мнению, в этих условиях особую значимость приобретает решение следующих вопросов: какие ресурсы способны создать предпосылки для возрождения российского села с учетом всех негативных проявлений, которыми пестрит российская сельская повседневность? Деятельность каких экономических и социальных акторов способна создать основы для недопущения саморазрушения сельских локальных сообществ?

Социальный капитал и экономическое развитие. Рост самоорганизации граждан и влияние этого процесса на экономическое развитие актуализировали во второй половине XX в. проблематику социального капитала как важнейшей детерминанты развития территорий. С точки зрения М.Е. Портера, ключевыми факторами формирования успеха регионального сообщества выступают степень социальной сплоченности, существование социальных сетей, социального капитала и институциональных структур [10]. Сравнительные исследования, проведенные в Африке и Азии [8], показали, что социальный капитал сельских сообществ является более важным для роста благосостояния, чем сети микроуровня, кроме того, было зафиксировано наличие позитивной связи между гражданской культурой и экономическим ростом [5]. В частности, в трудах, посвященных вопросам региональной конкурентоспособности, социальный капитал рассматривается как ключевой элемент регионального развития [6; 11]. В исследованиях,

---

Нечипоренко Ольга Владимировна, д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск). E-mail: olganechiporenko@yandex.ru
Салахутдинова Рилия Ринатовна, д-р социол. наук, профессор кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: rilia@mail.ru

проведенных Всемирным банком, социальный капитал также рассматривается как ресурс, необходимый для экономического развития не просто отдельных социальных групп, организаций, но даже стран [4].

В концепции сельского развития можно выделить два подхода, различающихся в определении источников (ресурсов) роста. В рамках эндогенного подхода возможности сельского развития основаны на внутренних ресурсах территорий – природных, человеческих и культурных [9]. Сторонники неэндогенного подхода полагают, что сельские территории должны комбинировать эндогенные ресурсы и экзогенные процессы, опираясь на такие внешние факторы, как международная торговля, инвестиции, государственные субсидии и т.д. [7].

В современном мире наблюдается усиление релокализации (relocalisation) – возврат к локальности, стратегии, при которой достижение позитивных изменений обеспечивается путем повышения независимости и устойчивости локальных территорий; сохранения местной культуры; повышения роли внутренних взаимодействий среди членов сообщества, в процессе которых происходит реализация и накопление социального капитала индивидуального и локального уровней.

В ходе настоящего исследования мы исходим из тезиса, что сельское развитие невозможно без реализации потенциала локального сообщества, представляющего собой форму общественного социального капитала, выступающего ресурсом развития для всего общества. При этом степень самостоятельности и стабильности локального сообщества отражает уровень развития его социального капитала, поскольку выполняется основное назначение этого ресурса – кооперация и взаимодействие ради достижения индивидуального и общего благосостояния и благополучия.

Социальный капитал рассматривается через его связь с производством гражданских благ, таких как гражданская активность и/или «дух сотрудничества» [12]. Патнэмское различие между двумя измерениями социального капитала, а именно между «связями-оковами» (эксклюзивность) и «связями-мостами» (инклюзивность), также важно для нашего анализа. Объединения и самофинансируемые учреждения, рассматриваемые в качестве индикаторов социального капитала, содержат характеристики как «связей-оков», так и «связей-мостов». В связи с вышесказанным для целей нашего исследования представляет интерес анализ не только социально-экономических параметров сельских поселений, но и специфики их самоуправления, принадлежащего неформальную сеть отношений и форматизированную структуру, принадлежность к которой может обуславливать специфические возможности [1].

Эмпирическая база и методика исследования. Эмпирический материал, касающийся параметров социально-экономического развития сельских сообществ, был собран в ходе экспедиционных работ 2014 г. Ареалом исследования выступил Мишкинский район Республики Башкортостан. В ходе экспедиции обследован 21 населенный пункт. Для сбора эмпирических материалов в ходе экспедиции применялись следующие методы: массовый опрос населения обследованных сел и поселков; стандартизованный экспертный опрос представителей органов власти, управленческого звена и местной элиты; выборочное неформализованное интервьюирование экспертов; паспортизация обследованных сел; сбор документов официальных органов власти (статсправки, планы, программы развития и т.д.)

Общий объем выборки для массового опроса составил 400 человек. Статистическая погрешность не превышает 5,1 %. Отбор населенных пунктов проводился на основании наличия в них различных этнических групп, различных форм хозяйствования и степени эффективности их функционирования. Отбор домохозяйств в населенных пунктах проводится случайным маршрутным методом. В домохозяйстве для интервью отбирался один респондент. Отбор респондента проводился в соответствии с заданными квотами.

Экспертный опрос осуществлялся на основании квотной выборки. Квотировались пол, возраст и род занятий эксперта. В группу экспертов были включены представители управленческого звена муниципальных органов власти районного и поселкового уровня, представители малого и крупного бизнеса, работники сельскохозяйственных предприятий,

занимающие руководящие должности, а также представители организаций социальной сферы села, представители органов государственной власти и силовых структур. Методом анкетирования были опрошены эксперты: из числа представителей органов местного самоуправления – 29 %, работников сельскохозяйственных предприятий – 20 %, работников бюджетной сферы – 31 %, прочие – 20 %.

Таблица 1

Половозрастная структура опрошенных, %

	мужской	женский	до 30 лет	От 31 до 50	от 51 года и старше
Массовый опрос	44	56	14	44	42
Экспертный опрос	32	68	6	54	33

Методом неформализованного интервью было опрошено 20 человек (около 16 часов в аудиозаписи), в том числе главы поселковых муниципалитетов и директора сельскохозяйственных предприятий.

Экономические субъекты развития. Мишкинский район Республики Башкортостан занимает 168,9 тыс. га, что составляет около 1,2 % территории РБ. Исследуемый район расположен в 130 километрах от города Уфы – столицы республики. В районе 78 сельских населенных пунктов, входящих в 14 муниципальных образований. Численность населения – 27,8 тыс. чел. Этнический состав населения характеризуется преобладанием марийцев, составляющих 70 % населения района. В районе также проживают татары, башкиры и русские. Для района характерна ярко выраженная сельскохозяйственная специализация (возделывание зерновых культур, разведение молочно-мясного скота и свиней).

Положение дел в сельских населенных пунктах обследуемого района определяется снижением роли аграрных предприятий и ориентацией части населения на работу вне села и вне аграрной сферы, что связано, прежде всего, с отсутствием крупных сельскохозяйственных предприятий на территории большинства сельских населенных пунктов. Распределение доли производителей по формам хозяйствования в 2014 г. выглядит следующим образом: сельскохозяйственные предприятия – 6,8 % (+1,2 % к 2013 г.), крестьянские (фермерские) хозяйства – 14,4 % (-0,8 % к 2013 г.), хозяйства населения – 79,2 % (-1,2 % к 2013 г.). В районе действуют 2 сельскохозяйственных предприятия и 67 крестьянско-фермерских хозяйств. На конец 2014 г. поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств составило: крупного рогатого скота – 14,4 тыс. голов (81,8 % к уровню аналогичного периода прошлого года), в том числе коров – 5,6 тыс. голов (95,0 %); свиней – 1,5 тыс. голов (68,8 %); овец и коз – 25,2 тыс. голов (94,8 %); лошадей – 0,9 тыс. голов (84,5 %); птицы – 51,6 тыс. голов (83,1 %).

В районе организована работа по сбору излишков молока от населения и его переработке (смонтирован модуль по переработке молока, рассчитанный на переработку 1 тонны молока в сутки).

В сфере торгового обслуживания населения работает 181 торговый объект. Оборот розничной торговли, по оценке 2014 г., составляет 945,4 млн рублей при индексе физического объема в 106,4 %. На душу населения реализовано товаров на сумму более 38,8 тыс. рублей. Оборот общественного питания, по оценке 2014 г., составляет 30,0 млн рублей. В 2014 г. введено в эксплуатацию 2 объекта общественного питания в районном центре с. Мишкино на 60 посадочных мест.

Определенное развитие в районе получило малое предпринимательство. По состоянию на 1 октября 2014 г. на территории района зарегистрировано 7 малых предприятий и 57 микропредприятий, 209 индивидуальных предпринимателей, 67 крестьянских (фермерских) хозяйств. Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. населения составило 141,0 единиц. В отраслевой структуре субъектов малого предпринимательства преобладает торговля (40 %) и сельское хозяйство (29 %).

Анализ структуры занятости членов обследованных домохозяйств показывает, что наибольшее число граждан заняты в бюджетных и муниципальных предприятиях (в 56 %

домохозяйств хотя бы один из членов семьи занят в бюджетных организациях). В то время как работа на сельскохозяйственных предприятиях не является распространенным видом деятельности (постоянную работу в крупном сельскохозяйственном предприятии имеют лишь 5 % членов семей домохозяйств). В 82 % домохозяйств хотя бы один из членов семьи занят в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), не имея другой работы. В районе также существуют домохозяйства, в которых есть граждане, работающие вахтовым методом (20 %), а также занятые сезонными работами (23 %).

Во всем обследованном ареале зафиксировано преобладание натурализованной домашней экономики хозяйств населения. Труд в личном подсобном хозяйстве в подавляющем большинстве случаев осуществляется только силами членов семьи. До 15 % домохозяйств при выполнении сезонных работ получают помощь родственников, в редких случаях помощь оказывают соседи. Единичными случаями сегодня оказывается помощь предприятий, а также найм специальных работников для уборки урожая (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кто помогает Вашей семье вести ЛПХ?», %

Используется только труд членов семьи	90
В выполнении сезонных работ участвуют родственники, живущие в городе	14
Помогают соседи	7
Для сезонных работ привлекаются наемные работники	1
Помощь в ведении ЛПХ оказывает сельхозпредприятие	0

Подсобные хозяйства населения сегодня не являются специализированными и существуют вплоть до того момента, когда могут вестись членами одной семьи, не мешая при этом формальной занятости на основной работе. Среди домохозяйств, в которых источником дохода является заработная плата, доля домохозяйств, ведущих ЛПХ и держащих какую-либо живность, составляет до 70 %. Оценка динамики развития ЛПХ также свидетельствует о снижении активности в этой сфере. Подавляющее большинство и респондентов, и экспертов (54 %) отметили значительное снижение хозяйственной активности ЛПХ за последние 5 лет.

Основная угроза развитию сельских сообществ обусловлена разрывом связи «ЛПХ – крупное хозяйство» вследствие банкротства и закрытия последних. Это приводит к тому, что социальные функции предприятий, ранее являвшихся «донорами» личных хозяйств населения, сокращаются, что, в свою очередь, ведет к снижению социально-экономического потенциала ЛПХ. Важной особенностью личных подсобных хозяйств на протяжении последних лет является их вспомогательный характер по отношению к трудовой занятости населения в крупных сельскохозяйственных предприятиях. Сектор ЛПХ наиболее интенсивно развивается именно в тех районах, откуда «уходят» крупные сельхозпроизводители. Отсутствие формальной занятости в сельскохозяйственной сфере, которая являлась зачастую единственно возможной в удаленных районах с сельскохозяйственной специализацией, заставляет сельское население переориентироваться на ведение ЛПХ, которые теперь оказываются не просто «подсобными», а являются важным компонентом стратегии выживания сельских семей. Именно натуральное по своему характеру производство в домашнем хозяйстве сельских жителей составляет в настоящее время основу сельской экономики.

Описанная ситуация четко прослеживается не только при сравнении объективных показателей развития аграрного сектора, но и при сравнении субъективной значимости различных форм хозяйствования сельскими жителями. Так, доля экспертов, отметивших важность ЛПХ для поддержания жизни, составила 58 %, КФХ – 18 %; крупных предприятий – 24 %. Однако дальнейшие перспективы развития села население видит в первую очередь в развитии крупных предприятий (45 %) и уже потом – в развитии личных подсобных хозяйств (37 %) и КФХ (24 %), несмотря на всю важность данного уклада для выживания села в настоящем.

Для устойчивого развития сельской «натуральной» экономики важно наличие доступа к ресурсам высокотехнологичного производства, обеспечивающего низкотоварное хозяйство техникой, кормами, поддерживающего по мере возможностей социальную инфраструктуру. Современная ситуация в сфере развития аграрного сектора района характеризуется исчерпанием ресурсов симбиозных экономических форм (связки «ЛПХ – крупхоз»). Социальные функции предприятий – доноров ЛПХ ослабевают вследствие деградации производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных коллективных хозяйств. Эти предприятия находятся в состоянии глубокой трансформации, и большинство из них сами нуждаются в поддержке со стороны государства или крупного бизнеса (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами усилий местных предприятий в решении социально-экономических проблем села, в котором они проживают, %

Предприятие прилагает усилия для решения проблем всех жителей села	19
Предприятие прилагает усилия только для решения проблем своих работников	16
Предприятие не решает никаких проблем (не существует)	39
нет ответа	26

Наиболее распространенными видами помощи являются продажа по льготным ценам кормов для ЛПХ, а также выделение транспорта для поставки сена, дров, трактора для вспашки огородов. В то же время, как показывают опросы, большинство населения не получает никакой помощи (45 %). 32 % респондентов затруднились с ответом, что может говорить о том, что даже если поддержка населения осуществляется, она имеет минимальные объемы (см. табл. 4).

Таблица 4

Какую помощь оказывает сельхозпредприятие жителям села, не занятым в этом хозяйстве, %

Продажа кормов для ЛПХ по льготным ценам	8
Продажа по льготным ценам продукции хозяйства	2
Выделение транспорта для экстренных поездок (например, в медицинские учреждения)	4
Приобретение молодняка животных по льготным ценам.	1
Выделение транспорта для поставки сена, дров, трактора для вспашки огородов	7
Выделение по льготным ценам строительных материалов для ремонта дома и надворных построек	1
Все зависит от наличия прошлых заслуг перед хозяйством или родственных связей.	5
Никакая помощь таким семьям не оказывается	45
нет ответа	32

Административная власть как субъект экономического развития села. Проведенные социологические опросы показывают, что на фоне недовольства общей ситуацией в деревнях работа местных администраций оценивается населением в целом положительно и они обладают существенной степенью легитимности. Население осознает тот факт, что положение дел в конкретной деревне находится в тесной зависимости от действий сельской, районной и областной администрации. Но в качестве основного фактора, оказывающего влияние на ситуацию в деревне, по мнению самих сельчан, выступает деятельность районной администрации, на что указывают 64 % проживающих в Мишкинском районе. Именно этот уровень власти, по мнению экспертов, определяет ситуацию в населенных пунктах обследованных районов.

Одной из самых распространенных форм адаптации сельских сообществ является стратегия интеграции местных администраций с бизнес-структурами, функционирующими на территории их населенного пункта. Недостаточное финансирование и проблемы, связанные с практической реализацией муниципального законодательства, вынуждают местные администрации искать альтернативные пути решения проблем. Как

свидетельствуют результаты наших исследований, положительной социально-экономической динамике сельских сообществ способствует взаимодействие сельских администраций и представителей бизнеса, прежде всего – в лице реформированных коллективных хозяйств (крупхозов), реже – фермерских хозяйств или индивидуальных предпринимателей, занимающиеся торговлей. Именно так бизнес-структуры на практике оказываются непосредственно включенными в процесс управления социально-экономическим развитием сельских локальных сообществ и в этом отношении являются одним из базовых элементов реальной системы власти на селе.

Процесс интеграции органов местного самоуправления с бизнес-структурами первоначально имел стихийный характер. Это взаимодействие ориентировано на решение самых насущных проблем, с которыми сталкиваются сельские поселения. Впоследствии такие отношения «взаимопомощи» становятся постоянными, но сохраняют свой неформальный характер и зачастую не попадают под законодательное регулирование.

Характер взаимоотношений между местными администрациями и бизнес-структурами может быть различным, однако в Мишкинском районе половина экспертов указали, что местная власть зависит от поддержки местных предприятий (см. табл. 5).

Таблица 5

**Распределение мнений экспертов при ответе на вопрос
«Как Вы оцениваете роль местной власти во взаимодействиях
с местными предприятиями и бизнесом?», %**

Местная власть – это партнер-координатор, на равных условиях принимающий участие в решении проблем бизнеса для реализации общих интересов	18
Местная власть доминирует над бизнесом и навязывает местным предприятиям правила игры	12
Местная власть в значительной степени зависит от поддержки местных предприятий	48
Местная власть не стремится к взаимодействию с местными предприятиями, но является гарантом соблюдения «правил игры» в рамках закона	6
В нашем муниципальном образовании существует конфликт между властью и местными бизнес-структурами, в котором каждая сторона преследует свои интересы	6
нет ответа	12

Социальная роль сельхозпредприятий, по мнению экспертов, заключается, прежде всего, в обеспечении рабочими местами и увеличении доходов своих работников. Это отмечают около 58 % экспертов (см. табл. 6).

Таблица 6

**Распределение мнений экспертов в вопросе о сущности
«социально ответственного бизнеса», %**

Прибыльный, растущий бизнес, обеспечивающий создание рабочих мест и рост доходов	58
Своевременная уплата налогов	24
Дополнительные социальные обязательства предпринимателя перед трудовым коллективом	12
Дополнительные социальные обязательства предпринимателя перед селом за счет взносов, спонсорской помощи	15
Благотворительная деятельность предпринимателя	15
Затруднились ответить	9

Оценивая мотивацию местных властей при взаимодействии с бизнесом, эксперты отмечают, что их основные цели – это, во-первых, создание условий для решения проблем села и, во-вторых, выполнение распоряжения вышестоящих органов власти в интересах сохранения собственных должностей (см. табл. 7).

Таким образом, очевидно, что социально-экономическое развитие каждого конкретного населенного пункта зависит, в конечном счете, от складывающейся модели взаимодействия местной власти и бизнеса (в первую очередь, крупных сельскохозяйственных предприятий, функционирующих на территории муниципальных

образований). Эти отношения носят преимущественно неформальный характер и возникают вне установленных законом рамок действия субъектов и имеют скорее социальную, а не экономическую подоплеку.

Таблица 7

Распределение мнений экспертов при ответе на вопрос «Какие цели преследует власть при взаимодействии с бизнесом?», %

Создание условий для развития бизнеса и привлечения новых инвестиций	21
Создание условий для решения социально-экономических проблем и развития села	39
Выполнение распоряжений вышестоящих органов власти в интересах сохранения собственных должностей	27
нет ответа	12

Результаты социологических опросов позволяют утверждать, что в условиях, когда местные предприятия оказываются экономически слабыми и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей понижается и, как следствие, растет «рейтинг доверия» к местной власти. Вопрос взаимодействия власти и бизнеса особенно важен, поскольку их сотрудничество в решении вопросов социального характера является одним из наиболее важных факторов, обеспечивающих положительную социально-экономическую динамику развития сельских сообществ. Крупные сельскохозяйственные предприятия, даже будучи экономически нерентабельными, продолжают оставаться жизнеобеспечивающим центром сельского сообщества. Так, они предоставляют рабочие места, осуществляют выплату заработной платы (пусть и несравнимо меньшей, чем в городских предприятиях), часто оказывают посильную помощь не только своим работникам, но и прочим жителям села, осуществляя поддержку как в открытой (материальная помощь отдельным домохозяйствам и учреждениям социальной сферы), так и в латентной (сохранение избыточных рабочих мест) формах. Помимо этого, крупные сельскохозяйственные предприятия продолжают оставаться основной ресурсной базой личных подсобных хозяйств селян, обеспечивающих выживание как отдельных жителей села, так и целых поселений.

Неформальный характер взаимодействия между сельскими администрациями и представителями крупных бизнес-структур объясняется не только неполным соответствием формально-правового регулирования специфических условий жизни сельских поселений, но и ограниченностью ресурсов локальных сообществ, стабильностью и немногочисленностью основных субъектов социально-экономических взаимодействий, спецификой отдельных населенных пунктов, в силу чего неформальные практики предстают естественным механизмом функционирования сельских сообществ, способом решения многих проблем, связанных с несовершенством формальных правил. Неформальные отношения дополняют возможности формально предписанных правил деятельности нижнего уровня власти, амортизируя неизбежные сбои в процессе формирования новой социально-экономической среды, и облегчают социальную адаптацию к новым условиям.

Таким образом, взаимодействие сельских администраций и представителей бизнеса способствует не только положительной социально-экономической динамике развития сельских сообществ, но и обеспечивает расширение социальной базы местного самоуправления на низовом уровне (его поддержку населением). Важнейшие параметры такого партнерства определяются региональными и локальными условиями, в число которых входят организационно-производственная структура сельской экономики (преобладание определенных укладных форм).

Местное самоуправление и социальный капитал как ресурсы экономического развития сельских поселений. Важную роль в развитии села сыграла реформа местного самоуправления, которая привела к реорганизации всех сфер жизнедеятельности сельских сообществ. Исследование реальных моделей самоуправления, сложившихся в результате муниципальной реформы, показывает, что существующие

муниципальные модели имеют смешанный характер и совмещают как традиционные механизмы решения вопросов, так и новые элементы, сформировавшиеся в ходе адаптации унифицированных правил к специфике конкретных условий.

Основные надежды на дальнейшее выживание и развитие села население связывает не с локальными уровнями власти и не с государством, а с той помощью, которую могут оказать члены своей семьи, родственники, друзья и соседи (см. табл. 8).

Таблица 8

**Результаты массового опроса при ответе на вопрос:
«На чью поддержку Вы рассчитываете в первую очередь?», %**

На поддержку государства	14
На поддержку республиканских властей	6
На помощь местных властей	15
На помощь предприятия, организации	2
На помощь друзей, соседей	37
На свою семью, родственников	78
Рассчитываю только на самого себя	21
Нет ответа	2

Распределение ответов на данный вопрос позволяет предположить, что для населения обследованных сел большую роль играют сложившиеся социальные сети, включающие в себя не только членов семьи и родственников, но и соседей и друзей. Именно их неформальная помощь является более ожидаемой в трудных ситуациях, чем помощь любого уровня власти.

В этих условиях на первый план выходит применение институтов самоорганизации для решения конкретных хозяйственных задач. Доля респондентов, которые за последний год принимали участие в каких-либо акциях совместно с односельчанами, составила 55 %. В большинстве случаев такое участие связано с облагораживанием территории поселка: посадка деревьев, уборка улиц, облагораживание кладбища. В исследуемом районе эти виды деятельности осуществлялись на базе сформированных практически во всех населенных пунктах территориальных органов самоуправления (ТОС).

Данная форма самоорганизации является достаточно новой для российской социальной практики на селе. Так, в Мишкинском районе Республики Башкортостан благодаря усилиям ТОС благоустройство сел (ремонт улиц, межпоселенческих дорог, установка и содержание уличного освещения, строительство мостов и др.) проводится за счет добровольных пожертвований с привлечением самих граждан и личного транспорта. Например, в сельских поселениях Чураевский, Большесухоязовский сельсоветы в один из дней в деревне на ремонте улиц работало более 40 единиц личной техники. В Баймурзинском сельском поселении капитально отремонтировали 3 моста, произвели ремонт дорожного полотна в 1,5 км. В деревнях Токтарово и Янагушево жители построили новые здания для школьных столовых, тем самым сохранив в деревнях школы. ТОСы совместно с главами сельских поселений обеспечивают функционирование пожарных дружин, которые созданы во всех населенных пунктах (77). Имеются 14 единиц пожарной техники (11 автомашин и 3 трактора), 21 мотопомпы, 52 передвижные емкости. Все это содержится за счет пожертвований граждан.

В настоящее время в ряде советов общественного самоуправления стали заниматься возрождением народных обычаев, патриотическим и нравственным воспитанием граждан. Проводятся традиционные праздники, в том числе сабантуй, «Здравствуйте, односельчане!», составляются шежере. Общественные деятели помогают в очистке и содержании святых мест, устанавливают возле деревень обереги – памятники деревянного зодчества. По инициативе сельских администраций и спонсорской помощи в малых населенных пунктах построено 20 новых памятников и обелисков в честь земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с тем изучение особенностей реализации базовых функций ТОСов в районе либо сельском поселении во временном интервале свидетельствует о том, что всплеск проведения одноплановых мероприятий приходится на один период. Это говорит о запланированном, а не спонтанном характере этих мероприятий. Во многом именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется затруднение респондентов (56 %) в оценке причины участия в мероприятиях по обустройству села. Это позволяет утверждать, что в подобных мероприятиях значительная часть населения участвует в принудительном порядке. Вместе с тем следует констатировать, что, исходя из ответов респондентов, значительная часть жителей (38 %) делала это добровольно.

Элементы планирования и принуждения ставят под сомнение сам факт самоорганизации в ТОСах. Несомненно, это обусловлено рядом объективных причин, связанных с необходимостью реализации местной властью объемов полномочий, не подкрепленных финансовой составляющей, что, в свою очередь, требует пересмотра национальной налоговой системы и принципов межбюджетных отношений. Вместе с тем реальные практики самоорганизации сельского населения, в том числе повседневная деятельность ТОСов в решении ключевых проблем села, создают предпосылки для его возрождения.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что ключевыми социальными ресурсами экономического развития сельских территорий выступают: инвестиционный ресурс экономических субъектов в виде предприятий как аграрной, так и промышленной направленности; координационный ресурс органов местной власти и институтов гражданского общества (ТОСы и иные формы, в том числе профсоюзы, ассоциации сельхозпроизводителей), выступающих в роли посредников социального взаимодействия в локальных сельских сообществах.

Вместе с тем можно констатировать, что в сельской местности одной из ключевых проблем является недостаток жизнеспособных социальных субъектов, поддерживаемых и признаваемых населением, деятельность которых создаст предпосылки для экономического возрождения села. Тогда как деятельность сохранившиеся и вновь формируемых субъектов требует разработки системы мер, направленных на согласование их интересов на принципах социального партнерства, и их экономической и организационно-правовой поддержки.

Литература

1. Нечипоренко О.В. Сельские локальные сообщества как объект исследования // Вестник новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2012. Т. 10. № 2. С. 126–131.
2. Нечипоренко О.В. Социальный капитал локальных сообществ в стратегиях развития сельских территорий: европейский опыт и российская специфика // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2014. Т. 12. Вып. 5. С. 69–78.
3. Российское село в условиях глобальных вызовов: кол. монография / Под. общ. ред. В.И. Старовойтова. Уфа: Изд-во БАГСУ, 2014. 280 с.
4. Сидорина Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 319–334.
5. Dasgupta P.S. Population and Resources: An Exploration of Reproductive and Environmental Externalities // Population and Development Review. 2000. № 26. Pp. 643–689.
6. Kitson M., Martin R., Tyler P. Regional Competitiveness: an Elusive yet Key Concept? // Regional Studies. 2004. № 38. Pp. 991–999.
7. Lowe P. European Agricultural and Rural Development Policies for the 21st Century // A New Rural Agenda. London: IPPR, 2006. Pp. 29–45.
8. Narayan D., Pritchett L. Social capital: Evidence and Implications // Social Capital: A Multi-faceted Perspective. Washington: World Bank, 2000. Pp. 269–295.
9. Ploeg J.D., Rural Development: from Practices and Policies towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40. № 4. Pp. 391–408.
10. Porter M.E. Regions and the New Economics of Competition // Global City Regions. Oxford University Press, 2001. Pp. 139–152.
11. Porter M.E. The Economic Performance of Regions // Regional Studies. 2003. № 37. Pp. 549–578.
12. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster Paperbacks, 2000.

Электронная бюрократия: к постановке проблемы

С.КАБАШОВ

С середины 1950-х гг. на Западе сформировался процесс, направленный на изменения социальной структуры и социальных коммуникаций в обществе [5, 34]. Это было связано со сменой индустриальных средств производства, внедрением наукоемких технологий, а также увеличением роли знаний, которые стали определяющим и системообразующим элементом нового общества. В XXI в. наблюдается резкое усиление процесса глобализации инфосферы в результате распространения средств информатики и информационных технологий. Современный «культ информации» является повсеместным и всепоглощающим. Нам говорят, что мы живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», на повестке дня – «электронная демократия», «электронное правительство», информационные сети, кибер- и онлайн-сообщества, в мире идут гибридные войны [10, 47]. Э. Гидденс считал, что в объяснении социальных и экономических процессов современных обществ бюрократии должно быть уделено столь же важное значение, как и экономике, сфере культуры и социальным отношениям [2, 311]. В эпоху массового распространения информационных технологий на них смотрят как на магический инструмент реформирования классической бюрократии.

Новые формы бюрократии мы называем «электронная бюрократия», понимая под данным термином скорее информационно-коммуникационную организацию деятельности органов государственной власти (систему интерактивного взаимодействия межведомственную и с гражданами) с учетом фундаментального различия между двумя формами бюрократии, которое в той же степени характеризует несовпадение индустриального и постиндустриального обществ. Конечно, допустимо сомневаться по поводу новизны и значимости феномена «электронная бюрократия». Более того, по всей видимости, еще не пришло время для глубоких обобщений, так как сами разворачивающиеся процессы глобальной информатизации еще не завершены. А. Этциони справедливо замечает, что ценности зачастую опережают в своем развитии институты, поскольку строительство последних является весьма трудоемким делом [11, 7]. В западной науке начиная с 1960-х гг. стали выдвигать варианты объяснения существа перемен, используя при этом самые различные подходы: подрыв устоявшихся научных взглядов, анализ возрастающего значения «золотых и белых воротничков», распространение зоны надзора и усиления мер контроля, снижение уровня демократии и активности гражданского общества. Пред-метом обсуждений являются и результаты всех этих изменений. Кроме того, важным вопросом является разграничение интересов, полномочий и функций электронного государства и интересов, полномочий и функций электронной бюрократии.

По мнению З. Бжезинского, парадокс нашего времени заключается в том, что человечество становится одновременно и более объединенным, и более разобщенным. Для обозначения этого состояния он использовал термин «раздробленная скупенность». Бжезинский считает, что названная им «технотронная эра» несет некую неопределенность, позволяя политической элите более легко управлять людьми и воздействовать

Кабашов Сергей Юрьевич, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения и архивоведения Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: kabashov@ufamail.ru

на них: «мгновенное, но заочное участие в событиях приводит к возникновению чувства неуверенности, особенно когда делается все более очевидным, что привычные аналитические категории уже не могут быть адекватно применены к новым обстоятельствам» [12, 22, 61]. Правда, Бжезинский не дает ответа, кто и как будет спланировать это раздробленное общество. Его главный вывод заключается в том, что технотронное общество будет развиваться в рамках все той же неизменной капиталистической модели, а лидером непременно должны оставаться США.

Д. Белл, задавшись вопросом, кто же будет управлять в новом «постиндустриальном обществе», считал, что в этом обществе «технические знания становятся основой, а образование – средством достижения власти; те (элитная часть общества), кто выдвигается на первый план, представлены исследователями и учеными, ... ученые как отдельная страта, или в более широком смысле техническая интеллигенция, теперь должны приниматься в расчет в политическом смысле» [1, 381, 483]. Нельзя назвать этот вывод в полной мере оригинальным, поскольку он лежит в русле концепции М. Вебера о постоянной рационализации развития общества. Вспомним, еще Платон в эпоху античности обосновывал идею о том, что власть в обществе должна принадлежать философам и стражам [6, 39–43]. И в XX в. эта идея никогда не умирала, воспроизводя все новые интерпретации.

В 1941 г. американский социолог Дж. Бернхэм изложил свои взгляды в концепции, которую назвал «революция менеджеров», где менеджеры как управляющая элита и аппарат противопоставлялись капиталистам, поскольку в основе господства в обществе, по мнению ученого, лежат не «отношения собственности», а «отношения управления» [14, 43]. В начале 1970-х гг. М. Дюверже в книге «Янус: два лица Запада» выделил различные фазы в развитии западной системы – «либеральную демократию» (до 1914 г.) и «технодемократию» (с 1945 г.). При этом, по его мнению, административно-бюрократические учреждения, политические партии, профсоюзы являются контролируемыми организациями, функционирование которых базируется на «техноструктуре» [13, 250]. Р. Арон употреблял термин «технико-бюрократическая структура». Д. Белл сумел оценить происходящие процессы критически, признавая, что концепции рационализации общества продолжают оставаться «в тупике», сторонникам рациональности приходится переосмысливать свое предназначение и пределы своих возможностей. Прежние бюрократические модели иерархически построенных централизованных организаций несомненно, по его мнению, будут заменены новыми формами, но какими именно, Белл не смог дать ясного ответа. С точки зрения Белла, новые формы управленческого аппарата должны основываться на приоритете знания, адаптивности к новым знаниям, «пожизненного обучения», поскольку «осевым принципом» общества, по мнению ученого, становится теоретическое знание, способствующее привлечению инноваций. Речь идет не о просто больших объемах информации, здесь вступает в игру другой тип информации – знание. Ведь уже не раз исследователи современных практик государственной службы указывали на недостаточный интерес самих государственных служащих к знаниям как результату необходимого постоянного переобучения, на основе которых должны формироваться их дальнейшие действия.

Еще Л. фон Мизес в начале XX в. делал прогноз, что «волна будущего» несет людей к земному раю полного государственного контроля. В начале 1980-х гг. футуролог Э. Тоффлер, используя подобную терминологию в книге «Третья волна», вводит в научный оборот термин «информационное общество». Как доказывал ученый, в современном обществе существует коммуникационная среда, или инфосфера, которая сложилась на стыке техно- и социо- сфер, которые она обслуживает. Каждая из этих

сфер выполняет свою ключевую функцию в более крупной системе, а все вместе они образуют структуру информационного общества. Растерянность, присущая нашему времени из-за обрушивающихся на человека потоков информации, ученый назвал «шоком будущего». Тоффлер, в отличие от Белла, не сводил изменение содержания власти к передаче ее от одной элитной группы к другой, ставя этот вопрос более упрощенно: власть в информационную эпоху переходит от тех, кто отдает приказы, к тем, кто с помощью электронных средств влияния манипулирует сознанием людей, закладывает в него определенные стереотипы, образы, модели поведения. Правительства пытаются привлечь таких специалистов на свою сторону, стараются сами воздействовать на общество новыми средствами. Он был убежден, что подобные перемены предполагают резкий уход от бюрократии старого образца и появление в бизнесе, правительстве, школе и других общественных институтах нового типа организаций. С его точки зрения, там, где сохранится иерархия, она станет более мягкой и подвижной [8, 243].

Тоффлер считал, что для того, чтобы оценить значение смещения власти в новом обществе, полезно обратить внимание на не всегда замечаемые параллели между бюрократиями и компьютерами. Первые большие центральные процессоры и сами базы данных, хранящиеся в них, напоминали, по сути, бюрократии, целям которых они служили. Первые компьютеры использовались главным образом для рутинных целей, вроде хранения тысяч списков и отчетов. Вся информация поступала в заранее определенные ячейки базы данных – точно так же, как информация в бюрократии направляется в заранее определенные отделы. Кроме того, первые компьютеризованные системы данных были в основном иерархическими, как и в бюрократиях, для которых они были спроектированы. Все «революционизировал» микрокомпьютер, децентрализовав базы данных. Но хотя он «встряхнул» ситуацию, серьезной угрозы для бюрократической организации не было. Хотя теперь стало множество компьютеризованных банков данных вместо одного гигантского центрального банка; знания, которые в них хранились, по-прежнему интегрируются в жестко predetermined «теплые местечки» [8, 214].

Иначе говоря, создавая современные инструменты управления, разработчики программных продуктов сохраняют в электронных технологиях основные принципы (шаблоны), которые характерны для работы классической бюрократии. В этой связи следует вспомнить идеи А. Уайтхеда, который предлагал для лучшего охвата многообразия индивидуального понимания, из которого составлен общий арсенал интеллектуальных средств некоторого идеального (будущего) делового сообщества, рассматривать различия между пониманием и установившемся порядком, шаблоном. По его мнению, шаблон – бог любой социальной системы; седьмое небо бизнеса, идеал каждого государственного чиновника; общество требует стабильности, а стабильность – продукт шаблона [9, 468]. Если принять вывод Уайтхеда, то следует понимать причины шаблонного общественного бытия, и тогда, видимо, станет яснее перспектива новых форм бюрократии.

В конце 1990-х гг. М. Кастельс опубликовал исследование «Информационная эпоха». Основной его довод состоял в том, что новое общество возникает благодаря развертыванию сетей, обеспечиваемых информационно-компьютерными технологиями (ИКТ). В этом процессе ключевую роль играют информационные потоки. По его мнению, распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на результатах перестройки отношений власти [7, 494]. Кастельс убежден, что ориентация на сетевые формы управления не означает закат капитализма. На вершине властной пирамиды по-прежнему восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых

потоков, управляемых электронными сетями – это глобальная сеть капиталистических сетей. В этой связи вспомним пророчество К. Маркса, согласно которому бюрократия является основным препятствием для распада государственной организации управления обществом при капитализме – последний час бюрократии будет означать завершение капиталистической формации. Но Маркс даже не предполагал возможности господствующих социальных групп овладеть представлениями о политической системе, которых было вполне достаточно для ее стабилизации. Иными словами, буржуазия силами бюрократии может совершенствовать капиталистическую систему, как она это делала весь XX век.

По поводу такой возможности Э. Гидденс пишет: «На капитализм оказывает преобладающее влияние не классовый конфликт, как считал Маркс, а становление крупномасштабных организаций науки и бюрократии» [2, 29]. Именно под таким углом Кастельс рассматривает формирование сетевого общества. Вместе с тем он отмечает важный фундаментальный процесс современного капитализма – распад вертикальной рациональной бюрократической модели. Поэтому Кастельс различает два типа организаций: организации, для которых воспроизведение их системы средств становится главной организационной целью, и организации, в которых цели и изменение целей формируют и постоянно меняют структуру средств. Первый тип организаций он называет бюрократиями, а второй тип – сетевыми предприятиями [7, 151].

Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Подсоединенные к сетям «рубильники» (под которыми можно подразумевать государственные или подконтрольные государству структуры) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким «рубильником», тот и обладает властью. Новая форма бюрократии, по Кастельсу, должна подчиняться парадигме: логика сети имеет больше власти, чем власть в сети. Упрощенно говоря, «электронная бюрократия» – это организация работы бюрократии в сети (для примера сетевой инфраструктуры – взаимодействующие порталы государственных органов). Исходя из теоретических посылок Кастельса, можно сделать вывод о том, что, поскольку сети есть фундаментальный материал, из которого новые организации строятся и будут строиться, то и новые формы бюрократии, опираясь на информационную мощь, предоставляемую новой технологической парадигмой, должны представлять собой особую сеть органов власти, возможно, с новыми функциями, позволяющими контролировать получение доступа и переключения с одной сети на другую, становясь главным политическим и административным рычагом власти, обеспечивающим руководству манипулирование обществом в виртуальном и материальном пространстве.

Существует еще один способ охарактеризовать современность, используя метафору «паноптикума». Ее применил М. Фуко, заимствовав у философа Дж. Бентама, предложившего свой способ строить тюрьмы, где стражи располагались в центральной комнате и могли наблюдать за узниками в камерах, расположенных по окружности вокруг комнаты охраны. Фуко использовал эту архитектурную идею для осуществления теоретического сравнения. Только в реальности каменные стены не нужны, «электронный паноптикум» позволяет наблюдать за людьми так, что они об этом даже не догадываются.

Пожалуй, один из первостепенных интересующих нас вопросов заключается в следующем: выражает ли электронная бюрократия только новый характер внутриорганизационных отношений или же трансформацию всего комплекса отношений государственного управления с обществом (направленность на потребности граждан и

гражданского общества, открытость для общественного контроля и инициативы)? В этой связи следует вспомнить идеи Т. Парсонса об «эволюционных универсалиях», к которым он, наряду с рынком, демократией и правом, относил бюрократию, и, по его мнению, наилучшим, по сравнению со всеми другими институциональными устройствами, образом приспособленную для успешной адаптации к меняющимся условиям окружающего мира. Э. Гидденс, следуя идеям М. Вебера, перечислил основные характерные черты классической бюрократии: четкая иерархия, правила, определяющие поведение чиновников, получение фиксированных должностных окладов, строгое разделение обязанностей внутри организации и отсутствие права собственности на материальные ресурсы, используемые в работе [2, 310].

Обозначим и систематизируем основные аргументы, которыми подтверждается тезис многих ученых о том, что информационная революция должна изменить облик бюрократии, воплощенный в новую для нее форму – электронную бюрократию.

1. Сфера бюрократического управления – это отнюдь не какая-то внешняя среда, в которую были помещены информационные технологии. Информационная революция не только совершалась на цели государственной и корпоративной бюрократии, она управлялась и осуществлялась ею самой.

2. Информационные технологии позволяют бюрократии делать то, что ранее было невыполнимо – выполнять операции по всему земному шару, обращая минимальное внимание на национальные законодательные ограничения. Это приводит к новой модели государственного управления, где бюрократия благодаря информационным технологиям не ослабляет, а усиливает свое влияние. Помимо предоставления публичных услуг, информационные потребности бюрократии для удержания власти как раз и могут быть эффективно удовлетворены с помощью таких технологий. Итак, бюрократия нацелена на освоение самых современных средств коммуникации, и ее цели смыкаются с задачами бизнеса по созданию информационного колпака над обществом, чтобы внедрить во все стороны человеческой жизни рыночные категории и политические правила, из которых самая важная – потребление, в том числе государственных услуг [4, 18]. Как справедливо отмечает М. Дик, вечная бюрократия исполнительной ветви имеет одну-единственную цель – ничего не менять в своем монопольном во власти положении [3, 79]. Бюрократия будет добиваться, чтобы компьютеризация усилила именно ее роль в социальном управлении, а не общественных масс. И если говорить об электронной демократии, то и эти процессы «на руку» бюрократии, поскольку распространение правительственной информации всегда рассматривалось как важная задача, связанная с необходимостью показать работу органов власти в положительном свете, однако предыдущие средства были неэффективными.

3. С помощью технологий и общественного внимания можно трансформировать структуры, операции и культуру управления в интересах людей. Однако кажущаяся «прозрачность» бюрократии, доступность к информации о ее функционировании на деле сводятся к тому, чтобы создавать такую информацию, которая бы убедила общество поступать (а иногда воздерживаться от действий) в соответствии с интересами власти, то есть управлять публичной информационной средой людей с целью осуществления контроля за их поступками.

4. Оказавшись в глобальной информационной среде, бюрократия должна преодолеть самое важное препятствие – приспособление вертикальной иерархии к требованиям гибкости, уход от жесткости традиционной корпоративной культуры. Бюрократия больше никогда не сможет оставаться замкнутой и самодостаточной системой.

И это, пожалуй, первое качественное отличие электронной бюрократии от прежней, классической. Характерной чертой электронной бюрократии, в отличие от классической, является креативность, переход от одного управленческого проекта к другому путем привлечения своих расширяющихся сетей и постоянно обновляемых знаний для эффективного выполнения управленческих задач. По этой же причине электронную бюрократию уже не устраивает фиксированный оклад, на смену которому придут более гибкие и привлекательные формы оплаты служебной деятельности на основе оценки ее эффективности и результативности. Свою карьеру, свой «портфолио» информационный работник делает сам, а не принимает из рук вышестоящего начальства, роль традиционной административной «лестницы чинов» значительно снижается.

Безусловно, такие методы работы легче понять не с позиций внутрибюрократической иерархии, а на основе сетевого подхода. Ведь в своей ежедневной деятельности электронная бюрократия опирается в основном на сетевые связи и служащие могут находиться на значительном расстоянии друг от друга. Но поскольку все они в сети, их легко собрать, когда это необходимо. На наш взгляд, представление о постоянно обучающемся чиновнике придает образу «гибкости» электронной бюрократии достаточную достоверность. В любом случае в электронной бюрократии роль человеческого фактора будет только возрастать, поскольку технология всегда инструментальна и не имеет независимого существования вне связи с тем социальным институтом, который ее обновляет и использует.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
2. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов. М., 1999.
3. Дик М. Новый государь. Новая версия Макиавелли для XXI в. М., 2003.
4. Кабашов С.Ю. Модернизация государственного аппарата в России и странах Запада как фактор укрепления политической стабильности // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 5. С. 16–20.
5. Кабашов С.Ю. Бюрократия. Теоретические концепции. М., 2011.
6. Кабашов С.Ю. Государственная служба: основные этапы развития как науки и профессии от Древнего мира до начала XX века. М., 2013.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
8. Тоффлер Э. Третья волна / Науч. ред. П.С. Гуревич. М., 2004.
9. Уайтхед А. Избранные работы по философии / Пер. с англ. и сост. И.Т. Касавин: общ. ред. и вступ. ст. М.А. Киссея. М., 1990.
10. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной. М., 2004.
11. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004.
12. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role In The Technetronic Era. N.Y., 1970.
13. Duverger M. Janus: les deux faces de l'Occident. Paris, 1972.
14. The Managerial Revolution: What is Happening in the World by James Burnham. N.Y., 1941.

Показатели оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления: текущее состояние и пути оптимизации

И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА

Целью функционирования социально-экономической системы любого уровня является повышение уровня и качества жизни населения. При рассмотрении вопроса о достижении указанной цели одним из приоритетов выступает эффективное развитие социально-экономической системы, а также эффективное управление ею. Под эффективностью в отечественной литературе традиционно понимается получение наибольшего результата при наименьших затратах или с привлечением наименьших объемов ресурсов. Безусловно, это касается деятельности управленцев как на микроуровне (руководителей организаций, предприятий, учреждений), так и на мезо- и макроуровне, то есть органов местного самоуправления, органов государственной власти регионов – субъектов Российской Федерации и федеральных органов государственной власти.

В настоящее время органы местного самоуправления оперативно получают информацию о конкретных проблемах жителей муниципальных образований. По этому поводу А. Широков и С. Юркова отмечают: «Местная власть по своей природе максимально приближена к населению» [10, 15]. Кроме того, работа органов местного самоуправления нацелена на полноценное решение вопросов местного значения, под которыми в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» понимаются «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования» [9]. Следует также отметить, что в соответствии со ст. 18.1 данного закона предусмотрена непосредственная оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Целями мониторинга эффективности деятельности местных органов являются определение уровня, закономерностей и тенденций социально-экономического развития муниципального образования, степени внедрения методов и принципов, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления, разработка на этой основе научно обоснованных текущих и перспективных планов и осуществления контроля за выполнением планов и управленческих решений [1, 6; 2].

Анализ прежней нормативно-правовой базы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Правовое обеспечение оценки эффективности деятельности муниципальных органов управления было заложено Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [8]. В соответствии с данным, по сути, базовым указом был утвержден перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, включавший первоначально 30 показателей. Указом Президента РФ от 13 мая 2010 г. № 579 этот перечень был дополнен еще двумя показателями, отражающими эффективность деятельности местных органов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности. Таким образом, общее количество основных показателей для оценки эффективности увеличилось к 2010 г. до 32.

Сингизов Ильдус Юлаевич, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Башкирского государственного университета. E-mail: singizov@mail.ru
Сингизова Наркас Байрасовна, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: Narkesochka@mail.ru

В целях реализации Указа Президента РФ № 607 было принято Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов”», в которое в 2010–2011 гг. был внесен ряд изменений на основании еще 5 распоряжений правительства страны. В соответствии с данным распоряжением был утвержден перечень из 74 дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, в том числе показателей, необходимых для расчета неэффективных расходов местных бюджетов. Общий перечень объединил, таким образом, 106 основных и дополнительных показателей, сгруппированных в 7 разделов. Типовая форма доклада глав местных администраций городских округов и муниципальных районов о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, которая была утверждена этим же распоряжением, включала в себя перечень из 145 показателей, полученных путем конкретизации и перегруппировки 32 основных и 74 дополнительных показателей.

Кроме того, первоначальная редакция Указа Президента РФ № 607 содержала рекомендацию органам исполнительной власти субъектов РФ устанавливать перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Так, Распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 21 января 2009 г. № 52-р «Об утверждении показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа (муниципального района)» в дополнение к федеральному перечню были утверждены еще 13 показателей. Таким образом, общее число показателей оценки возросло до 158, а если учесть, что многие показатели включали в себя частные индикаторы, то суммарное количество показателей, по которым муниципальные образования Республики Башкортостан собирали информацию и ежегодно представляли ее в Министерство экономического развития региона, составляло 228.

Сбор и представление значительного объема статистических данных по муниципальным образованиям продолжался до 2012 г. На наш взгляд, использованный в тот период перечень показателей, наряду с достоинствами, которые заключаются в значительной конкретизации социально-экономического положения городских округов и муниципальных районов, имеет и определенные недостатки, которые можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, большое количество показателей подразумевает высокую трудоемкость сбора, обработки и анализа статистической информации по муниципальным образованиям. Во-вторых, большой объем показателей негативно сказывается на достоверности получаемых данных, и даже выборочная проверка значений тех или иных показателей не гарантирует объективности собираемых данных. В-третьих, большой объем исходных данных усложняет интерпретацию результатов расчета эффективности, а также выявление факторов, позитивно или негативно воздействовавших на динамику эффективности деятельности. В-четвертых, в перечне присутствуют показатели (например, часть показателей сферы здравоохранения), на изменение значений которых органы местного самоуправления не имеют возможности реально воздействовать. В-пятых, несопоставимость отдельных показателей по муниципальным образованиям затрудняет проведение сравнительного анализа уровня их социально-экономического развития.

Действующая нормативно-правовая база оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. К 2012 г. указанные проблемы применения утвержденных ранее показателей и методики оценки эффективности деятельности местных органов управления стали очевидны для большинства экспертов и управленцев. Поэтому в целях совершенствования системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Указом Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1384 были внесены изменения в базовый Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607, а также изложена новая редакция перечня показателей для оценки эффективности деятельности, который в настоящее время включает в себя 13 показателей [7].

Кроме того, было принято Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов” и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления”» [2]. Данное постановление вступило в силу с 1 января 2013 г. и отменило действие Распоряжения Правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р. В соответствии с постановлением перечень дополнительных показателей эффективности состоит на сегодняшний день из 27 показателей.

В связи с принятием указанных выше нормативно-правовых актов изменилась методика оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, а именно:

- произошло существенное сокращение количества показателей, используемых для расчета эффективности (с более чем 145 с учетом дополнительных показателей, которые устанавливались органами исполнительной власти субъектов РФ, до 40);

- органам исполнительной власти субъектов РФ запрещено устанавливать дополнительные показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (в прежней редакции указа установление таких показателей, наоборот, было рекомендовано), это дает возможность получать в настоящее время стандартизированную информацию, сопоставимую по муниципальным образованиям всех регионов – субъектов РФ, и обеспечивает определение эффективности деятельности местных органов на основе единых методических подходов;

- значительно была упрощена методика мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления (например, был исключен достаточно трудоемкий расчет неэффективных расходов);

- упрощена комплексная оценка показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления, применяемая для расчета размера грантов;

- утверждены правила оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов РФ или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг населению, а также критерий такой оценки – удовлетворенность местного населения организацией транспортного обслуживания, качеством автомобильных дорог и жилищно-коммунальными услугами.

В целом произошедшие изменения в методике определения эффективности можно охарактеризовать как положительные, поскольку они направлены на оптимизацию всей системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Характеристика показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. В таблице представлены данные, касающиеся состава перечня показателей, ранее действовавшего в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р, и перечня показателей, утвержденного и введенного в действие Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317.

Анализ данных таблицы показывает, что общее количество показателей уменьшилось более чем в 3,5 раза. Наибольшее сокращение в абсолютном выражении коснулось следующих разделов: общее и дополнительное образование, экономическое развитие, организация муниципального управления. Раздел «Здравоохранение и здоровье населения» вообще был исключен из перечня показателей. При этом в качестве отдельного раздела был выделен раздел «Культура», хотя показатели сферы культуры присутствовали и в прежнем перечне в разделе «Организация муниципального управления».

Изменение количества и состава показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления [7; 8]

Раздел (сфера)	Прежний перечень	Действующий перечень			Изменение числа показателей
		Всего	в том числе		
			основные	дополнительные	
Экономическое развитие	30	8	5	3	-22
Здравоохранение и здоровье населения	24	–	–	–	-24
Дошкольное образование	12	3	1	2	-9
Общее и дополнительное образование	36	8	1	7	-28
Культура	–	3	–	3	+3
Физическая культура и спорт	3	1	–	1	-2
Жилищное строительство и обеспечение граждан жильем	4	3	1	2	-1
Жилищно-коммунальное хозяйство	12	4	2	2	-8
Организация муниципального управления	22	8	1	7	-14
Энергосбережение и повышение энергетической эффективности	2	2	2	–	0
Итого	145	40	13	27	-105

В общем виде применяемая в настоящее время система показателей включает в себя 40 индикаторов, объединенных в 9 разделов. При этом в количественном соотношении доминируют разделы «Экономическое развитие», «Общее и дополнительное образование» и «Организация муниципального управления». Иногда в целях обобщающей характеристики и проведения факторного анализа представляется целесообразным объединение имеющихся разделов в более укрупненные блоки показателей. В этом случае одним из вариантов такого укрупнения может быть следующий:

- I блок «Экономическая сфера», состоящий из показателей экономического развития (8 показателей, или 20,0 % от их общего числа);
- II блок «Социальная сфера», включающий показатели дошкольного, общего и дополнительного образования, культуры и спорта (всего 15 показателей, или 37,5 %);
- III блок «Жилищная сфера», объединяющий показатели жилищного строительства, жилищно-коммунального хозяйства и энергосбережения (всего 9 показателей, или 22,5 %);
- IV блок «Организация муниципального управления», включающий соответствующие показатели (8 показателей, или 20,0 %).

При рассмотрении совокупности показателей в таком формате мы видим, что наибольшую долю занимают индикаторы социальной сферы (более трети всех показателей). Данный факт представляется нам достаточно объективным, поскольку основной целью развития муниципального образования и управления им выступает всемерное удовлетворение потребностей местных жителей, повышение уровня и качества жизни населения. При этом остальные три блока показателей являются вполне сопоставимыми между собой по числу индикаторов.

Одним из важных аспектов при исследовании систем показателей является соответствующая информационная база. Изучение развития региональных социально-экономических систем может быть проведено на основе различных источников информации [3, 23]. Однако первостепенное значение при исследовании социально-экономических систем регионального уровня, в том числе муниципальных образований, имеют официальные статистические данные [6, 66]. Это подтверждает один из основных принципов официальной статистики, принятых Статистической комиссией ООН на сессии 11–15 апреля 1994 г.: «Официальная статистика является необходимым элементом информационной системы демократического общества, обеспечивая правительство, экономические круги и общественность данными об экономическом, демографическом, социальном и экологическом положении...» [4, 140–142].

Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления также базируется на информации, получаемой из официальных источников. Так, при расчете эффективности используются статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), данные ведомственной статистики, муниципальной статистики. Важной задачей при этом выступает обеспечение достоверности статистической информации, предоставляемой администрациями городских округов и муниципальных районов.

Применение на практике статистической информации основано на расчете статистических показателей, под которыми понимаются категории, отображающие количественные характеристики (размеры, соотношения) общественных явлений в определенных условиях места и времени. Методологически правильный расчет и объективная интерпретация статистических показателей – это важнейшая часть оценочной работы как на микроэкономическом уровне, так и на уровне муниципальной, региональной и национальной экономики в целом [5, 53].

Показатели, используемые для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, должны обладать рядом свойств, такими как достоверность, оперативность (своевременность), доступность, сопоставимость. Важнейшее значение при этом имеет соответствие статистического показателя требованию сопоставимости как во времени, так и в пространстве.

Несопоставимость значений показателей во времени характерна для стоимостных показателей. Таких в перечне насчитывается 5 показателей (или 12,5 % от их общего числа): объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного жителя; размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников; расходы бюджета муниципального образования на общее образование в расчете на одного обучающегося в муниципальных общеобразовательных учреждениях; объем не завершеного в установленные сроки строительства, осуществляемого за счет средств муниципального образования; расходы бюджета муниципального образования на содержание работников органов местного самоуправления в расчете на одного жителя муниципального образования.

Сопоставимость значений показателей в пространстве, то есть в нашем случае – по муниципальным образованиям, определяется методикой расчета статистических показателей. Показатели по данному признаку подразделяются на абсолютные, относительные и средние. Из них критерию сопоставимости в большей степени соответствуют относительные показатели (таких в перечне абсолютное большинство – 34 показателя, или 85,0 % от их общего числа), в меньшей степени – абсолютные показатели (таких в перечне насчитывается всего 2, или 5,0 %). В отношении средних показателей (в перечне их насчитывается 3, или 7,5 %) необходимо отметить, что часть из них позволяет проводить сравнительный анализ по муниципальным образованиям (к примеру, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников). Другая часть средних показателей, как, например, среднегодовая численность постоянного населения муниципального образования напротив, не позволяет этого сделать. Указанные достоинства и недостатки различных статистических показателей следует учитывать при проведении анализа и оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Интерес представляет также деление показателей оценки эффективности по их направленности. По данному признаку показатели в перечне подразделяются на следующие виды:

- показатели, рост значений которых свидетельствует об эффективности деятельности органов местного самоуправления (их в общей сложности насчитывается 21, или 52,5 % от общего числа показателей);
- показатели, снижение значений которых свидетельствует об эффективности деятельности органов местного самоуправления (их всего 15, или 37,5 %);
- показатели, используемые для экспертной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (таких показателей всего 4, или 10,0 %).

Из третьей категории два показателя, на наш взгляд, можно отнести к числу прямонаправленных индикаторов. Первый из них – доля детей в возрасте от 1 до 6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу и (или) услугу по их содержанию в муниципальных образовательных учреждениях, в общей численности детей в возрасте от 1 до 6 лет – характеризует степень развития сети дошкольных образовательных организаций в городском округе или муниципальном районе. Соответственно, чем выше значение данного показателя, тем эффективнее деятельность органов местного самоуправления. Аналогичным примером является показатель расходов бюджета муниципального образования на общее образование в расчете на одного обучающегося в муниципальных общеобразовательных учреждениях, который отражает уровень финансирования местной системы общего образования.

В отношении третьего показателя из этой группы – расходы бюджета муниципального образования на содержание работников органов местного самоуправления в расчете на одного жителя – следует отметить, что динамика значений данного показателя не позволяет однозначно определить его направленность.

Наконец, четвертый показатель – наличие в городском округе/муниципальном районе утвержденного генерального плана городского округа/схемы территориального планирования муниципального района – является не количественным, а качественным. Другими словами, он не может быть отнесен к определенному виду статистических показателей, поскольку представляет собой качественный признак наличия или отсутствия генерального плана, то есть он не имеет соответствующего числового выражения, присущего всем статистическим показателям. Это существенно отличает его от всех других показателей, включенных в перечень.

Необходимо также отметить, что та или иная направленность показателя не препятствует его полноценному использованию в оценке эффективности деятельности местных органов управления.

Оптимизация системы показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Рассмотренный нами перечень показателей, который действует в настоящее время, позволяет решать следующие задачи, поставленные перед системой оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления:

- определение сфер, требующих приоритетного внимания со стороны органов местного самоуправления;
- формирование перечня мероприятий по повышению результативности деятельности органов местного самоуправления;
- выявление внутренних ресурсов для повышения качества и увеличения объема предоставляемых населению услуг [2].

С нашей точки зрения, целесообразна реализация следующих мер, направленных на совершенствование системы показателей для оценки эффективности деятельности местных органов управления.

Во-первых, целесообразно продолжить сокращение количества показателей, используемых для оценки. Это связано с тем, что применение большого числа индикаторов увеличивает время сбора и обработки исходных данных, затрудняет работу по расчету показателей эффективности, а также усложняет интерпретацию результатов оценки и определение факторов, повлиявших на динамику показателей эффективности. Считаем, что оптимальным является применение для расчетов порядка 30 показателей.

Во-вторых, необходимо исключить из утвержденного перечня несопоставимые индикаторы (которые были рассмотрены нами выше), а также постепенно утрачивающие свою актуальность показатели, значения которых по большинству муниципальных образований уже достигли оптимальных величин и не демонстрируют в динамике каких-либо изменений.

В-третьих, действующий перечень включает в себя показатели, отражающие развитие экономики, социальной сферы, уровень обеспеченности местного населения

жильем и собственно организацию муниципального управления. В этой связи считаем целесообразным включить в систему показателей индикаторы, характеризующие экологическую ситуацию в муниципальном образовании. Прежняя редакция Указа Президента РФ № 607 позволяла это сделать, поскольку рекомендовала органам исполнительной власти субъектов РФ устанавливать перечень своих дополнительных показателей. В настоящее время такая возможность отсутствует. Необходимость включения в перечень экологических показателей связана с тем, что они, помимо других индикаторов, также влияют на качество жизни местного населения.

В-четвертых, в числе требований, предъявляемых к статистическим показателям, следует отметить их доступность и своевременность. Однако на официальных сайтах городских округов и муниципальных районов далеко не всегда размещены актуальные доклады о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Поэтому необходимо усилить контроль со стороны органов исполнительной власти субъектов РФ за своевременным размещением на сайтах муниципальных образований соответствующих докладов глав местных администраций.

В целом следует отметить, что оптимизация системы показателей направлена на совершенствование всей методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. В свою очередь, мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления создает предпосылки для комплексного изучения результативности управления муниципальными образованиями, принятия решений по дальнейшей модернизации системы муниципального управления, а также для поощрения муниципальных образований, достигших наилучших значений показателей.

Литература

1. Оценка эффективности развития региональных социально-экономических систем: учеб. пособие / Под ред. Л.С. Валинуровой, Е.В. Евтушенко, Э.И. Исхаковой, М.В. Казакова. Уфа: БАГСУ, 2013. 84 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов” и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления”» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7490 (ред. от 12 октября 2015 г.).
3. Сингизов И.Ю. Информационное обеспечение диагностики социально-экономического развития регионов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. № 6. С. 22–26.
4. Сингизов И.Ю. Региональная статистика: учеб. пособие. Уфа: БАГСУ, 2013. 144 с.
5. Сингизов И.Ю., Сингизова Н.Б. Оценка структурных изменений в экономике Республики Башкортостан // Проблемы и перспективы экономического развития Республики Башкортостан: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 45–61.
6. Сингизова Н.Б., Сингизов И.Ю. Структурные изменения в экономике регионов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 3. С. 65–71.
7. Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1384 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов” и в перечень, утвержденный этим Указом» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5815.
8. Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2003 (ред. от 14 октября 2012 г.).
9. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 (ред. от 3 ноября 2015 г.).
10. Широков А., Юркова С. Новые территориальные принципы // Муниципальная власть. 2003. № 5. С. 12–15.

Федеральная антимонопольная служба России как регулятор конкурентной среды

В.РУСАКОВ

На современном этапе рассуждать о роли конкуренции в развитии рыночной экономики необходимости и каких-либо оснований нет. Ключевым по этому вопросу является мнение Г.Ф. Шершеневича: «Общественная идея конкуренции состоит в том, что обеспечение личного существования со стороны каждого хозяйства ведет к наилучшему обеспечению интересов общества... Среди торговых представителей открывается ожесточенная борьба перед потребителями. Каждое предприятие стремится привлечь к себе и отвлечь от другого возможно большее число потребителей» [10, 109]. Для наиболее полного раскрытия содержания отношений между всеми участниками рынка не лишним будет упомянуть взгляды известных экономистов в том, что «при конкуренции покупатель – это хозяин, рынок – их агент, а предприятия – их слуги» [4, 95]. Но подобное суждение, на наш взгляд, тяготеет к тезису классиков монетаризма с их идеализацией «невидимой руки рынка» как идеального регулятора рыночной среды. Опыт реализации такого крайнего подхода в 90-е годы прошлого века показал, что власть, по сути, оказалась у нескольких групп крупного монополизированного капитала, что, конечно же, не способствовало становлению и развитию малого и среднего предпринимательства. В связи с этим возникает вполне логический вопрос: какова же роль и место Федеральной антимонопольной службы (ФАС) России в преодолении кризисных явлений и последующем поступательном росте российской экономики?

В сфере реализации государственной политики развития конкуренции полномочия Антимонопольного органа определены Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [6] (далее – Закон о защите конкуренции). ФАС России осуществляет контроль и надзор за соблюдением законодательства в сфере конкуренции на товарных и финансовых рынках, а также за соблюдением федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления требований антимонопольного законодательства. Представляется, что важную роль ФАС России должна и в дальнейшем отводить осуществлению контроля за ходом деятельности естественных монополий, более того, повышение прозрачности в этой работе она провозгласила своей стратегией развития [8].

В настоящей статье рассмотрена динамика развития антимонопольного законодательства, а также исследованы процессы в сфере антимонопольного регулирования в условиях применяемых к России экономических санкций со стороны иностранных государств.

В части развития законодательства, регулирующего вопросы функционирования здоровой конкурентной среды, следует упомянуть так называемые пакеты поправок к Закону о защите конкуренции, согласно которым наметилась трансформация ФАС России в орган предупредительного контроля. Можно выделить следующие наиболее значимые законодательные новации и управленческие решения в данной сфере.

1. Установление «оборотных» штрафов, исчисляемых в процентном отношении от неправомерной выручки хозяйствующих субъектов, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе их должностных лиц. Эта мера послужила ключевым условием для дальнейшего совершенствования антимонопольного законодательства. Отметим, что одновременно с введением оборотных штрафов за

Русаков Виталий Июстинович, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан.
E-mail: RusakovVitaliy@yandex.ru

картельные соглашения, недобросовестную конкуренцию и злоупотребление доминирующим положением на рынке установлен стимулирующий механизм освобождения от административной ответственности лиц, которые первыми выполнят все условия, содержащиеся в Примечании п. 3 ст. 14.32 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [7].

2. Третьим пакетом поправок в Закон о защите конкуренции включена ст. 39.1 Предупреждение (ст. 25.7 Предостережение). Подзаконным актом к данному закону утвержден механизм реализации по прекращению действий (бездействий), содержащие признаки нарушения антимонопольного законодательства. В соответствии с п. 3.4 Приказа ФАС России установлено, что при вынесении предупреждения дело не возбуждается. В отношении же лица (групп лиц), не выполнившего предупреждение, возбуждается и рассматривается дело о нарушении антимонопольного законодательства. По данным статистики, с введением данной законодательной новации общее число возбужденных дел за нарушения антимонопольного законодательства снизилось в 2013 г. на 27 %. В этой связи, на наш взгляд, это нововведение в практику антимонопольной регуляции можно оценить как явно положительный момент.

3. Необходимо отметить творческую инициативу самого Антимонопольного органа. Так, после некоторых консультаций подписан совместный приказ ФАС России и Минэнерго России от 30 апреля 2013 г. № 313/13/225 «Об утверждении минимальной величины продаваемых на бирже нефтепродуктов и требований к биржевым торгам, в ходе которых заключающиеся сделки с нефтепродуктами хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующих товарных рынках». Приказ содержит требование проведения подлинно конкурентных торгов. Речь идет о таких обязательных условиях, как анонимность участников и стандартизация выставляемых лотов. основополагающей целью Приказа является снижение количества аффилированных лиц в проводимых сделках, которое в итоге обеспечивает доступ независимых участников рынка к ресурсу нефтепродуктов, производимых нефтяными компаниями, занимающими доминирующее положение в данном сегменте рынка.

25 февраля 2013 г. ФАС России согласовала правила торговых практик ОАО «Газпромнефть» в отношении реализации автотоплива, автомобильных бензинов и дизельного топлива на оптовых рынках Российской Федерации. В результате было получено разделение сбытовой деятельности на опт, мелкий опт, розницу и хранение. Конечным результатом такой работы является тот факт, что это способствует увеличению открытости и прозрачности продаж с обеспечением недискриминационного доступа потребителей на розничный и оптовый рынок нефтепродуктов. Принятое решение оказалось востребованным на топливном рынке. Так, Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа уже в мае 2013 г. запустила фьючерсные контракты на автотопливо с возможностью поставки без хранения у третьих лиц. Смысл такого инструмента видится в страховании от роста цен на топливо. Объем составит не менее 1 000 литров [2]. Такой продукт представляется интересным и будет эффективным посылом не только для развития малого и среднего предпринимательства, но и обычным потребителям (физическим лицам). Как видим, ФАС России имеет большие внутренние резервы, направляемые на совершенствование доступа к рынку широкого круга продавцов (производителей) и не столько сырьем, сколько готовой продукцией.

4. В части оздоровления и дальнейшего развития конкурентной среды увеличено число негосударственных организаций, участвующих в реализации программы предоставления государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи (за год увеличено на 16 %). На наш взгляд, особо следует отметить работу, проводимую в этом направлении в регионах. Например, принятая Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Республике Башкортостан, которая содержит перечень видов медицинской помощи,

оказываемой нуждающимся за счет средств, в том числе бюджета Республики Башкортостан, и перечень 11 медицинских организаций, участвующих в предоставлении высокотехнологической медицинской помощи. Так, только 29 учреждений участвуют в мероприятиях по проведению неонатального скрининга (массового обследования новорожденных) на предмет выявления 5 наследственных и врожденных заболеваний. При этом всего 221 медицинская организация региона участвует в реализации Программы. С таким подходом властей субъекта РФ, на наш взгляд, следует согласиться, поскольку эти мероприятия обеспечены соответствующими средствами, указанные медицинские организации отвечают самым высоким требованиям, предъявляемым к качеству оказываемых услуг, и, главное, способны конкурировать между собой в борьбе за каждого пациента.

5. В части осуществляемых мер по предупреждению и пресечению нарушений антимонопольного законодательства отметим следующее. ФАС России отмечает, что непроведение аукционов негативно отражается на состоянии конкуренции, поскольку хозяйствующие субъекты (преимущественно – малое и среднее предпринимательство) не обеспечиваются равными условиями для приобретения государственного (муниципального) имущества. Так, Законом Санкт-Петербурга от 17 июня 2004 г. № 282-43 «О порядке предоставления объектов недвижимости, находящихся в собственности Санкт-Петербурга, для строительства и реконструкции» была предусмотрена возможность предоставления недвижимого имущества (в том числе земельных участков) без проведения торгов в зависимости от назначения объекта, его состояния, принадлежности к сфере инвестиционной деятельности и обладания особым статусом – стратегическим инвесторам. Такие требования в региональном законе противоречили ст. 30 Земельного кодекса Российской Федерации, согласно которой критерием предоставления земельных участков без проведения торгов является сформированность земельного участка и имеющаяся согласованность места размещения объекта, а не статус (особый) лица (инвестора). Таким образом, Закон Санкт-Петербурга противоречил требованиям ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции (необоснованное препятствование осуществлению деятельности хозяйствующих субъектов). Решением Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 февраля 2013 г. № А56-71381/12 были полностью поддержаны заявленные требования Антимонопольного органа.

Другим характерным примером оказания услуг для нужд муниципального образования без проведения соответствующих торгов является принятие муниципального закона Санкт-Петербурга от 11 мая 2006 г. № 223-35 «О государственных унитарных предприятиях Санкт-Петербурга, государственных учреждениях Санкт-Петербурга и иных коммерческих и некоммерческих организациях, учредителем (участником, акционером, членом) которых является Санкт-Петербург». Согласно этому закону был определен перечень работ и услуг, выполнение или оказание которых может осуществляться исключительно подведомственными учреждениями и унитарными предприятиями Санкт-Петербурга. В этом перечне были указаны работы и услуги, например, по транспортному обслуживанию лиц, замещающих государственные должности, государственных служащих, организации общественного питания, при проведении иных официальных мероприятий от имени Губернатора Санкт-Петербурга и органов государственной власти субъекта РФ и т.д. Таким образом, в соответствии с региональным законодательством были сформированы условия, которые могут привести к ограничению прав иных участников на конкурентном рынке. По данному факту УФАС России по Санкт-Петербургу возбудило антимонопольное дело по признакам нарушений п.п. 2, 3, 5 ч. 1. ст. 15 Закона о защите конкуренции. Нарушителю выдано предписание об устранении нарушения путем внесения изменений в названный закон. Заинтересованное лицо обжаловало решение и предписание антимонопольного органа в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Первоначально суды 1-й и 2-й инстанций жалобу удовлетворили, действия Антимонопольного органа (по арбитражному делу № А56-63226/2011) были

признаны незаконными. Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.02.2013 г. действия УФАС России по Санкт-Петербургу признаны правомерными.

Рассмотрим еще один пример. УФАС России по Республике Башкортостан 28 сентября 2011 г. признало решение муниципального образования об утверждении тарифа за предоставление опор контактной сети, закрепленным на праве хозяйственного ведения за унитарным предприятием, нарушающим требования ч. 1 ст. 15. Закона о защите конкуренции. Принятое решение Антимонопольного органа о нарушении антимонопольного законодательства заинтересованная сторона обжаловала в Арбитражный суд Республики Башкортостан. Однако суд согласился с выводами УФАС России по Республике Башкортостан и оставил решение в силе.

На сегодняшний день Государственная Дума Российской Федерации в первом чтении приняла четвертый антимонопольный пакет поправок Закон о защите конкуренции, в котором содержатся следующие инструменты воздействия на среду регулирования:

- возможность значительно более широко применять институт предупреждения, а также расширять перечень лиц, которым может быть направлено предостережение;
- устранение возможности одновременного наложения оборотного штрафа и выдача предупреждения о взыскании в бюджет незаконно полученного дохода;
- наделение Правительства РФ правом определять правила недискриминационного доступа к товарам на высококонцентрированных товарных рынках при наличии на них признаков нарушений антимонопольного законодательства;
- создание коллегиального органа ФАС России для обобщения правоприменительной практики и пересмотра решений территориальных органов ФАС России;
- законодательного уточнения понятия «картель»;
- принятие правил обязательного согласования с антимонопольным органом решений по созданию государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Наиболее проблемным из названных пунктов представляется сбор доказательств по уличению в нарушении антимонопольного законодательства участниками картельных соглашений. Проблема заключается в том, что в правоприменительной практике сегодня не сформированы единые подходы к процедуре доказательства наличия/отсутствия достаточных признаков картельного сговора. Тем не менее, в практической деятельности антимонопольного органа начиная с 2014 г. появились антимонопольные дела, когда подтверждение/опровержение наличия картельных соглашений опирается всецело на косвенные доказательства [5]. Как показала практика, к числу последних можно отнести следующие доказательства: информация с электронных носителей сотрудников, аудио-, видеофайлы, а также иные сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий правоохранительными органами, включая результаты наружного наблюдения, в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности. Между тем ранее в случаях отсутствия прямых доказательств такие действия квалифицировались как согласованные действия, характеризующиеся признаками, указанными в ст.ст. 8 и 11.1 Закона о защите конкуренции.

С одной стороны, можно признать, что правоприменительная практика совершенствуется. Но с другой стороны, возникает вопрос: а сможет ли антимонопольный орган достаточно осторожно использовать такой «острый» инструментарий, не возникнут ли условия для злоупотреблений как со стороны самого органа, так и сотрудников правоохранительных органов, и не послужит ли это поводом для нарушителя «примерить» маску невинной жертвы? На наш взгляд, следует согласиться с мнением, что ФАС России должна проводить оценку объективных причин поведения участников картельного соглашения, имея в виду то, что запрет на него безусловен и не требует доказывания ограничения конкуренции, но наличие самого картеля и заинтересованных компаний в нем антимонопольной службой должно быть доказано.

В отношении обязательного согласования при создании унитарных предприятий со стороны ФАС России следует отметить, что этот инструмент специалисты будут использовать достаточно осторожно, с учетом экономического анализа с целью совершенствования конкурентной среды, а не оставления «пустым» ранее занятой ниши унитарным предприятием, вплоть до рекомендации передачи имущественного комплекса концессионеру на условиях концессионного соглашения. Очевидно, что роль федеральных органов исполнительной власти в государственном регулировании экономики в условиях введенных против России незаконных санкций возрастает, более того, такой подход полностью соответствует Концепции социально-экономического развития России [3] и служит достижению цели повышения эффективного управления государственным (муниципальным) имуществом, с учетом насущных задач, обеспечения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления. В своих исследованиях Е.П. Губин, и П.Е. Губин главную задачу процесса модернизации экономики видят в том, чтобы включить государственные и муниципальные предприятия в систему рыночных отношений, освободив их от излишней опеки государства, сохранив при этом необходимый уровень контроля [1, 2–8]. Таким образом, усилия Правительства РФ должны быть адекватными вызовам современности.

Можно заключить, что в период нестабильности мировых фондовых бирж диверсификация российской экономики становится необходимым императивом. Соответственно, и роль антимонопольного органа по регулированию цен (тарифов), в первую очередь, в сфере деятельности естественных монополий, сегодня звучала с новой остротой. На наш взгляд, рассмотренные выше законодательные меры должны способствовать достижению намеченной цели повышения эффективности и устойчивости российской экономики.

Литература

1. Губин Е.П., Губин П.Е. Модернизация российской экономики и право // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии / отв. ред. Е.П. Губин, Е.Б. Лаутс. М.: Юрист, 2010.
2. Как сэкономить на бензине 10 рублей за литр // РБК. Ежедневная деловая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rbcdaily.ru/>
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020г., утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
4. Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономикс. М.: Изд-во «Республика». 1993.
5. Решение ФАС России от 26.02.2014г. по делу №1-00-139/00-22-13 (картель в отношении двух узбекских сотовых операторов); решение АС г. Москвы от 08.10.2014 г. по делу № А40-143256/2013 (картель российских компаний и Управленческого комитета Вьетнама по поставкам отдельных видов рыбы).
6. Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3434.
7. Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7346.
8. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг., утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013 г. // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре Федеральных органов исполнительной власти», упразднен Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2015 г. № 373 «О некоторых вопросах государственного управления в сфере антимонопольного и тарифного регулирования» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>
10. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. СПб.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1908.

Государственные программы как инструмент региональной социально-экономической политики

Н.ЕВДОКИМОВ, К.ГАЛАНИНА

В настоящее время государственные программы приобрели статус базового инструмента государственного программно-целевого управления как на федеральном, так и региональном уровнях. Постепенно расширяется практика совместного решения определенных задач Федерацией и ее субъектами, и, как следствие – государственные программы регионов становятся все в большей степени связанными по целям с государственными программами РФ. Финансовой основой обеспечения подобной координации политик выступает субсидирование бюджетов субъектов России в части соответствующих мероприятий.

Таким образом, государственная программа, реализуемая на определенной территории, с одной стороны, служит четко проработанным механизмом ее социально-экономического развития. С другой стороны, она связывает уровни государственной власти, формируя объем финансового обеспечения реализации наиболее полного спектра инструментов комплексной социально-экономической политики региона.

Субъекты РФ в настоящее время характеризуются разной степенью распространения инструмента государственных программ в организации деятельности органов исполнительной власти на территории, что может быть оценено по ряду количественных и качественных показателей, в первую очередь доли расходов бюджета, исполняемой в разрезе государственных программ. В связи с этим интересным представляется сравнительный анализ практики применения инструмента государственных программ в регионах РФ.

В данной статье в качестве объектов сравнения выступают Самарская и Нижегородская области. Выбор этих регионов для анализа обусловлен двумя основными факторами:

- 1) регионы входят в один федеральный округ и в целом сопоставимы по уровню социально-экономического развития и демографическим показателям;
- 2) Нижегородская область – один из первых регионов, начавших использовать инструмент государственных программ, оценка эффективности которых проводится седьмой год, в то время как в Самарской области это произошло только в 2013 году.

Сравнительный анализ программного исполнения региональных бюджетов. По состоянию на 1 июня 2015 г. в Приволжском Федеральном округе были утверждены порядка 340 государственных программ, из них в Нижегородской области – 24, а в Самарской – 45.

В 2014 г. в Самарской области осуществляется реализация 42 государственных программ Самарской области (далее – ГП СО). Анализ был проведен по 40 программам, так как действие ГП СО «Развитие телекоммуникационной инфраструктуры сельских населенных пунктов Самарской области» в 2014 г. было приостановлено, а по госпрограмме «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Самарской области» ответственными органами не были предоставлены в срок необходимые данные.

Евдокимов Николай Николаевич, канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики, государственного и муниципального управления Самарского государственного экономического университета. E-mail: Nickelsyz@list.ru

Галанина Ксения Артуровна, студентка Самарского государственного экономического университета. E-mail: Ksenia.galanina@gmail.com

Количество реализуемых программ не связано с показателем программного исполнения бюджета. Так, в 2015 г. 95 % расходов бюджета Нижегородской области распределены по госпрограммам, что свидетельствует о фактически состоявшемся переходе региона к программному исполнению бюджета. Для сравнения в 2014 г. эта доля составляла только 29 %, а в 2013 г. – 17 % [4]. Бюджет Самарской области на 2015 г. распределен по ГП СО на 71 % [1].

В 2014 г. объем средств, направленных на реализацию ГП СО, составил 94,7 млрд руб. Объем финансирования реализации всех государственных программ Нижегородской области (далее – ГП НО) в том же году был несколько выше – 104,5 млрд руб. [6], однако существует значительная разница в их структуре по источникам поступления (рис. 1).

Если в Самарской области доля областного бюджета составляет 85,0 % в общем объеме средств, то в Нижегородской области – всего 37,4 %. В то же время доля других источников в Нижегородской области достигает 47,7 %, а в Самарской области доля прочих источников – лишь 1,5 %. В объем внебюджетных источников Нижегородской области входят средства фондов, в большей степени – средства физических и юридических лиц.

Наибольший объем внебюджетных средств соответствует следующим ГП НО:

- 1) «Развитие агропромышленного комплекса» – 23,2 млрд руб.
- 2) «Развитие здравоохранения» – 23 млрд руб.

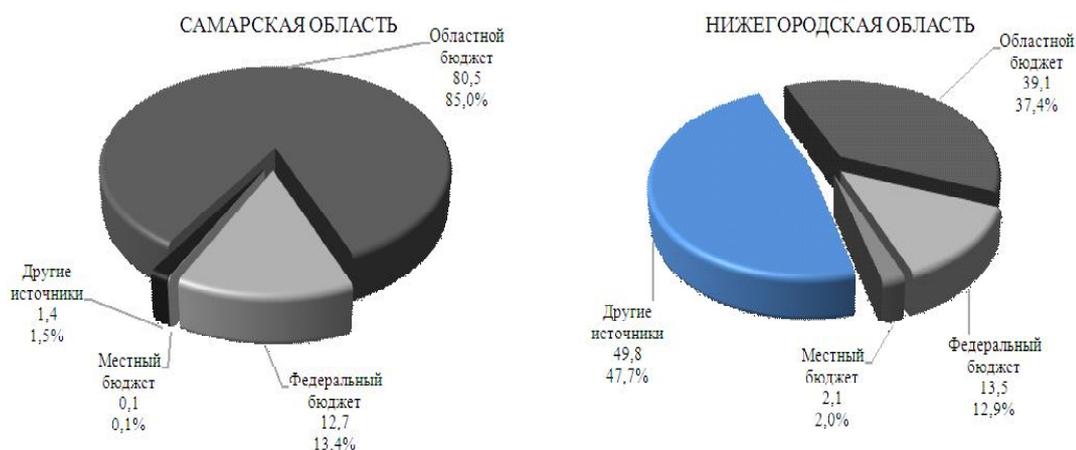

Рис. 1. Распределение источников финансирования государственных программ в Нижегородской и Самарской областях, млрд руб.

В Самарской области в 2014 г. внебюджетные источники финансирования, согласно отчетам о реализации ГП СО, входили в состав двух программ: «Развитие жилищного строительства» (1,3 млрд руб.) и «Государственная поддержка собственников жилья» (0,1 млрд руб.)

Объем федеральных средств, выделяемых на реализацию программ двух регионов, находится примерно на одном уровне и составляет 13,5 млрд руб., или почти 13 % от общего объема в Нижегородской области [6], в Самарской области – 12,7 млрд руб. и 13,4 % соответственно.

Средства федерального бюджета в Нижегородской области направлялись преимущественно на социальные выплаты определенным группам населения (3,9 млрд руб.), оказание высокотехнологичной и специализированной медицинской помощи (1,8 млрд руб., в Самарской области – 1,1 млрд руб. [8]), предоставление лекарственных средств для определенных групп населения, предоставление субсидий сельхозпроизводителям

(1,6 млрд руб., в Самарской области – 1,5 млрд руб. [11]), строительство и капитальный ремонт детсадов (1,2 млрд руб., в Самарской области – 0,8 млрд руб. [10]) [5].

В Самарской области по объему привлеченных федеральных средств (2,15 млрд руб., или 36,8 % от общего объема привлеченных средств [8]) лидирует госпрограмма «Развитие здравоохранения в Самарской области». В то же время в рамках государственной программы «Ликвидация накопленного экологического ущерба и рекультивация бывших промышленных площадок на территории Самарской области» было привлечено 327,8 млн руб. из федерального бюджета, или 98,1 % от общего объема привлеченных на реализацию данной программы средств [7].

В то же время Нижегородская область характеризуется более активным участием муниципальных бюджетов в софинансировании госпрограмм. Наибольшее финансирование из местных бюджетов в 2014 г. было характерно для следующих ГП НО: «Ликвидация очередности в ДОО...» – 622,5 млн руб.; «Развитие социальной и инженерной инфраструктуры...» – 395,6 млн руб.; «Обеспечение граждан жильем...» – 366,7 млн руб. В то же время в Самарской области за счет средств местных бюджетов осуществлялось софинансирование ГП СО «Развитие жилищного строительства в Самарской области» – в объеме 95,1 млн руб.

С учетом примерно одинакового объема финансирования в рамках государственных программ, как уже было отмечено выше, в Самарской области в 2015 году их реализуется почти в 2 раза больше, чем в Нижегородской области. Тем не менее, по различным отраслевым направлениям деятельности соотношение количества программ различается.

Например, для обеспечения развития агропромышленного комплекса в Самарской области реализуется 4 госпрограммы (еще 3 неучитываемых ведомственных), в Нижегородской области – одна, в сфере туризма также реализуется одна программа, зато в области культуры в Нижегородской области реализуется 2 ГП НО, а в Самарской области – всего одна. Таким образом, можно сделать вывод, что степень интеграции программных документов зависит как от политики региональных правительств в целом, так и отдельных органов исполнительной власти в их составе. Для проведения анализа структуры расходов в разрезе госпрограмм на примере Самарской области были сгруппированы направления деятельности Правительства Самарской области (рис. 2).

Рис. 2. Структура расходов в рамках ГП СО по направлениям деятельности Правительства Самарской области в 2014 г.

Наибольшая доля расходов (почти треть) была направлена на поддержку сферы образования. Второе место по расходам занимает ГП СО «Развитие транспортной системы Самарской области», которая представляет группу «Транспорт». Группе «Благополучие и поддержка граждан», в которую входит ряд государственных программ Самарской области, принадлежит 11,9 % в общем объеме расходов ГП СО. В целом структура расходов свидетельствует о приоритетности социальных вопросов, в то время как поддержка производства, за исключением сельского хозяйства, во многом связанного с социальным аспектом жизни в сельской местности, осуществляется в гораздо меньшем объеме.

Для сравнительного анализа структуры расходов в рамках госпрограмм двух регионов была произведена группировка расходов по четырем наиболее значимым группам (рис. 3).

Рис. 3. Основные направления распределения средств региональных бюджетов по государственным программам в Самарской и Нижегородской областях, млрд руб.

Из данных рисунка 3 следует, что в Самарской области объем средств областного бюджета, направленных на социальную сферу, хотя и составляет более 50 % от общего объема, однако это все же значительно меньше, чем в Нижегородской области (67,4 %). Почти пятая часть финансирования идет на реальный сектор экономики (в Нижегородской области – 11,1 %), остальные расходы практически поровну распределены на цели дорожного и коммунального хозяйства, а также группу «прочие». В Нижегородской области эти категории объектов финансирования занимают 21,4 % от общего объема финансирования (17,3 % и 4,1 % соответственно).

Сопоставление методик и результатов оценки эффективности реализации государственных программ. В настоящее время регионы также по-разному подходят к обязательной процедуре оценки эффективности реализации госпрограмм, что непосредственно сказывается на результатах этих оценок.

Комплексная оценка эффективности реализации ГП СО выполняется на основе оценки степени реализации мероприятий и оценки эффективности реализации программы. Последняя может быть рассчитана в соответствии со следующей формулой [3].

$$R = \frac{\frac{1}{N} \sum_{n=1}^N \frac{X_n^{\text{Факт.}}}{X_n^{\text{План.}}}}{\frac{F^{\text{Факт.}}}{F^{\text{План.}}}} \times 100\%, \quad (1)$$

где N – количество показателей; $X_n^{\text{План.}}$ – плановое значение n-го показателя;

$X_n^{\text{Факт.}}$ – реальное значение n-го показателя на конец отчетного года; $F^{\text{План.}}$ – плановый объем финансовых ресурсов, доступных для реализации мероприятий программы в отчетном году; $F^{\text{Факт.}}$ – фактический объем финансовых ресурсов, использованных для реализации мероприятий программы на конец отчетного года.

В Нижегородской области механизм комплексной оценки эффективности ГП НО основан на присвоении баллов по 5 критериям, каждый из которых имеет свой вес, что в дальнейшем способствует выведению интегральной оценки.

Необходимо отметить, что большая часть критериев комплексной оценки эффективности в исследуемых регионах совпадает.

Первым критерием в Нижегородской области является соответствие госпрограмм приоритетам социально-экономического развития Нижегородской области и актуальность индикаторов целей программ. В Самарской области такой критерий оценки не используется, однако при разработке любой ГП СО необходимо основываться на положениях стратегических и концептуальных документов, а следовательно, ГП СО должны соответствовать приоритетам социально-экономического развития Самарской области.

Второй критерий – уровень финансирования мероприятий ГП СО и выполнение плановых объемов финансирования госпрограмм и привлечение дополнительных средств для их реализации в Нижегородской области (который во втором случае также учитывает долю привлечения средств из местных бюджетов и прочих источников).

Значение данного показателя в 2014 г. в Нижегородской области составило 96,8 %, в Самарской области – примерно 89 %.

Третий критерий – это степень достижения индикаторов целей госпрограмм. В Нижегородской области в среднем по всем ГП НО уровень достижения показателей от предусмотренного составил в 2014 г. 99,2 %. Около 73 % индикаторов было выполнено в полном объеме, при этом на 100 % от планового значения были выполнены индикаторы по 5 из 24 программ. По остальным ГП НО наблюдается либо их перевыполнение, либо выполнение не в полном объеме. Основная причина невыполнения показателей – неточность планирования значений индикаторов госзаказчиками ГП НО и несвоевременное внесение изменений в программы.

В Самарской области примерно 42 % фактических значений показателей по всем ГП СО превысили их плановое значение, около 26 % не достигли плана, соответствуют запланированному уровню примерно 32 % показателей. Лишь по одной ГП СО («Ликвидация накопленного экологического ущерба») степень достижения показателей составила 100 % [7], почти 100 % – в ГП СО «Развитие муниципальной службы...» (99,8 %) [9].

Четвертый критерий, необходимый для комплексной оценки эффективности, – это степень выполнения мероприятий госпрограммы. Для комплексной оценки эффективности госпрограмм значения этого критерия в Самарской области анализируются по шкале «до 80 %» или «от 80 % до 100 % включительно».

По данному критерию все ГП НО распределяются на три группы: «Степень выполнения мероприятий более или равна 95 %», «Степень выполнения от 80 до 95 %» и «Степень выполнения менее 80 %» Аналогичным образом могут быть распределены и ГП СО (рис. 4).

Пятым критерием комплексной оценки эффективности является показатель эффективности реализации госпрограммы, в Нижегородской области – динамика показателей экономической, общественно-экономической и общественной эффективности реализации.

В Нижегородской области в 18 ГП НО показатель эффективности достиг 100 %. В Самарской области из 40 анализируемых госпрограмм 33 характеризуются эффек-

тивностью реализации более 100 %, 4 – менее 100 %, 1 программа – почти 100 %, при этом пять государственных программ имеют показатель эффективности более 200 %.

Рис. 4. Распределение ГП НО и ГП СО по степени выполнения мероприятий программ в 2014 г.

Комплексная оценка эффективности реализации ГП СО осуществляется на основании анализа степени выполнения мероприятий программы и эффективности реализации ГП СО.

В Нижегородской области формируются и анализируются интегральные показатели на основании баллов 5 рассмотренных выше показателей и их веса в общем результате. Распределение ГП НО и ГП СО по значениям комплексных показателей эффективности представлено на рис. 5.

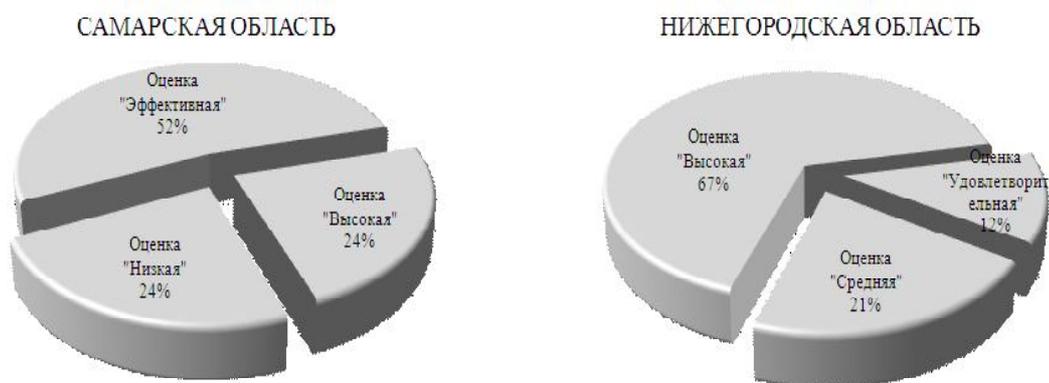

Рис. 5. Распределение ГП НО и ГП СО по значениям комплексных показателей эффективности реализации госпрограмм

В Самарской области высокую оценку эффективности получили 9 ГП СО, или почти четверть всех анализируемых госпрограмм, так же, как и низкую оценку. Эффективными были признаны 20 ГП СО.

В Нижегородской области высокую оценку получили 16 госпрограмм, (67 %), 5 госпрограмм получили среднюю оценку и 3 – удовлетворительную. В этой системе координат также предполагается наличие неудовлетворительной оценки, но ни одна ГП НО ее не получила [13].

В целях сопоставления применяемых вариантов оценки эффективности реализации региональных госпрограмм балльная методика оценки Нижегородской области была применена к ГП СО «Развитие транспортной системы Самарской области (2014–2025 годы)». По итогам расчетов программа, которая по методике Самарской области была признана эффективной, согласно балльной методике Нижегородской области была оценена как «средняя», что показывает некоторые проблемы корреляции между двумя методиками расчета. Балльная методика применялась в самом начале использования государственных программ и может быть устаревшей и малоприменимой в условиях сложной структуры современных ГП СО, в основном имеющих в своем составе подпрограммы. Однако ее достоинством является учет доли привлеченных денежных средств из местных бюджетов и внебюджетных источников.

С 1 января 2016 года в Нижегородской области должен вступить в силу региональный закон, заменяющий старую балльную методику оценки на новую [2], основанную на федеральной методике оценки эффективности, которая более предпочтительна для работы с обновленными программами. Она имеет общие элементы как со старой методикой оценки ГП НО, так и с действующей в Самарской области госпрограммой.

Основным ее отличием от методики оценки эффективности реализации госпрограмм РФ является то, что сумма значений эффективности реализации подпрограмм умножается на долю финансирования подпрограммы, которая является наибольшей для данной программы. В методике РФ значение эффективности каждой подпрограммы взвешивается по доли в финансировании подпрограммы, за счет чего достигается учет веса каждой подпрограммы при получении комплексной оценки эффективности реализации госпрограммы.

Проблемы, связанные с применением инструмента госпрограмм в регионах РФ, и некоторые предложения по их решению. Инструмент государственного программирования в субъектах РФ в настоящее время характеризуется становлением методологических основ и характеризуется рядом общих для многих регионов проблем.

Во-первых, все госпрограммы разрабатываются на различные периоды. В результате возникают проблемы согласования мероприятий разных программ, взаимодействия институтов власти и общественности между собой, определения достигнутых комплексных результатов и т.д. В связи с этим целесообразной может стать разработка госпрограмм регионов на унифицированный срок – 5–6 лет.

Во-вторых, государственные программы в тех субъектах РФ, которые прошли процесс укрупнения, характеризуются излишней сложностью. Кроме того, не все проекты, реализующиеся в субъекте РФ, могут соответствовать нормам и требованиям государственных программ. Так, например, в Нижегородской области было принято решение выделить программу (без приставки «государственная») по подготовке к чемпионату мира по футболу, так как по структуре она не подходила под определение «государственная программа». Следует взвешенно подходить к этому процессу и к использованию входящих в программный инструмент элементов (подпрограмм).

В-третьих, многие госпрограммы субъектов РФ все еще не соответствуют установленным требованиям, а их цели – не соответствуют приоритетам национального и регионального развития, а также конечным общественно значимым результатам, определенным в стратегии социально-экономического развития региона [14, 22]. Поэтому необходимо проследить за приведением государственных программ в регионах РФ к единому актуальному состоянию.

В-четвертых, все госпрограммы должны быть взаимосвязанными для того, чтобы создавать общую «сеть», покрывающую своим широким охватом все сферы жизни на определенной территории. На данный момент это реализовано не в полной мере.

Во многих случаях взаимосвязь между госпрограммами отсутствует, что говорит об отраслевом, ведомственном подходе к формированию госпрограмм.

В-пятых, не во всех государственных программах РФ и ее регионов дана полноценная оценка рисков и схемы действия при их наступлении.

В-шестых, проблемой многих программ является «хроническое» недофинансирование. Кроме того, средства на расходы для мероприятий госпрограмм зачастую перечисляются не в начале года, а в конце, поэтому исполнители не успевают осваивать эти средства. Решением этой проблемы может быть только повышение стабильности финансовой системы региона.

В-седьмых, переход на программную структуру бюджета связан с рядом сложностей обеспечения объективности оценки эффективности реализации госпрограмм, к которым относятся следующие:

– отсутствие единой методики оценки эффективности госпрограмм для различных субъектов РФ;

– формальный характер оценки. Парадоксальным является факт сосредоточения у ответственного исполнителя госпрограммы функций по разработке госпрограммы и ее оценке;

– проведение оценки эффективности госпрограмм только в период их реализации. Однако часть результатов может проявляться лишь через несколько лет, что требует проведения дополнительной оценки эффективности с учетом имеющегося временного лага;

– отсутствие взаимосвязи между полученными показателями эффективности и принятием дальнейших управленческих решений, что лишает смысла проведение оценки эффективности программ;

– наличие в ГП показателей, в незначительной степени зависящих от реализующихся мероприятий ГП.

– проблема выбора методики оценки эффективности реализации государственных программ.

Помимо общих для всех регионов проблем, существуют также специфические, характерные, в частности, для Самарской области. В результате анализа ГП СО и их сравнения с опытом Нижегородской области и других регионов РФ можно выдвинуть несколько предложений:

1) Ввести ответственность за несвоевременность и неполную, недостоверную отчетность ответственных исполнителей при предоставлении документов в министерство управления финансами и министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области.

2) Перейти от ведомственного принципа распределения средств к проектному, где ставятся не желаемые, а максимально возможные целевые значения показателей.

3) Реализовывать ГП СО во взаимодействии с различными субъектами экономического пространства Самарской области. Должны осуществляться согласованные действия разных органов власти между собой, общей целью которых является развитие региона.

4) Взять за основу новой системы оценки ГП СО методику РФ, которая внедряется в ряде регионов, в том числе в Нижегородской области, так как она позволяет учитывать эффективность использования средств из всех источников финансирования.

5) Уточнить условия, когда мероприятие считается выполненным при оценивании степени выполнения мероприятий, так как в Постановлении о разработке и реализации ГП СО не приводятся четких правил. Это позволит снизить субъективность оценки результата.

По итогам реализации указанных предложений ожидается рост эффективности использования ограниченного объема финансовых средств и повышение количества и качества достигнутых целей социально-экономического развития региона. В свою очередь положительные изменения имели бы последующий мультипликативный эффект.

Литература

1. Закон Самарской области об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://minfin-samara.ru/external/minfin.samara.ru/files/c_6691/Zakon_v_redaktsii_ot_14.05.2015_N51-GD.docx
2. Постановление Правительства Нижегородской области от 28.04.2014 № 274 «Об утверждении Методики оценки эффективности государственных программ Нижегородской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW187;n=78559>
3. Постановление Правительства Самарской области от 20.09.2013 № 498 «О разработке и реализации государственных программ в Самарской области».
4. Доклад министра экономики Нижегородской области по итогам 2014 года и задачам на 2015 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://minec.government-nnov.ru/?id=1089&template=print>
5. Информация о ходе реализации государственных программ Нижегородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://minec.government-nnov.ru/?id=42236>
6. Итоги реализации государственных программ Нижегородской области, финансируемых из областного бюджета в 2014 году [Электронный ресурс]. URL: <http://minec.government-nnov.ru/?id=44526>
7. Отчет о реализации государственной программы Самарской области «Ликвидация накопленного экологического ущерба и рекультивация бывших промышленных площадок на территории Самарской области» за 2014 год.
8. Отчет о реализации государственной программы Самарской области «Развитие здравоохранения в Самарской области» за 2014 год.
9. Отчет о реализации государственной программы Самарской области «Развитие муниципальной службы» за 2014 год.
10. Отчет о реализации государственной программы Самарской области «Развитие образования и повышение эффективности реализации молодежной политики в Самарской области» за 2014 год.
11. Отчет о реализации государственной программы Самарской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Самарской области» за 2014 год.
12. Отчет о реализации государственной программы Самарской области «Развитие транспортной системы Самарской области» за 2014 год.
13. Оценка эффективности государственных программ, финансируемых из средств областного бюджета, проведена министерством экономики по итогам 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://government-nnov.ru/?id=168383>
14. Чулков А.С. Программно-целевое бюджетирование на региональном и местном уровнях // Финансы. 2014. № 3. С. 17–24.

Мировой опыт реализации промышленного потенциала региона

И. АХМЕТОВ, И. КАРЕЛИН

Основной целью региональной промышленной политики является создание высокотехнологичных, конкурентоспособных промышленных производств, обеспечивающих укрепление экономики региона, повышение уровня жизни населения, а также формирование условий, благоприятствующих успешной реализации регионального промышленного потенциала.

В промышленности Республики Башкортостан на современном этапе существует ряд системных проблем, к которым можно отнести высокие издержки производства, низкий уровень конкурентоспособности продукции и производительности труда, износ технологического оборудования.

Кроме того, в настоящее время промышленность республики переживает спад производства, связанный с введением странами – сторонниками США санкций в отношении России. В частности, российской экономике ограничили доступ к международным кредитам, ввели частичный запрет на поставку в Россию высокотехнологичного оборудования. Для преодоления данных проблем необходимо определить приоритетные направления реализации промышленной политики, в том числе путем изучения опыта реализации промышленного и трудового потенциала развитых стран.

Таким образом, среди основных задач стратегического развития Республики Башкортостан в краткосрочной и среднесрочной перспективе – преодоление кризиса, решение задач импортозамещения и улучшения социально-экономического положения региона. На современном этапе определены и методы достижения провозглашенных приоритетов, среди которых первоочередную значимость приобретает упор на осуществление инноваций и оптимизацию использования регионального и человеческого потенциала.

Эффективное развитие промышленного производства в регионе может быть реализовано на основе различных теоретических моделей развития промышленности, а также при помощи использования мирового практического опыта реализации промышленного и трудового потенциала, выработки долгосрочной стратегии развития.

В период развития мировой экономики сложилось несколько стратегий формирования и реализации региональной промышленной политики. Во многих из них уделено особое внимание процессам развития инновационного потенциала регионов, повышению конкурентоспособности региональной промышленности. При этом если учесть, что структура региональной промышленности напрямую зависит от направлений, заданных инновациями, то достаточно интересным представляется опыт взаимозависимости промышленной политики на уровне региона с созданием инновационных систем.

Изучение практического опыта развития региональной промышленности, выработанного иностранными государствами, позволяет выявить многочисленные успешные примеры реализации различных стратегий промышленной политики, которые привели к социально-экономическому процветанию регионов.

Для исследования моделей реализации промышленного потенциала необходимо проанализировать существующие исходные условия для развития промышленности Башкортостана, а также изучить условия развития региональной промышленности в странах с высоким уровнем промышленного производства.

Ахметов Ильгиз Расульевич, аспирант кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: ahip@bk.ru

Карелин Игорь Юрьевич, канд. экон. наук, заведующий кафедрой экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ. E-mail: karelin7@yandex.ru

Рассмотрим некоторые примеры развития региональной экономики на основе успешной реализации промышленного потенциала, которые имели место в развитых странах.

Опыт Германии. Проведение грамотной региональной промышленной политики Германии привело к ускоренному развитию обрабатывающих отраслей промышленности, освоению высокотехнологичных производств. Во второй половине XX в. Германия преодолела последствия Второй мировой войны и превратилась в страну, имеющую одну из самых устойчивых экономик мира. Так, в послевоенные годы немецкие власти осуществили ряд реформ в соответствии с концепциями социального рыночного хозяйства (1940–1950 гг.) и глобального регулирования (1960-е гг.). В данных концепциях приоритетным направлением считалось развитие социальной сферы посредством повышения занятости населения, налоговых льгот и содействия развитию системы образования.

Формирование и реализация промышленной политики в Германии проходила в два этапа [4; 6]:

1. Период «искусственного сохранения сложившейся структуры промышленности» – промышленная политика была направлена на поддержание с помощью государственных средств существовавшей структуры промышленности, в том числе слабых, неконкурентоспособных или устаревших производств, и препятствовала прогрессивным отраслевым сдвигам. Политика принудительного сохранения существующих отраслей была характерна для первых десятилетий развития немецкой послевоенной экономики. Практически все мероприятия, проводимые правительством страны, в этот период оказались неэффективными. Впоследствии в целях реформирования структуры промышленного производства правительство Германии осуществило переход к политике «формирования».

2. Период реализации «формирующей» промышленной политики характеризовался широким применением высоких технологий, инновационных подходов в реализации промышленного потенциала, в том числе появлением высокотехнологичных производств, созданием условий для привлечения инвестиций, развитием малого и среднего предпринимательства, улучшением финансовых условий для ведущих предприятий, тесным взаимодействием с научными организациями. Мерами реализации данной политики являются государственное регулирование инвестиций, финансовые льготы, создание условий для развития взаимодействия между научными организациями и промышленными предприятиями.

Среди основных направлений реализации региональной промышленной политики Германии следует отметить создание промышленных кластеров. На сегодняшний день в Германии насчитывается более 370 кластеров. Промышленные кластеры – это предприятия, связанные друг с другом кооперацией и разделением труда, что дает им возможность усиления имеющихся и получения дополнительных конкурентных преимуществ. Кроме того, с точки зрения экологической безопасности промышленных производств кластеризация позволяет разместить «вредные» производства нескольких предприятий на определенной территории, снижая воздействие таких производств на экологию [5].

В качестве основных характеристик кластеров можно выделить следующие:

- географическая концентрация (близко расположенных фирм привлекает возможность экономить на быстром производственном взаимодействии, обмене социальным капиталом в процессе обучения);
- специализация (кластеры концентрируются вокруг определенной сферы деятельности, к которой все участники имеют отношение);
- множественность экономических агентов (деятельность кластеров охватывает не только фирмы, входящие в них, но и общественные организации, академии, финансовых посредников, институты, способствующие кооперации, и т.д.);

- конкуренция и сотрудничество (как основные виды взаимодействия между фирмами – членами кластера);
- достижение необходимой «критической массы» в размере кластера (для получения эффектов внутренней динамики и развития);
- жизнеспособность кластеров (кластеры рассчитаны на долгосрочную перспективу);
- вовлеченность в инновационный процесс (фирмы и предприятия, входящие в состав кластера, обычно включены в процессы технологических, продуктовых, рыночных или организационных инноваций) [12].

Одним из эффективных инструментов промышленной политики Германии является разделение на горизонтальную и секторальную политику. Горизонтальная промышленная политика включает поддержку широкого круга участников промышленного производства: стимулирование и вложения в научные разработки, поддержку малого и среднего бизнеса. Государство регулирует использование патентов или субсидирует исследовательскую деятельность. Секторальная промышленная политика направлена преимущественно на развитие отдельных секторов, таких как авиа- и машиностроение и т.д.

Горизонтальная и секторальная политика позволяет государству более тесно взаимодействовать с участниками рынка, в том числе в кратчайшие сроки перераспределять инвестиции, устанавливать приоритетные направления инновационной политики [2; 3].

Опыт Японии. Направление региональной промышленной политики Японии выбиралось с учетом имеющихся на тот момент ресурсов. Сумев задействовать имеющиеся трудовые ресурсы, Япония не допускала в экономику крупных иностранных инвестиций, одновременно жестко ограничивая импорт и создавая конкурентную среду для своих компаний.

Рост занятости населения сопровождался увеличением доходов населения и, соответственно, увеличением емкости внутреннего рынка. Развитие экономики финансировалось за счет внутренних ресурсов – сбережений и налогов, а затем – в результате развития экспорта и роста активного сальдо торгового баланса. Рост доходов и появление в стране новых финансовых возможностей предопределили развитие высокотехнологичных производств.

Широкое применение новейших технологий, повышение производительности труда за счет реформирования методов организации труда, дешевая рабочая сила, благоприятная мировая экономическая обстановка способствовали повышению привлекательности реального сектора для инвестиций, за счет чего в середине XX в. удалось приступить к формированию крупных эффективных промышленных производств. Опираясь на созданный современный индустриальный потенциал, японские фирмы успешно воспользовались возможностью расширить импортозамещающие производства и заложить фундамент мощного экспортного сектора.

С начала реформирования промышленности правительство Японии начало обеспечивать доступ промышленных предприятий к импорту новейшего станочного оборудования, оплачивая часть ее стоимости. Поощрение ввоза и производства современного станочного оборудования в сочетании с внедрением новейших технологий заложили основу для развития мощных машиностроительных производств. При этом правительством страны приобретались лицензии на производство самого современного промышленного оборудования и станков. На собственных машиностроительных производствах осваивались иностранные лицензии и патенты, что давало преимущество и обеспечивало экономию по многим направлениям, в первую очередь за счет снижения импорта иностранного технологического оборудования.

На сегодняшний день благодаря реформам, проведенным в тот период, японское обрабатывающее оборудование является одним из лучших в мире. Кроме того, власти

Японии осуществили реформы в области развития трудового потенциала и повышения производительности труда. С этой целью в 1950-е годы на промышленных предприятиях Японии была внедрена концепция «бережливого производства». Эта система организации труда на предприятиях позволила решить проблему эффективного использования трудового потенциала региона [7].

Опыт Китая. Промышленная политика Китая в послевоенные годы копировала систему реализации аналогичной политики, осуществляемой Советским Союзом, однако имели место и существенные отличия, в том числе заключение специального контракта государства и предприятий «о прибыли и убытках». Часть прибыли от деятельности предприятия перечислялась в государственный бюджет, а часть оставалась на предприятии и использовалась для оптимизации производства. Большое значение для успешного реформирования промышленности Китая имело создание новой налоговой системы для промышленных предприятий и ее дальнейшее совершенствование.

Необходимо отметить, что промышленное развитие концентрировалось в основном в прибрежных регионах, где создавались специальные обрабатывающие зоны экспортной продукции, число которых уже в первые годы реализации реформ превысило десяток и в которые поступали значительные инвестиции. В этих прибрежных регионах был сосредоточен основной объем китайского промышленного производства, а темпы экономического роста в период 1978–1993 гг. составляли здесь в среднем 17,3 %. На начало 1994 г. около трети всего китайского экспорта обеспечивалось экспорто-ориентированными районами, в которых проживало 23 млн человек, то есть менее 1,4 % всего населения страны [1].

На сегодняшний день промышленность КНР представлена 360 отраслями. Активно развиваются фармацевтическая, автомобильная и металлургическая промышленность. Созданы такие отрасли, как электроника, нефтехимия, авиастроение, металлургия редких и рассеянных металлов.

Возможности адаптации опыта зарубежных стран для развития региональной промышленности в современной России. Рассмотренные примеры развития промышленности указывают на возможность преодоления кризисных явлений в экономике при помощи создания благоприятных условий для развития региональной промышленности, в том числе на основе трудовых и природных ресурсов.

Основными инструментами развития региональной промышленности в рассмотренных странах являются следующие:

- стимулирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и вложения в сферу образования, создание технопарков;
- поддержка малых и средних предприятий;
- государственное регулирование инвестиций, их рациональное распределение;
- широкое внедрение новейших технологий, рост автоматизации производства;
- применение современных методов организации труда, в том числе внедрение принципов бережливого производства;
- выделение льготных кредитов и субсидий, предоставление налоговых льгот;
- переход от трудоемкого производства к капиталоемкому и наукоемкому;
- поощрение ввоза и производства современного станочного оборудования, получение лицензий на производство современного промышленного оборудования.

В настоящее время промышленность Республики Башкортостан обладает многокомпонентной структурой, основную роль в которой играют предприятия нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей промышленности и электроэнергетики, машиностроения и металлообработки, химической и нефтехимической промышленности.

Однако несмотря на мощный промышленный потенциал республики региональная экономика продолжает оставаться сырьевой, имеющей высокий уровень концентрации

капитала и доли госсобственности, низкий уровень развития конкуренции и частного бизнеса, технологически отсталое производство, зависимое от притока иностранных инвестиций и технологий.

Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности

	2015 г. в % к 2014 г.	
	январь-сентябрь	сентябрь
Всего по добывающим, обрабатывающим производствам, производству и распределению электроэнергии, газа и воды	100,5	100,1
Добыча полезных ископаемых	102,6	101,3
в том числе:		
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	103,8	103,4
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	96,3	87,9
Обрабатывающие производства	99,96	99,99
в том числе:		
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	94,2	108,8
текстильное и швейное производство	100,4	94,3
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	100,1	140,7
обработка древесины и производство изделий из дерева	101,8	109,0
целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	104,9	163,0
производство кокса, нефтепродуктов	85,4	96,2
химическое производство	103,1	109,9
производство резиновых и пластмассовых изделий	116,9	94,3
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	86,4	78,3
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	111,0	113,7
производство машин и оборудования	104,5	103,2
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	122,3	129,1
производство транспортных средств и оборудования	122,1	80,3
прочие производства	107,3	103,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	99,7	97,2

Источник: <http://bashstat.gks.ru>

Наиболее остро стоит вопрос, связанный с преодолением технологической отсталости обрабатывающих производств. В частности, сохраняет актуальность проблема дефицита конкурентоспособного отечественного обрабатывающего оборудования на предприятиях. Так, в 2011 г. в России было изготовлено оборудования в 82 раза меньше, чем в Японии, в 50 раз меньше, чем в Германии, в 31 раз меньше, чем в Китае. За пять прошедших лет позитивных сдвигов в области станкостроения в России не наблюдается. Между тем в случае дальнейшего ухудшения геополитической обстановки возможно введение ограничения и на импорт металлорежущих станков и электронного оборудования.

При выборе приоритетных направлений развития промышленности, для повышения конкурентоспособности промышленных производств в регионе требуется организовать более тесное взаимодействие предприятий с органами региональной власти. Необходимо путем активного участия государственных институтов, совместно с научными и промышленными организациями сформировать стратегию развития станкостроения, в том числе обеспечить необходимые условия для возобновления производственной деятельности на Стерлитамакском станкостроительном заводе.

Основываясь на опыте Японии, необходимо инвестировать в наукоемкие отрасли промышленности, в том числе рассмотреть вопрос приобретения патентов и лицензий на производство станков и оборудования, при этом в обязательном порядке организовать такое производство с «нулевого» цикла.

Используя опыт выхода из кризиса производства промышленных стран, таких как Германия и Япония, необходимо определить приоритетные направления развития промышленности, в том числе выработать программу поддержки отдельных отраслей промышленности, которые в будущем сформируют бы основу для более широкого реформирования отраслей промышленности.

Естественно, повторить путь указанных выше стран очень сложно. Однако в условиях кризиса, когда необходим выбор последовательного и четкого пути развития, апробированные зарубежные технологии позволят в короткие сроки, а главное – без существенных затрат на разработку, осуществить преобразования в сфере промышленности.

Можно заключить, что накопленный зарубежными странами опыт в области формирования и реализации региональной промышленной политики целесообразно и возможно использовать в практике индустриального развития регионов России в целом и Республики Башкортостан в частности.

Литература

1. Авдокушин Е.Ф. Теоретические основы экономических реформ в КНР. М.: ВЗПИ, 1990. 216 с.
2. Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М., 2009. 792 с.
3. Гринберг Р.С., Кноглер М., Цедилин Л.И. Экономическая и промышленная политика Баварии: уроки для российских регионов / Под общ. ред. проф. И.Ю. Юргенса. М.: Экон-Информ, 2008. 100 с.
4. Зарицкий Б. Секреты «Германского чуда» // Новое время. 1995. № 14. С. 18–19.
5. Колесов В.П., Кулаков М.В. Международная экономика. М.: Инфра-М, 2004. 474 с.
6. Колошин А., Разгуляев К., Тимофеева Ю., Русинов В., Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной и национальной конкурентоспособности на основе развития кластеров. СПб., 2009.
7. Котлярова С.Н. Формирование кластерной политики в регионах России // Экономика региона. 2012. № 2. С. 306–315.
8. Промышленная политика европейских стран. Доклад Института Европы № 259 / Под ред. Н.В. Говоровой. М., 2010. 214 с.
9. Тайити Оно. Производственная система Тойоты: уходя от массового производства. М: Изд-во ИКСИ, 2012. 208 с.
10. Татаркин А.И. Формирование конкурентных преимуществ регионов // Регион: экономика и социология. 2006. № 1. С. 141–154.
11. The Cluster Initiative Greenbook: New Findings on the Process of Cluster-Based Economic Development [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivorytower.se/greenbook/general.html>.
12. Synopsis of Policy Options for Creating a Supportive Environment for Innovative Development. ECE/CECI/2008/3, Geneva. 2008. 9 September.

Развитие торговой отрасли как фактор инвестиционной привлекательности региона

Т. ИСМАГИЛОВА, Р. ЮСУПОВ, Т. ЧИНАЕВ

Место торговой отрасли в экономике региона. Торговая отрасль является одной из ключевых бюджетообразующих отраслей Республики Башкортостан (далее – РБ). По величине налоговых поступлений в консолидированный бюджет региона она занимает 3 место после таких видов деятельности, как добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства. На конец 2014 г. доля данной отрасли в ВРП РБ составляла 16,7 %.

К началу 2015 г. в Республике Башкортостан функционировали около 25 тыс. организаций оптовой и розничной торговли, в том числе свыше 900 торговых сетей. Фактически каждая пятая организация РБ осуществляет деятельность в сфере торговли. Но темп роста числа предприятий отрасли невысок и составляет лишь 2,12 %, доля прибыльных организаций в отрасли – 83,3 %. Подавляющая доля товарооборота торговой отрасли приходится на частные торговые предприятия (в среднем более 80 %). Доля торговых предприятий, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в обороте отрасли составляет лишь 1 %, а на предприятия других форм собственности (например, потребительские кооперативы) приходится не более 17 % розничного товарооборота региона.

Существенную долю оборота торговли формируют субъекты малого и среднего бизнеса. Так, в розничной торговле их доля составляет около 60 %. При этом 40 % приносят индивидуальные предприниматели.

Структура внутреннего и внешнего товарооборота региона. Основными поставщиками продукции в Республику Башкортостан являются близлежащие промышленные регионы: Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Оренбургская, Свердловская и Челябинская области (табл. 1).

Таблица 1

Товарооборот Республики Башкортостан с отдельными регионами Российской Федерации в 2013 г., млн руб. [3]

Регионы	Вывоз	Ввоз
Республика Татарстан	16266,3	6528,4
Удмуртская Республика	4727,4	1513,6
Пермский край	2888,3	9794,9
Оренбургская область	15737,4	1758,8
Пензенская область	2207,8	705,7
Свердловская область	7054,1	3964,7
Челябинская область	14474,3	15707,8

Исмагилова Тагира Валинуровна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и банковского дела Уфимского государственного университета экономики и сервиса (УГУЭС). E-mail: tagira_i@mail.ru

Юсупов Рахимьян Галимьянович, д-р ист. наук, профессор кафедры государственного права Башкирского государственного университета. E-mail: yusupovr.g@yandex.ru

Чинаев Тимур Винерович, канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления УГУЭС. E-mail: Chinaev81@mail.ru

Динамика межрегиональных товарных потоков показывает рост объемов большинства ввозимых товаров в Республику Башкортостан. Так как все эти товары производятся в республике и вывозятся в другие регионы, это может говорить о том, что они не соответствуют местному спросу, то есть товарная номенклатура имеет серьезные недоработки (см. табл. 2).

К примеру, по позиции «Водка и ликероводочные изделия» республиканские производители не выпускают вино и другие напитки, которые пользуются спросом у потребителей. Аналогично по позициям «Бельевой трикотаж» и «Чулочно-носочные изделия» местные производители не удовлетворяют внутренний спрос, что говорит о возможном отсутствии хозяйственных связей с поставщиками сырья для производства востребованных товаров.

Таблица 2

Ввоз основных видов товаров в Республику Башкортостан, т [3]

	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Мясо и мясо птицы, кроме субпродуктов	3326	15468	19517	22554
Сыры и продукты сырные	1182	1946	2277	3015
Масло сливочное	488	191	255	241
Масла растительные	440	1884	3795	43881
Сахар	12704	11700	11184	5547
Мука из зерновых и зернобобовых культур	58300	106 000	92200	90000
Крупа	1074	4577	4200	6170
Бензины автомобильные	122 000	104 000	169 000	149 000
Топливо дизельное	312 000	155 000	127 000	97800
Мазут топочный	4700	4700	15900	14100
Уголь	297000	504000	640000	802000
Прокат черных металлов готовый	351000	460000	520000	577000
Трубы стальные	103000	49600	96300	82100
Портландцемент, цемент глиноземистый, цемент шлаковый и аналогичные цементы гидравлические	528000	580000	695000	860000

В целом в Республике Башкортостан ввоз доминирует над вывозом по следующим видам товаров: мясо и птица; колбасные изделия; мука; сахар; водка и ликероводочные изделия; бельевой трикотаж; чулочно-носочные изделия (табл. 3).

Таким образом, основными конкурентами Республики Башкортостан являются регионы, которые относятся к числу географических соседей республики. Уровень товарооборота обратно пропорционален расстоянию между региональными центрами. Для восполнения пробелов в собственном производстве необходимо активное использование инструментов маркетинга и развитие местной дистрибуции. И это с учетом возможностей торговых предприятий свободно маневрировать денежными средствами в целях обеспечения их эффективного использования и роста товарооборота.

Таблица 3

Структура ввоза и вывоза основных видов товаров в РБ, % [3]

	Ввоз	Вывоз
Мясо и птица	0,65	0,05
Колбасные изделия	0,24	0,02
Масло животное	0,01	0,02
Сыр	0,09	0
Мука	2,59	0,23
Сахар	0,16	0,03
Водка и ликероводочные изделия	6,9	1,05
Безалкогольные напитки, тыс. Дкл		7,71
Бельевой трикотаж	15,07	0,02
Кожаная обувь	14,65	22,62
Чулочно-носочные изделия	58,66	34,4
Холодильники	0,61	
Мебель бытовая		0,77
Электропылесосы	0,02	
Осветительные приборы	0,05	1,11
Синтетические моющие средства	0,3	0,11

Характеристика инвестиционной привлекательности данного вида экономической деятельности в РБ. Исследование торговой отрасли региона показывает рост инвестиций в основной капитал в оптовой и розничной торговле в период с 2003 по 2010 гг. с 799,1 до 5394,5 млн руб., затем уже в 2011г. произошло снижение до 3208,7 млн руб. и дальнейший рост к 2013 г. до 7228,1 млн руб. Аналитические данные торговой отрасли региона отражают общеэкономическое состояние Российской Федерации (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика инвестиционной привлекательности торговли Республики Башкортостан [4]

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013
Инвестиции в основной капитал, в текущих ценах, млн руб., в том числе:	1981,9	5394,5	3208,7	3931,6	7228,1
темпа роста, в % к предыдущему году	248	272	59	122	183
индекс-дефлятор, в % к предыдущему году	1,12	1,06	1,08	1,05	1,07
Инвестиции в основной капитал, в сопоставимых ценах, млн руб., в том числе:	2197,9	5912,3	3414,1	4175,3	7661,7
темпа роста, в % к предыдущему году	247	268	57	122	183

Анализ темпов роста инвестиций в основной капитал показывает его снижение с 248 % в 2005 г. до 59 % в 2011 г. Увеличение в период с 2011 по 2013 г. темпов роста до 183 % свидетельствует об инвестиционной привлекательности данного вида экономической деятельности в Республике Башкортостан.

Следовательно, регион обладает развитым третичным сектором в торговой сфере и является привлекательным для всех форм и видов предпринимательства как в РБ, так и РФ.

В рейтинге инвестиционного потенциала регионов России, составленного агентством «Эксперт РА» в 2014 г., Республика Башкортостан занимает 11 место из 86 [5], что, естественно, оказывает влияние на рост торговой отрасли региона, так как данная отрасль имеет достаточно высокие показатели оборачиваемости капитала, что обеспечивает короткий период окупаемости вложений. Это не может не привлекать инвесторов. Кроме того, международные форумы ШОС и БРИКС, проходившие в июле 2015 г. в г. Уфе, повысили узнаваемость региона в мире, а также способствовали оглаше-

нию планов руководством Республики Башкортостан о создании благоприятных условий для иностранных инвесторов и об увеличении объема их инвестиций в регион. Этому будут способствовать соглашения, достигнутые на форуме.

Об инвестиционной привлекательности свидетельствуют также следующие данные. Так, в 2002 г. 30,6 % инвестиций в торговлю по России поступало на предприятия с иностранной собственностью (в целом по России на иностранные предприятия поступало 4,1 % инвестиций), в 2012 г. – уже 38 % (в целом по России – 6,1 %) [1]. С учетом сравнительной динамики роста в Республике Башкортостан и Российской Федерации можно говорить о том, что торговая отрасль вызывает интерес у представителей крупных отечественных и зарубежных компаний.

В то же время известно, что для развития малого и среднего бизнеса в сфере торговли требуется минимальный объем инвестиций и капитальных затрат хозяйствующих субъектов для начала торговли, что крайне важно, особенно в условиях современной экономической ситуации. Соответственно, существует возможность мобилизовать данные каналы сбыта в самые сжатые сроки, дав толчок развитию местного малого и среднего производства продуктов питания и сельскохозяйственной продукции.

Перспективными направлениями развития третичного сектора должны стать повышение качества и увеличение разнообразия предоставляемых услуг. Особенно необходимо повысить уровень торгового обслуживания в сельской местности, где требуется совершенствовать материально-техническую базу сельской торговли, путем строительства и реконструкции торговых объектов с привлечением субъектов малого и среднего предпринимательства. Сегодня розничный товарооборот в сельской местности составляет только 18 % от общего розничного оборота республики, в то время как в сельской местности проживает около 40 % всего населения Республики Башкортостан. Одной из причин этого является слабо развитая инфраструктура торговли в сельской местности. Кроме того, в современных условиях первостепенное значение приобретают внедрение прогрессивных методов и дополнительных услуг, разработка и внедрение программ лояльности на предприятиях торговли (дисконтные, бонусные программы, интеграция дисконтной и кредитной карт).

Можно заключить, что для дальнейшего роста торговой отрасли региона необходимо решение ряда проблем, поскольку в сравнении с мировыми и общероссийскими показателями развитие структуры торговой отрасли региона отстает от современных требований. Кроме того, в регионе наблюдается низкий уровень торгового обслуживания в сельской местности. В настоящее время в условиях доступности рассматриваемой сферы для новых игроков и усиления конкуренции со стороны интернет-торговли, действующим предприятиям необходимо внедрять инновационные формы и новые методы торговли. Для решения данных проблем необходимо внедрение инноваций, которые проявляются преимущественно в формах процессных, маркетинговых и организационных инноваций.

Литература

1. Аудиторско-консалтинговая компания ФБК Институт стратегического анализа «Сколько стоит Россия: 10 лет спустя. Раздел 7. Торговля и общественное питание». М., 2014. 43 с.
2. Государственная программа «Развитие торговли Республики Башкортостан» (в ред. Постановления Правительства РБ от 13 сентября 2013 г. № 415).
3. Официальный Сайт Государственного комитета Республики Башкортостан по торговле и защите прав потребителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://trade.bashkortostan.ru>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2000–2014 гг.: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.
5. Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Инвестиционный потенциал российских регионов в 2014 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2014/tab03/
6. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2000–2014. 693 с.
7. Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года. Утв. приказом Минпромторга России от 25 декабря 2014 г. № 2733.

Методические аспекты оценки эффективности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения

Т.ЛЕЙБЕРТ

Современный этап технологического развития нефтяной промышленности характеризуется возрастающей ролью инвестиционной привлекательности конкретных проектов, от чего во многом зависит степень успешности привлечения инвестиционного капитала. Достижение стратегических целей развития предприятий нефтяной отрасли предполагает выполнение следующих условий:

– интенсивный рост, сопровождающийся повышением эффективности производства на основе инноваций;

– выделение инновационного ресурса развития отрасли в качестве базового в условиях эффективного функционирования нефтяных производств;

– ориентация производственных капитальных вложений на инвестиционный характер структурных изменений в нефтяной отрасли промышленности, предполагающая переход от экстенсивного способа развития (наращивание объемов бурения, увеличение фонда малодебитных скважин) к интенсивному (сокращение числа разведочных скважин, приходящихся на единицу их прироста);

– выявление резервов для увеличения объема инновационных технологий в области собственных технологических разработок;

– предложение новых технологических возможностей развития нефтяной отрасли, опережающих мировой уровень и укрепляющих внешние и внутренние рынки интеллектуальными и производственными возможностями российских предприятий нефтяной отрасли промышленности;

– повышение эффективности ключевых процессов и производств по всему производственному циклу – от поиска, освоения нефтяных месторождений, добычи углеводородного сырья до его переработки и выпуска товарных нефтепродуктов с учетом их взаимосвязи и взаимозависимости;

– PR-сопровождение проектов в области нефтяной промышленности, посредством чего формируются специальные коммуникации, способствующие наиболее полному использованию потенциальных возможностей конкурентных новшеств отечественных нефтяных предприятий в направлении разработки и использования технологий для освоения запасов низкопроницаемых пластов, запасов высоковязкой нефти и природных битумов.

Выполнение этих условий возможно за счет осуществления масштабных инвестиций и реализации инвестиционных проектов. Специфика инвестиционного проекта на предприятиях нефтяной промышленности обусловлена технологическим многообразием реализации инвестиционного процесса. Возможные инвестиционные стратегии реализуются в виде инвестиционных проектов, направленных на увеличение объемов добычи нефти, разработку новых нефтяных месторождений, повышение производственной мощности по переработке нефтяного сырья и т.д.

Анализ эффективности инвестиционных проектов разработки нефтяных месторождений осложняется большим количеством исходных допущений, которые находят свое отражение в затратах на реализацию проекта. Для оценки эффективности затрат инвестиционных проектов используются следующие традиционные показатели: дисконтированный срок окупаемости, чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности.

Лейберт Татьяна Борисовна, д-р экон. наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: lejbert@mail.ru

Приведенная система показателей приводится в резюме бизнес-плана инвестиционного проекта и используется заинтересованными инвесторами для оценки инвестиционной привлекательности проекта. Базой для расчета показателей экономической эффективности проекта являются так называемые чистые денежные потоки (ЧДП), включающие в себя выручку от продажи, текущие и инвестиционные затраты, прирост потребности в пополнении оборотных активов и налоговые платежи. Однако чистые денежные потоки не учитывают использование собственных финансовых ресурсов предприятия и привлечение кредитных ресурсов. Без этого вложения денежный поток проекта будет отрицательным на начальном этапе, и накопленные денежные средства будут выглядеть следующим образом (см. рис. 1).

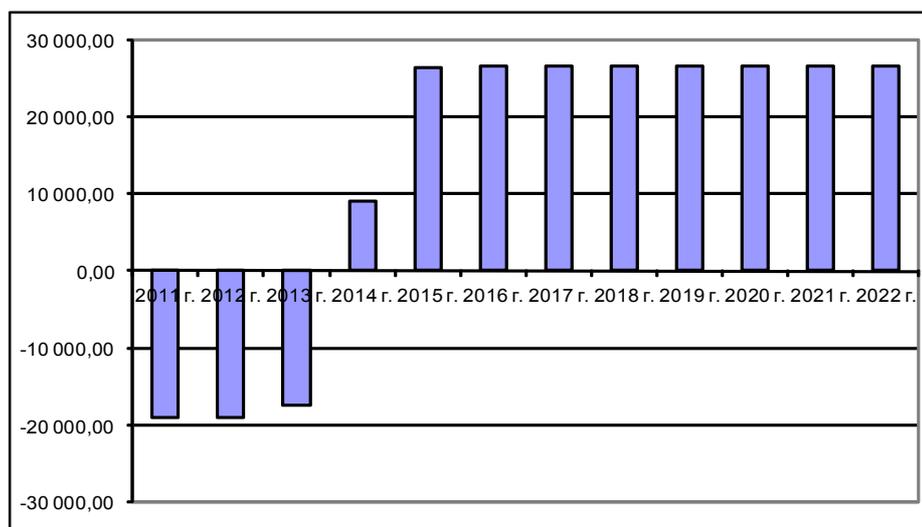

Рис. 1. Денежные потоки нефтяного месторождения без учета дисконтирования

На рисунке 2 графически показана динамика чистого и дисконтированного сроков окупаемости инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения.

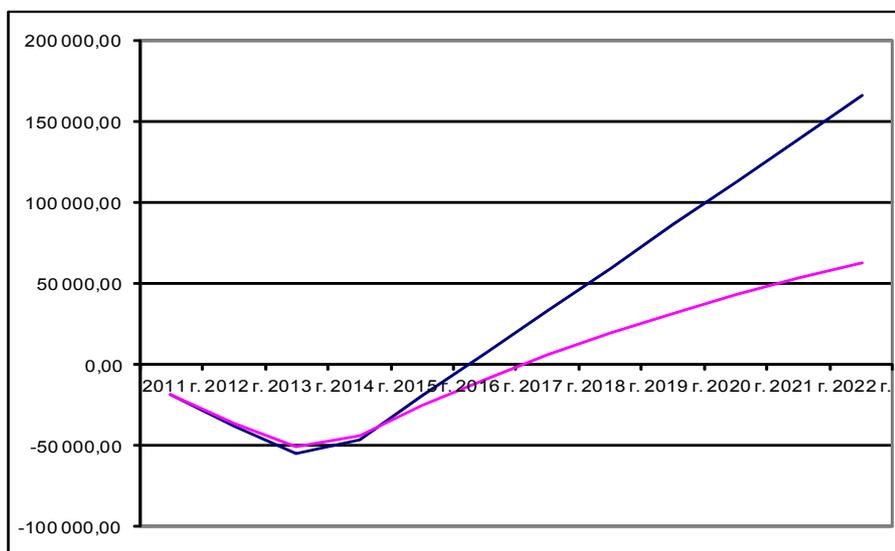

Рис. 2. Динамика чистого и дисконтированного сроков окупаемости проекта разработки нефтяного месторождения

Как правило, инвестора в первую очередь интересует следующие значения. Во-первых, это срок окупаемости инвестиционного проекта. Такой срок определяется по времени, которое необходимо для того, чтобы суммарные чистые доходы проекта сравнялись с его затратами. На графике это точка, в которой дисконтированный денежный поток выйдет на положительные значения. В нашем случае – в 2016 и 2014 гг. Но ни один инвестор не будет вкладывать денежные средства в инвестиционный проект в пользу будущих, достаточно «отдаленных» доходов, если эти доходы будут лишь покрывать инвестиции.

Поэтому в оценке эффективности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения всегда используются дисконтированные денежные потоки, в которых чистый денежный поток каждого года уменьшается на величину ставки дисконтирования в соответствии со следующей формулой:

$$ЧДП_d = \frac{ЧДП}{(1+d)^i}, \quad (1)$$

где i – порядковый номер года инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения; d – ставка дисконтирования.

Другими словами, будущие денежные потоки «обесцениваются» для инвестора с годовыми темпами, равными ставке дисконтирования. В результате для приведенного примера сроки окупаемости проекта смещаются на 2017 и 2015 гг. соответственно.

Принцип расчета дисконтированного срока окупаемости инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения всегда сводится к построению графика и нахождению точки, в которой накопленный дисконтированный чистый денежный поток выходит на положительные значения.

Другим важным показателем инвестиционного проекта является чистый дисконтированный доход (ЧДД) – чистый доход, который принесет инвестиционный проект разработки нефтяного месторождения с учетом дисконтирования. На графике это то значение, которое принимает накопленный дисконтированный чистый денежный поток проекта к моменту завершения расчетов. Формула расчета ЧДД имеет следующий вид:

$$ЧДД = \sum_{i=1}^m \frac{ЧДП_i}{(1+d)^i}, \quad (2)$$

где $ЧДП_i$ – чистый денежный поток i -го года реализации инвестиционного проекта; n – общее число лет.

Необходимо отметить, что на значение показателя чистого дисконтированного дохода при оценке эффективности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения оказывает влияние специфическая система налоговых и обязательных платежей недропользователей. В состав ресурсных налогов и обязательных платежей недропользователя входят налог на добычу полезных ископаемых, вывозные экспортные пошлины на нефть (если инвестиционным проектом предусматривается продажа углеводородного сырья за пределы Российской Федерации), акцизы, а также разовые и регулярные платежи за пользование недрами и сбор за участие в аукционе [1].

Именно эти платежи нефтегазовых предприятий направлены на извлечение прибыли от продажи нефти в пользу государственного бюджета и являются одной из значительных статей расходов.

Если в отношении срока окупаемости инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения единых критериев оценки не существует, то анализ инвестиционного проекта по уровню ЧДД имеет более четкие критерии. Любое положительное значение ЧДД считается показателем эффективности реализации инвестиционного проекта. При этом конкретная величина ЧДД указывает не на прибыль инвестора, а на «сверхприбыль», то есть на тот дополнительный доход, который будет получен инвестором сверх ожидаемого.

Расчета ЧДД, как правило, достаточно для принятия решений по инвестиционному проекту. Но его значение может быть использовано для оценки выгодности и привлекательности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения, но трудно оценить, насколько привлекателен данный инвестиционный проект. Поэтому наряду с ЧДД применяется третий стандартный показатель – внутренняя норма доходности.

Внутренняя норма доходности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения (IRR) – это такое значение ставки дисконтирования d , при котором ЧДД становится равным 0. Таким образом, IRR показывает, какое максимальное требование к годовому доходу на вложенные денежные средства инвестор может закладывать в расчеты эффективности проекта так, чтобы проект выглядел привлекательным. Например, если для финансирования проекта используются деньги кредитной организации, то IRR продемонстрирует максимальную величину процентной ставки по кредиту, которую теоретически способен окупить проект.

Рассчитать значение IRR по формуле невозможно, этот показатель всегда определяется методом подбора. По мере увеличения ставки дисконтирования будущие доходы все меньше перекрывают начальные инвестиции.

Далее рассмотрим влияние цены на нефть на чистый дисконтированный доход. Динамика изменения ЧДД при уменьшении цены на нефть представлена на рисунке 3.

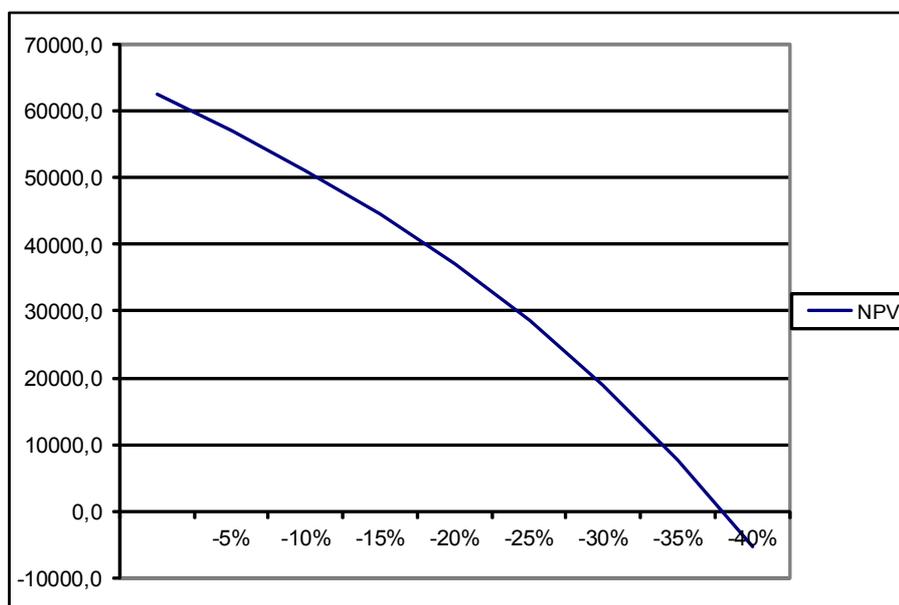

Рис. 3. Изменение ЧДД при снижении цены на нефть нефтяного месторождения

Как видно из графика, к изменению внешних условий проект не чувствителен. Даже при снижении цены на нефть на 30 % и 50 % проект остается экономически выгодным, хотя и значительно увеличивается срок окупаемости.

Литература

1. Лейберт Т.Б., Хаджиев М.У., Халикова Э.А. Разработка методики вероятностной экономической оценки объектов лицензирования в нефтедобыче и ее использование в управлении конкурсами и аукционами // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 2. С. 154–161.

Наукометрия и ключевые проблемы социально-гуманитарных наук в современной России

М.ШЕСТАКОВА

Система высшего образования в России претерпевает глубокие изменения. Целями проводимых в нашей стране реформ являются повышение качества образования, обеспечение конкурентных преимуществ для выпускников российских вузов на рынке труда, широкая интеграция российской науки в мировую. В ходе проведения реформ гуманитарные и социальные дисциплины оказались в наиболее сложных условиях. В настоящей статье сформулированы ключевые проблемы, стоящие сегодня перед социально-гуманитарными науками и образованием, которые требуют, на наш взгляд, активного обсуждения как в профессиональной среде, так и в широких общественных кругах.

Место гуманитарных и социальных наук в системе высшего образования.

В последние годы зачастую имеет место жесткая критика в адрес социально-гуманитарных дисциплин, связанная с их научной неполноценностью: так, в них плохо работают критерии научной новизны и обоснованности, они слабо приспособлены к рыночным условиям, не приводят к значимым прикладным и коммерческим результатам. С этой критикой можно согласиться лишь отчасти, поскольку гуманитарные и социальные науки обладают рядом особенностей, которые отличают их от математических и естественнонаучных дисциплин. Цель социально-гуманитарных наук и образования не сводится к получению и передаче знания. Они включены в воспитательный процесс. В ходе изучения исторических, филологических и социальных наук формируются ценностные установки личности, вырабатываются нормы социального поведения. В этом смысле можно сказать, что социально-гуманитарные науки обладают особым социальным статусом.

Об актуальности реализации воспитательной функции на современном этапе свидетельствует содержание Федерального закона об образовании, в котором образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства...» [9, ст. 2]. В этой связи уместно поставить вопрос о значимой роли гуманитарных и социальных наук в системе высшего образования РФ, что связано с его актуальностью в условиях уменьшения доли социальных и гуманитарных дисциплин в образовательных программах и, как следствие, сокращением профессорско-преподавательского состава по этим специальностям. Тем самым фактически создаются условия, непригодные для исполнения указанной части Федерального закона об образовании.

Вытеснение социально-гуманитарных наук из пространства высшего образования является результатом столкновения двух подходов в области образовательной политики. В соответствии с одним из них образование трактуется как система, обеспечивающая связь между наукой и бизнесом, нацеленная на подготовку специалистов, востребованных на рынке труда. В этом случае сама организация деятельности в сфере образования понимается как бизнес-процесс. Согласно другому подходу, образование представляется как социальный проект, назначение которого двояко: это и профессиональная подготовка, и глубокое развитие социальных и мировоззренческих установок. Несмотря на тактические победы представителей первой модели, спор о концепции образования в России далеко не завершен. В этой связи, на наш взгляд, следует согласиться с мнением Ю.Н. Солониной, занимавшего пост председателя Комитета Совета Федерации по образованию и науке, который отмечал: «Я всегда держался, держусь и буду до конца своей жизни держаться того мнения, что образование – особый вид социальной

Шестакова Марина Анатольевна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: m.a.shestakova@yandex.ru

деятельности, который определен ценностными, идеологическими установками, без этого оно рассыпается, становится социально ненужной сферой деятельности. Для меня образование – система ценностей особого рода, не художественных, а тех, что формируют жизнь человека, его сознание, стратегию жизни» [4]. Недостатки и преимущества каждого из двух подходов к образованию можно оценить в контексте глобальных проблем, с которыми сталкивается Россия: молодежная безработица, распространение националистических идеологий и учений религиозно-экстремистского типа, рассчитанных, прежде всего, на вовлечение молодежи.

В странах Европейского союза проблема молодежной безработицы остается достаточно острой [8]. Наихудший показатель наблюдается в Испании, где, по данным за август 2015 г., безработица среди людей в возрасте до 25 лет достигает 49 %. В России в августе 2015 г. данный показатель среди молодежи в возрасте 15–24 лет составил 16,5 % при общем уровне безработицы в 5,3 %. По прогнозам ректора НИУ ВШЭ Я. Кузьмина, Россия столкнется с молодежной безработицей уже в 2017–2018 гг. В условиях, когда предприятия резко снижают зарплаты и «сбрасывают» персонал, перед выпускниками системы образования встанет серьезная проблема нехватки рабочих мест [7]. Рост показателей молодежной безработицы как в России, так и за рубежом является, с нашей точки зрения, одним из глобальных вызовов, на который должна ответить в том числе и образовательная политика РФ. Не отрицая необходимости подготовки узкопрофессиональных специалистов, востребованных на рынке труда, отметим, что в условиях обострения глобальных экономических и политических проблем имеет смысл развивать социальную модель образования, включающую элементы узкопрофессионального подхода.

Отдельной проблемой, имеющей непосредственное отношение к социальным и гуманитарным наукам, является проблема сохранения и воспроизводства исторической памяти. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований. Таковы, например, результаты опроса российских студентов, проведенного в 2013 г. «Среди судьбоносных военных операций до четверти опрошенных не знают о Курской битве, битве за Сталинград, битве за Москву. Битва за Ленинград известна лишь половине (54 %), а за Берлин – одной трети (35 %) студентов» [6]. Приведенные данные сопоставимы с результатами зарубежных исследований, касающихся исторической памяти. Опрос, проведенный во Франции, показывает, как менялось мнение французов при ответе на вопрос: «Какое государство, по Вашему мнению, внесло наибольший вклад в победу над Германией в 1945 г.» [13]. Результаты опроса систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов французов на вопрос «Какое государство, по Вашему мнению, внесло наибольший вклад в победу над Германией в 1945 г.?», % от числа опрошенных

	1945 (май)	1954	2004	2015
СССР	57	25	20	23
США	20	49	53	54
Великобритания	12	16	16	18

Очевидно, что работа с исторической памятью – одна из функций гуманитарных и социальных наук в системе высшего образования. О том, что есть серьезные проблемы с выполнением этой функция, говорят данные, полученные томскими исследователями. На вопрос «Откуда Вы черпаете информацию о Великой Отечественной войне?» не ответили 52 % опрошенных студентов. Вариант ответа «из СМИ – телевидения, Интернета, из кинофильмов, от знакомых» выбрали 42 % респондентов [10].

Все это говорит о культурном значении социально-гуманитарных наук и образования. В условиях многоконфессиональной и мультинациональной российской среды высшее образование должно выполнять не только экономически ориентированные, но и социальные функции, которые ложатся в основном на плечи социально-гуманитарных дисциплин. Их «экономический эффект» измеряется степенью гуманности государства и его граждан. Вложение государственных денег в социальную модель образования экономически оправдывается сокращением расходов на борьбу с наркоманией, проституцией, СПИДом, религиозным экстремизмом и т.д.

Проблема применимости наукометрических показателей в гуманитарных и социальных науках. Содержание гуманитарных и социальных наук не вполне отвечает критериям научности, действующим в математике и естествознании. Эта тема в мировой философско-методологической мысли обсуждается по меньшей мере со второй половины XIX в. – начиная с позитивистов, неокантианцев, герменевтов, структуралистов и заканчивая современными постмодернистами. На сегодняшний день открытым остается вопрос о том, в какой степени требования, предъявляемые к физико-математическим наукам, применимы к социально-гуманитарным дисциплинам? Несмотря на отсутствие однозначного ответа на этот вопрос, на практике показатели, используемые в естествознании, необоснованно переносятся в область социально-гуманитарных наук.

Так, например, большинство наукометрических критериев являются количественными характеристиками (публикационная активность, индекс цитируемости, импакт-фактор и др.), которые изначально разрабатывались для применения в физико-математических науках. Известно, что h-индекс, предложенный американским физиком Х. Хиршем, разрабатывался для оценки продуктивности деятельности ученого в физических науках. Более того, в качестве аргумента в пользу значимости этого показателя Х. Хирш приводил «данные анализа h-индекса для выборки, состоящей из лауреатов Нобелевской премии» [2, 24]. Иными словами, результаты оценки рядовых ученых-физиков с помощью h-индекса небесспорны. А вопрос о том, на каком основании h-индекс применяется для оценки научной деятельности преподавателей гуманитарных дисциплин российских вузов, вообще остается без ответа. При переносе показателей, созданных для оценки научной деятельности в естественных науках, в область социально-гуманитарных дисциплин не учитывается характер гуманитарных и социальных исследований. Результаты научной деятельности в этих областях находят свое выражение в переводах, комментариях, картах, словарях и других форматах научной деятельности, которые не всегда просто оценить стандартными наукометрическими критериями.

Отдельной проблемой для гуманитарных и социальных наук является и такой показатель, как количество публикаций в библиографических базах Web of Science и Scopus. По данным, которые приводятся в системе «Истина» МГУ имени М.В. Ломоносова, доля статей по гуманитарной и социальной проблематике в общем количестве публикаций сотрудников МГУ, учтенных в базе Scopus, составила менее 3 % [3]. Данные о доле публикаций в базе Scopus представлены в таблице 2.

Если учесть, что в российских условиях показатели цитируемости в базах Web of Science и Scopus используются для решения вопросов финансирования, становится очевидной неконкурентоспособность социально-гуманитарных наук. Однако показатели цитируемости в базах Scopus и Web of Science не отражают значение социально-гуманитарных дисциплин для внутренней политики России.

Говоря о проблемах, связанных с применением наукометрических параметров к социально-гуманитарным наукам, нельзя не отметить симптомы кризиса в самой наукометрии. Об этом свидетельствует так называемый «Лейденский манифест для наукометрии», опубликованный в апреле 2015 г. журналом «Nature». В нем, в частности, говорится о том, что данные наукометрии все чаще используют не только для экспертных оценок, но и для управления научным процессом: «Как специалисты по наукометрии,

обществоведы и научные управленцы, мы с растущей тревогой наблюдаем широко распространившееся ошибочное применение индикаторов оценки научной деятельности. Вот лишь некоторые из многочисленных примеров. По всему миру университеты охватила одержимость позициями в глобальных рейтингах (таких как Шанхайский рейтинг и список Times Higher Education), хотя эти списки основаны, по нашему мнению, на неточных данных и произвольных индикаторах» [12]. Подписавшие этот манифест еще раз обращают внимание на то, что количественные параметры должны применяться в совокупности с качественной оценкой научной продукции.

Таблица 2

Доля публикаций в базе Scopus, от общего числе публикаций в базе Scopus сотрудников МГУ имени М.В. Ломоносова за 2014 и 2015 гг., %

Тематика статей российских авторов в журналах из Scopus (рубрикатор Scopus)	Доля от общего числа статей в базе Scopus, %	
	2014	2015 (январь-октябрь)
Гуманитарные дисциплины: обществоведение, психология, искусство и гуманитарные науки, экономика, эконометрика и финансы, науки о принятии решений, бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	2,4	2,7
Естественнонаучные дисциплины: физика и астрономия, химия, биохимия, генетика и молекулярная биология, математика, науки о Земле и др.	94,2	94,0
Неизвестная тематика	3,4	3,3

Учитывая отрицательные стороны наукометрических показателей, стоит задуматься над корректным использованием данных параметров в российской практике. Завоевание Россией ведущих позиций в мировой науке и системе образования будет связано не столько с внедрением количественных критериев оценки научной деятельности, сколько с умением избежать тех негативных последствий для развития науки и образования, которые потенциально несет в себе наукометрия. Прежде всего, это касается социально-гуманитарных наук и образования, которым в случае ненадлежащего применения наукометрических показателей грозит полное уничтожение.

Наукометрические критерии оценки деятельности профессорско-преподавательского состава в гуманитарных и социальных дисциплинах. В качестве одного из механизмов развития вузовской науки и повышения качества образования сегодня используются персональные рейтинги и другие системы оценки деятельности научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава (ППС). Эти системы, как правило, включают в себя ряд показателей, отражающих результаты педагогической и научной деятельности. Анализ сложившейся практики показывает, что наукометрические индикаторы (публикационная активность, индекс цитирования и др.) играют в этой системе особую роль. Низкие наукометрические показатели (например, недостаточное количество научных статей) могут служить основанием для заключения краткосрочных контрактов, перевода на части ставок (0,75, 0,5, 0,25) или вовсе поводом для увольнения. Конечно, невозможно отрицать значимость публикационной активности. Вместе с тем нужно разобраться в том, о чем говорит количество публикаций и что представляет собой научная деятельность применительно к гуманитарным и социальным специальностям.

Выборочный анализ должностных инструкций, договоров, критериев оценки деятельности ППС позволяет определить общие параметры вузовской науки в социально-гуманитарных областях. Научная деятельность преподавателя вуза в большинстве случаев сводится к следующему: участие в конференциях, написание статей и

монографий, подготовка и издание учебно-методической литературы, научное руководство (студентами, аспирантами) и различные виды организационно-методической работы (членство в редколлегиях, диссертационных советах, организация семинаров, конференций, лекториев разного уровня). Иными словами, научная деятельность ППС в основном заключается в осуществлении научно-методической и научно-организационной работы, в вовлечении в научную деятельность обучающихся (студентов, магистрантов, аспирантов и др.). Публикации научных статей в списке обязанностей занимают далеко не лидирующие позиции. Между тем количество публикаций сегодня является одним из главных критериев оценки как отдельного преподавателя, так и вуза в целом. Учитывая весь набор функциональных обязанностей ППС, охватывающих как научную, так и педагогическую деятельность, можно сказать, что рост числа статей – критерий неоднозначный. Он односторонне отражает научную деятельность ППС. Кроме того, бурный рост числа публикаций может свидетельствовать об обратном. Например, о снижении качества преподавания или о ненадлежащем выполнении других обязанностей.

Параметры деятельности научного сотрудника практически совпадают с преподавательскими. Количество функций, связанных с преподаванием (учебная, учебно-методическая, научно-методическая, организационно-методическая, воспитательная), значительно превышает набор функций по производству научной продукции (ведение научно-исследовательской работы в рамках НИР, написание статей и др.). Более того, в ряде случаев педагогическая нагрузка научных сотрудников не уступает нагрузке ППС. Должностные обязанности научных сотрудников отличаются от преподавательских только участием в целевых программах и государственных контрактах и более жесткими требованиями к числу публикаций. В связи с этим актуальной задачей является уточнение функций научных сотрудников.

В Федеральном законе об образовании различаются понятия «преподаватель» и «научно-педагогический работник»: «В организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, предусматриваются должности педагогических работников и научных работников, которые относятся к научно-педагогическим работникам. Педагогические работники относятся к профессорско-преподавательскому составу указанных организаций» [9, ст. 50, п. 1]. Данное разграничение проводится и в «Едином квалификационном справочнике должностей руководителей и служащих» [1], который на сегодняшний день продолжает выступать основанием для разработки должностных инструкций и иных нормативных актов. Указанные документы предлагают различный набор квалификационных требований, предъявляемых к ППС и научным работникам. При переходе на профессиональные стандарты принцип разделения научной и педагогической деятельности, судя по всему, сохранится в связи с тем, что стандарты формируются на основании компетентностного подхода, а научная и педагогическая работа требует различного набора компетенций. В реестре стандартов Минтруда представлен отдельный проект стандарта научного работника [5]. Следует ожидать, что для преподавателя вуза будет подготовлен специальный стандарт. Это соответствует зарубежному опыту в данной сфере. К примеру, в Великобритании такие стандарты уже существуют (стандарты Higher Education Academy (HEA) и Staff and Educational Development Association (SEDA)). Специфика вузовской науки и проблема совмещения педагогической и научной работы – это те вопросы, которые необходимо прояснить, чтобы адекватно оценивать деятельность ППС и научных сотрудников.

Непосредственно с системами оценок связаны и принципы оплаты труда. При едином подходе к установлению должностных окладов ППС наблюдается существенная дифференциация в уровне оплаты труда работников, занимающих одинаковые должности. В основном различия достигаются за счет различий в системах премирования. При этом

необходимо отметить, что оклад, как правило, начисляется за выполнение учебной нагрузки. К показателям премирования относится ряд количественных характеристик научной работы. Как правило, количество опубликованных работ переводится в баллы, в соответствии с которыми начисляются дополнительные выплаты. Таким образом стимулируется рост количества публикаций. Однако остается открытым вопрос о том, как это влияет на качественное развитие науки. В этой связи целесообразно обратиться к зарубежному опыту. Как свидетельствуют эксперты, в большинстве западных стран прямой зависимости между зарплатой и числом публикаций нет. А наукометрические показатели (индексы цитирования и др.) используются при получении гранта или назначении на должность, и то в качестве дополнительных критериев к экспертной оценке [11, 164–165]. Такая практика применения наукометрических показателей нам кажется более предпочтительной. На фоне прямого материального стимулирования публикационной активности повышение качества преподавания материально практически не стимулируется, что, безусловно, отражается на уровне образования.

Указанные проблемы нуждаются, на наш взгляд, в комплексном рассмотрении. Каждый вопрос так или иначе связан со всеми остальными и требует подробного всестороннего теоретического анализа, а также внимательного и бескомпромиссного исследования сложившейся практики. Профессиональное сообщество гуманитариев имеет, на наш взгляд, достаточный потенциал для подготовки коллегиально выработанных практических предложений по устранению нежелательных «перекосов» в области социально-гуманитарных наук и образования.

Литература

1. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/eksd>
2. Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого: сб. статей о библиометрике. М.: МЦМНО, 2011. 72 с.
3. Истина. Интеллектуальная Система Тематического Исследования Научно-технической информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://istina.msu.ru/statistics/dynamic>
4. Образование – сфера услуг или система ценностей? // Учительская газета. 2011. № 12. 22 марта.
5. Программно-аппаратный комплекс «Профессиональные стандарты» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru>
6. Российские студенты не помнят героев ВОВ // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2013/06/19/pamyat-site.html>
7. Ректор ВШЭ увидел в молодых россиянах новый класс безработных // РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rbc.ru/economics/25/10/2015/562bfaa99a7947bc0657ca22>
8. Российских выпускников тянет работать на чужбину // Коммерсант.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2552258>
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ст. 7598.
10. Что знают студенты о Великой Отечественной войне? // За кадры. 2008. 27 июня.
11. Поляк Б.Т. Наукометрия: кого мы лечим? // Управление большими системами. 2013. Вып. 44. С. 161–170.
12. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics // Nature. 2015. April 23 (vol. 520). P. 429–431.
13. [L'enseignement de l'ignorance] Quelle est la nation qui a le plus contribué ? la d?faite de l'Allemagne en 1945? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.les-crisis.fr/la-fabrique-du-cretin-defaite-nazis>

Инновационная инфраструктура и ее элементы: опыт систематизации

**Н.ИСМАГИЛОВ, А.МУХАМЕДЬЯРОВ,
Ю.ХАБИБРАХМАНОВА**

Перед Россией достаточно остро стоит проблема перевода экономики на инновационный путь развития. Несмотря на ряд предпринятых государством мер, инновационная активность предпринимательского сектора остается достаточно низкой и за последние 10 лет практически не претерпела существенных изменений. Удельный вес инновационно активных организаций в среднем по России находится на уровне 9–10 %, что значительно ниже аналогичного показателя развитых стран, а с 2012 г. наметилась тенденция его снижения. Поэтому можно констатировать, что государственная политика в этой области не имеет успеха.

К настоящему моменту имеется немало примеров особенно успешного развития инновационного предпринимательства на определенной территории. Возникновение таких «чудес» не случайно и имеет в своей основе большую работу по формированию благоприятных условий для развития инновационного предпринимательства в регионе, формирования инновационного климата. В современной теории инноваций даже возникло понятие «инновационная экосистема». В основе формирования таких зон инновационного развития лежит создание специализированных структур, функционирование которых направлено на поддержку инновационной деятельности и для обозначения которых используется категория «инновационная инфраструктура».

Инновационная инфраструктура является одним из составных элементов инновационной системы любого уровня: национального, регионального – и призвана обеспечивать более эффективное функционирование данных систем. Понимание необходимости формирования инновационной инфраструктуры существует на всех уровнях власти в Российской Федерации. Формирование составных элементов инновационной инфраструктуры в России осуществляется с начала 1990-х гг., государство на эти цели направляет немалые финансовые ресурсы. Так, в период с 2007 по 2014 г. расходы федерального бюджета на формирование инновационной инфраструктуры России составили 684371,26 млн руб. [3].

Тем не менее, многие вопросы формирования и оценки эффективности функционирования инновационной инфраструктуры с целью развития инновационного предпринимательства в рамках региональной или национальной инновационной системы до сих пор остаются малоизученными. Основой для формирования и дальнейшей оценки функционирования системы инновационной инфраструктуры на региональном или национальном уровне являются вопросы классификации, выявления существенных характеристик инновационной инфраструктуры и ее элементов. Однако до сих пор данные вопросы остаются открытыми, среди специалистов не существует единого мнения

Исмагилов Наиль Амирханович, д-р экон. наук, профессор научно-исследовательской лаборатории «Исследование проблем взаимодействия партнерства власти, бизнеса и общества» Уфимского государственного университета экономики и сервиса

Мухамедьяров Альфред Муллагалиевич, д-р экон. наук, профессор Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ). E-mail: finanalys@inbox.ru

Хабибрахманова Юлия Рифовна, старший преподаватель кафедры финансов и экономического анализа УГАТУ. E-mail: finanalys@inbox.ru

относительно определения сущности инновационной инфраструктуры, выделяемых групп и состава элементов. Требуется уточнение признаков для классификации, состава групп и элементов инновационной инфраструктуры, которые будут являться основой мониторинга ее развития, с целью выработки государственной политики по вопросам развития инновационного предпринимательства.

В качестве определяющей характеристики инновационной инфраструктуры большинство исследователей выделяют «обслуживание» или «способствование» инновационной деятельности. А для определения границ этого понятия систематизируется перечень ее элементов. Аналогичный подход использовался и в «Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года», где было дано следующее определение рассматриваемого понятия: «Инфраструктура инновационной системы – совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции. К инфраструктуре инновационной системы относятся центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды и др.». Так как оказание поддержки инновационной деятельности может осуществляться по различным направлениям, в экономических исследованиях стали обращать внимание на совокупность услуг, оказываемых инновационной инфраструктурой [1]. Согласно поправкам к Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» от 2011 г. официальное толкование инновационной инфраструктуры выглядит следующим образом: это «совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг». Выполнение данных видов услуг является важнейшим классификационным признаком системы элементов инновационной инфраструктуры. Классификация составляющих групп и элементов инновационной инфраструктуры зависит от трактовки категории «инновационная инфраструктура».

Иногда инновационную инфраструктуру определяют достаточно широко, включая в ее состав инноваторов, промышленные предприятия, законодательные и нормативно-правовые акты, программы и проекты поддержки инновационной деятельности и др. [2; 5; 11].

По нашему мнению, в этих и других случаях существует смешение понятий: элементов инновационной инфраструктуры, участников инновационного процесса, нормативно-правового обеспечения, инструментов реализации государственной политики, элементов управления, элементов инновационного потенциала. Толкования такого рода не позволяют идентифицировать инновационную инфраструктуру, очертить ее границы, выделить состав элементов. Но для эффективного управления инновационной инфраструктурой как элемента инновационной системы, ее формирования и оценки функционирования, в том числе для осуществления целенаправленной государственной политики, необходимо четкое понимание ее сущности, границ и состава элементов.

На наш взгляд, исходя из семантического анализа слов, образующих данное понятие, и анализа действующих в мировой практике структур, направленных на поддержку инновационного предпринимательства, необходимо выделить следующие сущностные характеристики инновационной инфраструктуры:

- 1) она способствует более рациональному использованию ресурсов в системе;
- 2) специально создается для поддержки, в первую очередь, участников инновационного предпринимательства, а не всех субъектов хозяйствования;
- 3) осуществляемая деятельность в ее рамках имеет свою специфику и полностью

определяется целью создания – обеспечением участников инновационного цикла на определенной территории соответствующими услугами и ресурсами;

4) имеет формализованные структуры, поддающиеся государственному регулированию;

5) имеет особую цель и результат функционирования – повышение инновационной активности субъектов хозяйствования.

Таким образом, более обоснованным представляется следующее определение инновационной инфраструктуры. Это – специальные организационные структуры (субъекты и объекты), призванные обеспечить более эффективное использование ресурсов, направляемых на развитие инновационной деятельности, способствующие интеграции науки и производства, становлению, развитию инновационных субъектов хозяйствования, налаживанию сотрудничества между ними, реализации ими инновационных проектов и оказывающие услуги материально-технического, финансового, информационного, экспертно-консалтингового, организационного, кадрового обеспечения [7].

Как уже отмечалось, содержание понятия «инновационная инфраструктура» остается дискуссионным и поэтому разные исследователи выделяют разный состав ее элементов. Например, в работе Д. И. Кокурина и К. Н. Назина произведена группировка элементов исходя из области внешнего окружения, направленной на обеспечение инновационной деятельности. Следуя этой логике, выделяют следующие группы инновационной инфраструктуры: транспорт и связь; информатика и телекоммуникации; кредитно-финансовая сфера; фондовый рынок; институт посредников; компании и фирмы, оказывающие услуги специального характера [4]. Данный подход существенно отличается от нашего, и, если исходить из выделенной нами сущностной характеристики инновационной инфраструктуры, то в ее состав из перечисленных выше групп можно включить только компании и фирмы.

Д. Котов выделяет следующие элементы инновационной инфраструктуры: правовая инфраструктура; информационная инфраструктура; специализированные инновационные центры; финансовые институты (банки, инвестиционные институты, венчурные фонды, бюджет и др.) [5]. На наш взгляд, не все финансовые институты относятся непосредственно к инновационной инфраструктуре, а нормативно-правовое обеспечение инновационной деятельности является необходимым условием формирования и функционирования инновационной инфраструктуры, а не ее составным элементом.

Такие исследователи, как А.Х. Махмутов и Г.В. Багаев, выделяют две составляющие инновационной инфраструктуры: «инновационная организационно-технологическая инфраструктура», компенсирующая неподготовленность инновационной разработки к внедрению и большие риски проекта; «сервисно-ресурсная инновационная инфраструктура», восполняющая недостаточность тех или иных ресурсов и функций управления [6]. К первой группе авторы относят инновационные технологические центры, кластеры, бизнес-инкубаторы, технические парки, центры трансфера технологий, венчурные фонды и др. Ко второй группе относятся учебно-деловые центры, центры научно-технической информации, патентные и юридические бюро, центры совместного пользования приборами и оборудованием, выставочные центры, финансовые фонды и компании, осуществляющие поддержку инноваций, банки реконструкции и развития, оценочные организации, специализированные инновационные страховые компании, институты советников и консультантов, фонды и общества поддержки изобретателей и рационализаторов и др. С практической точки зрения использование данной группировки для мониторинга формирования системы инновационной инфраструктуры для развития инновационного предпринимательства представляется слишком сложным, поскольку включаемые в каждую группу элементы оказывают разные виды услуг. При наличии

перекоса в сторону одного из видов оказываемых услуг система может функционировать неэффективно, но для выявления такой ситуации потребуются проведение дополнительного анализа.

На наш взгляд, для мониторинга обеспеченности инновационной системы различными элементами инновационной инфраструктуры в большей степени подходит группировка, выделяемая на основе такого критерия, как тип оказываемых услуг. Данная логика выделения группировки является достаточно распространенной в научных исследованиях, а также является базовой в официальной трактовке этого термина. В данном случае выделяются следующие группы: производственно-технологическая, экспертно-консалтинговая, финансовая, информационная, кадровая, сбытовая.

Важным моментом при группировке по виду оказываемых услуг является выделяемый состав элементов каждой группы. Как уже указывалось выше, единого мнения здесь не существует, что особенно касается финансовой группы и производственно-технологической. На наш взгляд, определяющими факторами для выделения состава элементов должны быть вид оказываемых услуг и их специфика, определяемая целью создания такого элемента. Следует отметить, что структуры данных групп требуют наибольших затрат на создание и играют основополагающую роль в развитии инновационного предпринимательства на определенной территории.

Исходя из выделенных сущностных характеристик инновационной инфраструктуры, по нашему мнению, к производственно-технологической группе следует относить центры коллективного пользования научным или высокотехнологичным оборудованием и «технопарковые структуры», представленные в настоящее время в России в следующих формах: научные парки, научно-технологические парки, технопарки, технопарки высоких технологий, наноцентры, инновационно-технологические центры, инновационные бизнес-инкубаторы.

К финансовой группе инновационной инфраструктуры относятся венчурные и инновационные фонды. Но часто в состав элементов данной группы включают финансовые ресурсы бюджета, коммерческие банки, лизинговые компании, «бизнес-ангелов» и некоторые другие элементы. Данные элементы выходят за рамки рассмотрения инновационной инфраструктуры, поскольку отсутствует одна из основных характеристик инновационной инфраструктуры – специфичность их создания с целью поддержки участников инновационного процесса. С развитием Интернета и электронных платежей одним из механизмов преодоления нехватки финансовых ресурсов для развития инновационного предпринимательства становится коллективное инвестирование через интернет-порталы (краудфандинговые площадки). Роль данных структур в финансовой поддержке инновационного предпринимательства в современной экономике возрастает с каждым годом. Возможно, в будущем, по мере развития и с учетом их роли в экономике, а также развития правовых режимов регулирования их деятельности часть из этих структур можно будет рассматривать в составе инновационной инфраструктуры. Но в настоящее время участников неформального рынка капитала нецелесообразно рассматривать в составе инновационной инфраструктуры, так как нельзя гарантировать, что они профинансируют именно инновационные проекты; отсутствуют механизмы целенаправленного влияния на их деятельность, они не поддаются государственному регулированию. В России развитие данного элемента затруднительно, поскольку отсутствует «средний класс», обладающий свободными финансовыми ресурсами. Кроме того, объем финансирования, возможный к сбору такими структурами, по имеющимся оценкам профинансированных проектов, находится в диапазоне 50–100 тыс. руб.

В ряде исследований встречается систематизация элементов инновационной инфраструктуры в зависимости от уровня влияния на экономическую систему, выделяют группы объектов макроуровня, мезоуровня и микроуровня. На наш взгляд, данная

систематизация заслуживает внимания с точки зрения разработки регулирующего законодательства, предоставления льгот и других форм государственной поддержки, оценки эффективности функционирования соответствующих структур.

По нашему мнению, для разработки государственной политики в инновационной сфере необходимо проводить мониторинг развития инновационной инфраструктуры путем использования систематизации элементов по критерию источников финансирования расходов на создание объектов инновационной инфраструктуры и на текущее финансирование. В этом случае целесообразно выделение трех групп элементов: полностью финансируемые за счет государства; полностью использующие частное финансирование; финансируемые на принципах государственно-частного партнерства. Особый интерес для развития инновационного предпринимательства имеет опыт тех структур, которые были созданы с использованием средств государства, но, достигнув определенных успехов развития, перешли на самофинансирование (например, технопарк «Идея» в Республике Татарстан) или были созданы на частные средства и успешно функционируют как предпринимательские структуры.

Для развития инновационного предпринимательства необходимо, чтобы поддержка инновационных инициатив осуществлялась на всех этапах инновационной деятельности. Это одна из задач, стоящая перед органами власти при формировании инновационной инфраструктуры. Поэтому целесообразно систематизировать элементы инновационной инфраструктуры по их принадлежности к этапу инновационного цикла: поддержка этапа НИР; поддержка этапа ОКР; поддержка этапа экспериментального производства; поддержка этапа производства и продвижения инновационного продукта.

В том случае, если стоит задача поддержки инновационного предпринимательства в определенных, стратегически важных направлениях деятельности, определенных отраслей хозяйства, то целесообразно проводить систематизацию элементов исходя из отраслевой специализации объектов инновационной инфраструктуры. В этом случае необходимо выделить следующие группы: узкоспециализированные структуры, направленные на поддержку определенной отрасли народного хозяйства; неспециализированные структуры.

Исходя из выявленных выше существенных характеристик и ожидаемых результатов функционирования инновационной инфраструктуры, ее формирование, необходимое для развития инновационного предпринимательства, должно основываться на следующих принципах:

1. Сбалансированности построения системы по направлениям оказываемой поддержки, поскольку отсутствие какого-либо элемента для оказания определенного вида услуг или его наличие в размере, не соответствующем другим элементам, будет тормозить развитие всей системы. Например, недостаточное развитие финансовой группы инновационной инфраструктуры может привести к нехватке финансирования инновационных проектов, а значит, будет тормозить создание структур инновационного предпринимательства в технопарках, инновационных бизнес-инкубаторах, или, наоборот, при недостаточном развитии технопарковых структур, но чрезмерном развитии финансовой группы инновационной инфраструктуры может возникнуть ситуация «нехватки» инновационных проектов, требующих финансирования.

2. Сбалансированности построения системы по всем этапам инновационного предпринимательства: НИР, ОКР, опытного производства, производства и сбыта инновационной продукции в рамках оказываемого вида услуг.

3. Формирования элементов инновационной инфраструктуры с учетом имеющегося инновационного и экономического потенциала территории и приоритетов социально-экономического развития территории.

4. Наличия проекта создания элемента инновационной инфраструктуры с четко обозначенными показателями развития по времени (необходимо для мониторинга развития и оценки эффективности деятельности).

Литература

1. Белоусов В.Л., Воронов Д.Г. Организация создания инновационной инфраструктуры на основе кластеров // Экономика и управление. 2011. № 1. С. 46–50.
2. Голубева Л.Ф. Направления совершенствования структуры инновационной деятельности в Российской Федерации. М.: 2010.
3. Израйлит С.В. Жизненный цикл инноваций, М., 2014.
4. Кокурин Д.И., Назин К.Н. Формирование и реализация инфраструктурного потенциала экономики России: Монография. М.: Изд-во «Траслит», 2011. 336 с.
5. Котов Д.В. Проблема управления инновационным развитием экономики: государство, регион, кластер // Нефтегазовое дело. 2010. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogbus.ru/article/problema-upravleniya-innovacionnym-razvitiem-ekonomiki-gosudarstvo-region-klaster/>
6. Махмутов А.Х., Багаев Г.В. Инфраструктура инновационной системы экономики Республики Башкортостан: основы методологии // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2008. № 3. С. 42–49.
7. Мухамедьяров А.М., Диваева Э.А., Хабибрахманова Ю.Р. Основы формирования и оценки функционирования региональных инновационных систем. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. 200 с.
8. Погребова Е.С. Научно-методологические подходы к определению и функциям инновационной инфраструктуры региона. М.: Сервис в России и за рубежом, 2007.
9. Уланова Ж.Ю. Развитие инновационной инфраструктуры, как фактора экономического роста: автореф. дис. ...канд. экон. наук. Самара, 2006.
10. Урванцева Н.А. Анализ проблем формирования и развития инновационной инфраструктуры // Транспортное дело России. 2009. № 6. С. 162–163.

Концептуальная модель инновационных преимуществ региона

Е.СУМИНА, А.БАДЮКОВ

Актуальность и сущность инновационных преимуществ региона. Политическое руководство страны в качестве базового тренда модернизации российской экономики обозначило ее реиндустриализацию – новый этап индустриального развития, промышленную политику на основе новейшего технологического уклада. Условия глобальной политической напряженности «санкционной» войны на международной арене, экономический кризис и его последствия актуализируют и делают безальтернативным переход экономики России на инновационный тип развития. Инновационные преимущества региона (ИПР) являются факторами долгосрочной конкурентоспособности и структурной перестройки экономики в сторону высокотехнологичных, наукоемких отраслей и соответствующего организационно-административного обеспечения. Теоретическое раскрытие и обоснование сущности инновационных преимуществ региона при все возрастающей роли регионального аспекта развития экономики страны

Сумина Екатерина Владимировна, канд. экон. наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетнева (СибГАУ, г. Красноярск). E-mail: katrinsv@yandex.ru
Бадюков Артем Александрович, соискатель ученой степени кандидата экономических наук СибГАУ. E-mail: badyukov@mail.ru

становится необходимой концептуальной основой стратегического развития в целях обеспечения экономической безопасности России. ИПР определяют превосходство региона по уровню развития высокотехнологичных отраслей экономики и соответствующего институционального, инфраструктурного, административно-организационного обеспечения с выходом на опережающий уровень экономического развития региона [6].

Дифференциация конкурентных и инновационных преимуществ необходима в целях уточнения сущности ИПР. С нашей точки зрения, не следует рассматривать региональные преимущества с позиции примата конкурентных преимуществ. Преимущество региона может быть раскрыто как обладание ресурсным потенциалом, выгодным природно-климатическим положением, высокими значениями социально-экономических показателей развития региона, значительным уровнем производительности труда, высокими темпами роста валового регионального продукта и др. Также необходимо выделить существующие экономические категории, обозначенные в трудах зарубежных и отечественных исследователей: абсолютные, сравнительные и конкурентные преимущества региона. В этой связи необходим причинно-следственный анализ и определение факторов и результирующих показателей (индикаторов), по которым возможны формализация и раскрытие преимуществ данной территории и региона.

Среди них можно выделить абсолютные преимущества А. Смита и сравнительные преимущества Д. Рикардо, связанные с превосходством в производственных затратах, естественных природных факторах, традициях, в опыте и квалификации населения, а также других факторах, определяющих мировое разделение труда. Протекционистские взгляды Е. Листа, А. Гамильтона, Н. Сениора, Д. Милль, Ф. Зомбарта, К. Маркса не акцентируют роль инноваций в формировании опережающей позиции региона. Из четырех факторов, определяющих экономический рост – труд, капитал, природные ресурсы и научно-технический уровень – последний признается решающим в долгосрочной перспективе.

В настоящее время для России определяющим фактором все еще остаются природные ресурсы. Необходимо рассматривать данный факт как специфику, требующую поиска новых точек диверсифицированного роста в системе регионального развития. В ходе индустриальной эволюции и смены фаз экономического развития общества на сегодняшний день сформировались новые факторы, определяющие региональное развитие. Формируются и новые конкурентные условия, меняющие общий вектор конкуренции от преимущественного использования сравнительных национальных преимуществ к использованию динамично меняющихся конкурентных преимуществ, основанных на научно-технических достижениях, инновациях на всех стадиях – от создания товара до продвижения его от производителя к потребителю. Нельзя противопоставлять сравнительные и конкурентные преимущества, тем не менее, необходимо различать и данные понятия.

К сравнительным преимуществам можно относить те, которые обусловлены объективными обстоятельствами и не зависят от хода развития самого общества. Например, это сырьевые природные источники, которые статичны и не являются вечными или невозпроизводимыми. Конкурентные преимущества динамичны, связаны с инновациями, развитием человеческого капитала, интеллекта и по своей природе безграничны. М. Портер приводит детерминанты регионального конкурентного преимущества, определяя значимость местных условий для создания конкурентных преимуществ и продуктивность (производительность) использования региональных ресурсов, в первую очередь – рабочей силы и капитала, по сравнению с другими регионами. Интеллектуальные ресурсы, нематериальные активы организаций, лежащие в основе инновационного развития, требуют на сегодняшний день новых управленческих подходов, в том числе в рамках регионального управления. К.К. Прахалад и Г. Хамел представили не просто современную теорию о конкурентных преимуществах, а предло-

жили новый проактивный динамичный подход к формированию конкурентных преимуществ – ключевых компетенций. Такой компетентностный подход также позволяет выделить технологическую (производственную) компоненту и необходимые управленческие процессы, обеспечивающие инновационное развитие социально-экономических систем разного уровня.

Обобщая представленные выше понятия и виды региональных преимуществ, можно выделить следующие взаимосвязи между различными аспектами регионального развития и отличительные черты ИПР. Конкурентные преимущества региона требуют формирования инфраструктуры реализации инновационных процессов, ориентации на более высокий уровень технологичности и наукоемкости производств и основываются в рамках современных теорий более всего на инновационных долгосрочных факторах развития региона. ИПР являются основой достижения долгосрочных конкурентных преимуществ региона, но это не сводит их сущность лишь к факторам инновационной региональной среды. ИПР – это целенаправленно формируемая система и управленческие механизмы.

В состав инновационных преимуществ региона, позволяющих реализовать стратегию опережающего экономического развития, включены направления развития промышленности и других отраслей экономики, технологии, составляющие ядро высокотехнологичного уклада более высокого уровня, и ключевые компетенции самого региона с учетом его особенностей, ситуационных факторов и потенциала региона. Немаловажной представляется государственная поддержка и институциональная, инфраструктурная составляющие системы инновационного развития региона, поддержка государства в «прорывных» отраслях экономики.

Элементы инновационных преимуществ региона. ИПР можно представить как систему, состоящую из технологической, управленческой (административной) и инфраструктурной сфер. Необходимо учитывать, что организации инновационной инфраструктуры способны только поддержать инновационную деятельность в регионе, но не могут существенно снизить риск, связанный с возможным невосприятием рынком инноваций (новых продуктов и услуг). При этом каждый регион сталкивается с определенными проблемами на пути своего инновационного развития: неразвитостью механизма финансирования рискованных проектов, недостатком собственных денежных средств, проблемой стартового финансирования инновационных проектов, недостатком квалифицированных кадров на предприятиях.

Технологические превосходства региона определяются степенью развитости приоритетных и максимально адаптивных промышленных технологий, уровнем технологического обновления, наукоемкостью региональной промышленности, внедрением наиболее передовых технологических решений, позиционирующих данный регион в качестве «идейного лидера» с опережающей стратегией развития. В качестве внутреннего наполнения ИПР, таким образом, можно рассматривать ключевые для региона промышленные технологии, инфраструктурные и интеллектуальные активы, кадры, управленческий ресурс инновационного развития, культурные особенности региона. В настоящее время в теории управления и экономической теории известны различные подходы к теоретическому описанию функционирования социально-экономических систем на различных уровнях. Среди таких подходов, наряду с неоклассическим, институциональным, системным, отдельно можно выделить информационный подход, который сегодня становится наиболее актуальным в контексте анализа ИПР [1; 2; 8].

Возрастающую роль знания в свое время отмечали Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер и другие теоретики постиндустриального общества. «Знания» становятся новым ресурсом, а не просто фактором, отличным от информации и набора данных.

Параллельно с эндогенными концепциями НТП в экономической теории появился новый вид управленческой деятельности – управление знаниями в ответ на изменения

общественной формации под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Термин «управление знаниями» был введен Карлом Виигом и впервые использован в 1986 г. на конференции в Швейцарии, проводившейся Международной организацией труда под эгидой ООН. Значимость управления знаниями с каждым годом возрастает, отражая объективные требования развития наукоемкого производства, информатизации общества и повышения роли человеческого потенциала. И. Нонака и Х. Такеучи являются основоположниками восточного направления информационного подхода, предложив рассматривать в качестве организационного ресурса неявные знания, не отчуждаемые от их носителя в инновационном процессе [3]. М. Полани также выделяет неявные знания в процессе труда, достижения результата и нового знания, которые определяет общим понятием «ноу-хау».

В региональном контексте концепция управления знаниями остается мало разработанной современными исследователями, но не противоречит общим системным представлениям об управлении регионом. Составляющие ИПР, таким образом, включают как компоненты воспроизводства знаний, наращивания инновационного потенциала региона, так и условия развития инновационной деятельности, приоритетные технологии промышленного развития в соответствии с основными направлениями инновационного развития региона. Компоненты воспроизводства знаний – это компетенции, знания участников инновационного процесса, процессы и технологии получения знаний, сепарирования, распространения, преобразования и воплощения знаний в продукте. Регион обладает уникальным для каждой социально-экономической системы разного уровня «местным знанием», формирующимся в процессе определения, получения, распространения, хранения и воспроизводства в ходе нового инновационного цикла знаний.

Показатели и факторы формирования инновационных преимуществ региона. Рост экономики знаний на уровне региона выражается в результатах инновационной деятельности, показателях инновационной активности в рамках ряда целевых индикаторов реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года и стратегии инновационного развития отдельных субъектов РФ [7]: формирование компетенций инновационной деятельности, развитие инновационного бизнеса, повышение эффективности науки, развития инфраструктуры инноваций и инновационного государства, участие в мировой инновационной системе. В качестве основных целевых индикаторов инновационного развития Сибири выступают численность персонала, занятого исследованиями и разработками, доля молодых ученых в возрасте до 39 лет в общем числе ученых, количество патентов на изобретения, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров и оказанных услуг, доля высокотехнологичного сектора в валовом региональном продукте (ВРП), количество созданных передовых производственных технологий и другие ориентиры.

Достижение ИПР является критерием инновационного развития региона, выражающееся в максимальных показателях инновационной активности и эффективности использования инновационного потенциала региона. В современных условиях системные компоненты ИПР являются необходимым условием инновационного развития региона, что подтверждает их наличие у регионов – инновационных лидеров. Следовательно, воспроизводство региональных знаний выражается в улучшении показателей инновационной активности и увеличении возможностей инновационного развития региона. Например, система индикаторов инновационной активности международной Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) включает оценку создания и распространения знаний, уровня развития информационной экономики, глобальной интеграции, производительности и структуры экономики с учетом доли высокотехнологичных отраслей.

По результатам исследований Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в качестве показателей эффективности инновационной деятельности, эффективности региональной инновационной системы определены следующие индикаторы: социально-экономические условия инновационной деятельности; научно-технический потенциал; качество инновационной политики; инновационная деятельность в регионе [5]. Как указывается в этом исследовании, в большинстве случаев относительно благоприятные социально-экономические условия и научно-технический потенциал сами по себе не гарантируют высокого совокупного уровня инновационного развития региона. Его достижение (за некоторыми исключениями) в значительной мере зависит от качества инновационной политики.

Лидирующие позиции по этим показателям занимают Республика Татарстан, Калужская область, Республика Башкортостан, Томская область, Новосибирская область, Пермский край и другие регионы. Эти данные и результаты других рейтингов определенно дают возможность выявить некоторые закономерности факторов и условий более успешной позиции данных субъектов РФ. ИПР включают компоненты инновационной среды как необходимые условия реализации технологических направлений развития региона. Более высокая доля инновационной продукции в структуре экспорта, которая наблюдается с 2008 г., свидетельствует о невосприимчивости отечественной экономики к инновациям. В то же время при реализации Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. не был достигнут запланированный уровень ряда индикаторов, связанных, прежде всего, со спросом на инновации в реальном секторе экономики. По мнению ряда ученых, коммерциализацию инновационных проектов сдерживает недостаточная информационная составляющая всего процесса продвижения инноваций, что указывает на необходимость внедрения нового подхода управления с учетом информатизации и повышения роли знаний как важнейшего ресурса.

Рассматривая представленные показатели и аналитические материалы, посвященные данной проблематике, можно выделить следующие причины невысокого развития инноваций в регионах: низкий уровень мотивации, дефицит инженерных специальностей, несоответствие научно-исследовательской материальной базы стоящим перед современной наукой задачам, неразвитость инфраструктуры трансферта технологий, отсутствие традиций и практики коммерциализации идей. Необходимо также выделить два основных фактора, влияющих на восприимчивость и реализуемость нововведений. Во-первых, это предпринимательская инновационная среда, под которой понимаются необходимые условия развития предпринимательской активности и воспроизводства изобретений, их практической реализации. Поэтому необходимо формирование действенных механизмов вовлечения населения территорий данного субъекта РФ в предпринимательскую деятельность в приоритетных для территории технологических направлениях. Вторым фактором является характер предпринимательской инновационной культуры, то есть ментальных моделей поведения, стереотипов, определяющих отношение к нововведениям и риску. По классификации бизнес-культур голландского ученого Г. Хофстеда, традиционная ментальность оказывает влияние на уровень предпринимательской инициативы, отношение к риску, а значит, и на уровень инновационной культуры, формируя модели поведения людей, которые он обозначает как «стремление к избеганию неопределенности».

Следует учитывать, что усугублению перечисленных проблем способствует сложность процесса коммерциализации нововведений, что можно увидеть на примере существующей практике отбора бизнес-проектов международными сетями «бизнес-ангелов» (частных инвесторов в виды деятельности, сопряженных с высоким риском): из 30000 бизнес-проектов инвестируются 12–24 проектов. Серьезность проблемы

подтверждает тот факт, что за 20 лет рыночных преобразований коммерциализировано лишь 10 % всех научных разработок, сделанных в Российской Федерации. Отставание России от передовых стран в этой сфере оценивается в 40–50 лет.

Концептуальная модель ИПР. Таким образом, концептуальную структуру ИПР можно представить в виде шести функциональных подсистем, каждая из которых в целях формирования ИПР взаимодействует с другими подсистемами. Подсистемы при этом выделяются по функциональным системообразующим признакам и подразделяются на ментальную, культурную, компетентностную, технологическую, институциональную, инфраструктурную, традиционную подсистемы региона (см. рис.).

Ментальная подсистема представленной концептуальной конструкции структуры охватывает ментальные модели, включающие глубоко укоренившиеся в сознании человека способы восприятия и мышления участников, принципы и стереотипы поведения участников инновационных процессов.

Концептуальная модель ИПР

Американский ученый П. Сенге в начале 90-х представил ментальную подсистему ИПР в качестве системы управления организацией, эффективно осуществляющей инновационные преобразования [4]. На разном уровне осуществления инновационной деятельности региона – рабочей группы (команды) инновационного проекта, организации, работы органов исполнительной власти данного субъекта РФ – ментальные модели определяют уровень инициативности, субъективное отношение к различным инновационным начинаниям. Здесь отражаются особенности восприятия, характеристики мышления индивидов и интерпретации информации, стереотипность подходов, способность к прогнозированию ситуации. Ментальные модели выполняют свою функцию на этапе концептуализации, который следует за генерацией в инновационном процессе, их задачи – определение нескольких вариантов решения проблемы и объективная оценка ситуации. Ментальные модели являются производными их носителей и тесно связаны с неявным компонентом знаний как компонента ИПР.

Культурная подсистема охватывает представленный ранее фактор инновационной предпринимательской культуры в системе элементов ИПР. По определению Т. Парсонса, основной функцией культуры является «сохранение и воспроизводство образца». Культура служит необходимой средой для инфраструктуры, институциональной составляющей инновационного развития региона, формирования ИПР, то есть совокупности относительно устойчивых норм, правил, традиций, образцов поведения в рамках инновационной деятельности, определяющей отношение к новшествам, риску, изобретательскую рационализаторскую деятельность, понимание и принятие целей развития социально-экономических систем, коллективных ценностей и командный дух,

навыки совместной деятельности в осуществлении инноваций. Результатом воздействия данного компонента ИПР является также возможность участников инновационного процесса (управленческого персонала, исполнителей на уровне органов исполнительной власти данного региона, организаций, отдельных участников) ранжировать и оценивать важность поступающей информации о результатах научно-технического прогресса (НТП), ее интерпретации, навыки определения потребности в необходимых знаниях.

Инфраструктурная подсистема ИПР охватывает институциональную и инструментальную поддержку инновационной деятельности в регионе, включающую федеральные и региональные организации инновационной инфраструктуры. Данная составляющая включает органы исполнительной власти данного субъекта РФ, инструменты управления инновационной деятельностью на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Компетентностная подсистема обеспечивает формирование необходимых инновационных компетенций у участников инновационного процесса, включает когнитивные механизмы познания, навыки и знания, необходимые для осуществления научно-исследовательской, рационализаторской деятельности, знания основ инновационного управления, организации трудовой деятельности, мотивации участников научно-исследовательской, инновационной деятельности, знания наиболее перспективных технологических решений, соответствующих кругу поставленных задач и объективным условиям реализации инновационных преобразований.

Перечисленные подсистемы формируют ментально-инфраструктурную основу развития ИПР. Ее изменение может происходить только в относительно долгосрочном периоде. Воспроизводство, сохранение и эволюция этой фундаментальной структуры обеспечивается за счет механизмов наследственности. Для каждого предприятия эти механизмы воспроизводят его социально-экономический генотип – совокупность наследуемых и медленно изменяющихся характеристик данного предприятия.

Технологическая подсистема включает приоритетные и объективно обусловленные технологии для промышленности региона, утвержденные технологические платформы на территории соответствующего субъекта РФ, технико-внедренческие механизмы, определяющие опережающую технологическую позицию региона, базы инновационных технологических решений для развития промышленности в целях реализации модернизационных преобразований экономики региона. Технологическая подсистема является основным наиболее перспективным и отвечающим потребностям региона технологическим профилем региона, она сформирована теми отраслями промышленности, которые традиционно определены и обусловлены объективными факторами развития на данной территории субъекта РФ и новыми направлениями развития промышленности на основе идейного лидерства региона в реализации инновационной политики. Технологическая подсистема ИПР определяет основной промышленный профиль – «ключевые компетенции» региона [1].

Традиционная подсистема представляет собой взаимосвязь факторов регионального развития, традиционной направленности промышленности, отраслевого профиля региона, специфику региона с учетом традиционно-исторического природно-климатического, географического факторов. Например, данная подсистема для регионов Сибирского федерального округа состоит из ресурсной ориентации промышленной политики, сырьевой направленности экономики. Иными словами, эта подсистема представляет собой проекцию объективно сложившихся факторов развития региона на инновационную политику развития промышленности, формирования ИПР. Во взаимосвязи с технологической подсистемой ИПР данная подсистема для регионов Сибирского

федерального округа актуализируется в выборе инновационных технологических решений в ресурсодобывающих и ресурсоперерабатывающих отраслях экономики исходя из географической близости к природным ресурсам и агломерационных эффектов. Сибирь располагает крупными запасами углеводородного сырья, угля, урана, черных, цветных и драгоценных металлов, древесины, водных и гидроэнергетических ресурсов, что и определяет структуру ВРП (высокая доля добывающей промышленности, нефтехимической, газовой отрасли, металлургии, деревообрабатывающей, электроэнергетики и других отраслей).

Можно заключить, что проведенный концептуальный анализ и функциональная декомпозиция ментальной, культурной, компетентной, инфраструктурной, технологической и традиционной подсистемы ИПР дают возможность определить ключевые компоненты ИПР: технологии, компетенции, инфраструктуру. Институты и инструменты финансовой поддержки, ментальные модели формирования, объективные условия как элементы ИПР выступают в качестве внешней составляющей, зависящей от специфики ИПР: традиционно сложившейся позицией региона (например, отнесение к промышленно развитым и сырьевым регионам, регионам-донорам), связанной как с географическим расположением, природными факторами, так и экономическим потенциалом развития региона.

Ментальные модели отражают традиционно сложившиеся глубоко укоренившиеся принципы поведения местного населения. Эти модели включают ментальную, культурную и традиционную подсистемы ИПР. Анализ компонентов ИПР с учетом объективных социально-культурных, экономических, политических факторов позволяет определить главные точки инновационного экономического роста и реализовать приоритетную на сегодня политику возрождения промышленного потенциала России. Объективные условия функционирования структуры ИПР выступают в качестве стартовых условий, ситуационных факторов, определяющих возможности развития других компонентов ИПР.

Литература

1. Белякова Г.Я., Сумина Е.В. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ компаний на основе концепции ключевых компетенций // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 41. С. 32–40.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Нонака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М.: Олимп-Бизнес. 2003. 320 с.
4. Питер Сенге. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации / Пер. с англ. М.: Изд-во: Олимп-Бизнес, 2003. 408 с.
5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / Под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 248 с.
6. Сумина Е.В. Инновационные преимущества региона: сущность и роль в условиях реиндустриализации // Инновационный Вестник Регион. 2015. № 1. С. 1–7.
7. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf>
8. Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2002. 288 с.

Актуальные проблемы эффективной организации инновационной деятельности на предприятиях в Азербайджане

Р.АЛИЕВ

Одним из основных условий обеспечения устойчивости и динамичности социально-экономической политики в стране является увеличение объема расходов на инновации и повышение эффективности их использования. Для этого, в первую очередь, целесообразно провести исследование существующего подхода к образованию и науке в стране, проанализировать источники выделяемых расходов и их объемы. В большинстве развитых и развивающихся стран наука и образование выступают в качестве основного критерия, мерила инноваций.

Исследования, проведенные в Азербайджанской Республике, показывают, что за период существования Советского Союза здесь сформировался значительный научно-технический потенциал. Так, в 1990 г. в стране действовала 151 научная организация, 882 лаборатории, 178 конструкторских, 38 опытно-экспериментальных бюро на промышленно-производственных объединениях и предприятиях. Численность занятых в них сотрудников превышала 12 тыс. чел. Промышленность страны обслуживали 17 отраслевых научно-исследовательских институтов, филиалов и отделов, 7 академических институтов и 14 проектно-конструкторских организаций [1, 153–155]. Следует отметить, что после восстановления государственной независимости в связи с переходом к рыночной экономике в научно-техническом потенциале страны стали наблюдаться серьезные отставания. Основной причиной этого стал разрыв прежних связей, внезапное резкое снижение производства и слабый спрос или его отсутствие на услуги производственно-конструкторских организаций. Динамика числа организаций, проводящих в настоящее время исследования и разработки в Азербайджане, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Количество организаций, проводящих исследования и разработки

Годы	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	137	146	146	148	145	143	140	140
В том числе:								
научно-исследовательские организации	95	97	97	95	93	92	90	90
конструкторские организации	12	6	6	5	5	5	3	3
Высшие учебные заведения	25	33	35	39	37	36	37	39
прочие	5	10	8	9	10	10	10	8

Источник: www.stat.gov.az

Как видно из приведенных данных, количество научно-исследовательских организаций в 2013 г. по сравнению с 2000 г. сократилось на 5 единиц, а количество конструкторских организаций за аналогичный период – на 9 единиц, или в 4 раза, в то время как был зафиксирован рост числа высших учебных заведений на 14 единиц, или в 1,6 раза. Причиной сокращения количества конструкторских и научно-исследовательских организаций за анализируемый период явилось незначительное количество заказов, направленных на практическое применение ввиду ограниченности финансовых ресурсов

Алиев Рашад Яверович, докторант Университета «Кавказ». E-mail: rashadaliyev@gmail.com

многих предприятий. При этом увеличение количества высших учебных заведений за анализируемый период связано с повышенным социальным заказом общества на образование.

Интерес представляет также анализ распределения по секторам организаций, осуществляющих исследования и разработки (табл. 2).

Таблица 2

Распределение по секторам организаций, проводящих исследования и разработки

	2001	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	137	146	146	148	145	143	140	140
в том числе:								
Государственный сектор	90	93	92	92	93	92	90	90
Сектор предпринимательства	19	17	15	14	13	13	11	11
Сектор высшего образования	28	36	39	42	39	38	39	39

Источник: www.stat.gov.az

Данные таблицы 2 показывают, что в распределении по секторам организаций, проводящих исследования и разработки, доля государства составляет 64,3 %, в то время как доля частного сектора очень незначительна. Мы считаем, что это один из важных вопросов, требующих специального рассмотрения. Так, в Азербайджане за последнее десятилетие более 80 % валового внутреннего продукта и промышленной продукции приходится на долю негосударственного сектора (82,5 % ВВП в 2013 г.), а в сфере промышленности, при том, что доля негосударственного сектора в 2013 г. составила 87,4 %, интерес к проведению исследований и разработок оказался незначителен. Это указывает на ограниченность возможностей производства наукоемкой и инновационной продукции в частном или негосударственном секторе.

Таблица 3

Распределение специалистов-исследователей по возрастным группам и полу на конец 2013 года

	Исследователи			с ученой степенью					
				Доктора наук			Доктора философии		
	всего	Мужчины	Женщины	всего	Мужчины	Женщины	всего	Мужчины	Женщины
Общее число исследователей, человек	15 784	7 365	8 419	1 352	1 135	217	5 343	3 139	2 204
Из которых:									
В возрасте до 30 лет	2 064	689	1 375	48	36	12	97	71	26
В возрасте 30–39 лет	2 905	1 202	1 703	27	26	1	785	409	376
В возрасте 40–49 лет	3 092	1 375	1 717	126	108	18	1 057	554	503
В возрасте 50–59 лет	3 435	1 797	1 638	328	265	63	1 444	895	549
В возрасте 60–69 лет	2 658	1 357	1 301	432	355	77	1 216	757	459
В возрасте 70 и более лет	1 630	945	685	391	345	46	744	453	291

Источник: www.stat.gov.az

Как видно из данных, приведенных в таблице 3, за последние годы среди специалистов-исследователей увеличивается количество женщин. Так, число женщин в возрасте до 30 лет, 30–39 лет и 40–49 лет значительно выше аналогичного показателя у мужчин. По нашему мнению, это связано с незначительным объемом средств, выделяемых на сферу исследований, или низкой заработной платой сотрудников, занятых в этой сфере.

Как уже отмечалось, одна из основных проблем, влияющих на уровень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в стране, связана с уровнем финансирования этих работ, что проявляется в объеме расходов государственного бюджета на науку.

Таблица 4

Расходы государственного бюджета на науку, млн манат

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Общие расходы на науку	62,1	83,3	92,8	106,1	116,7	130,5	146,8
По отношению к валовому внутреннему продукту, в %	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
По отношению к расходам государственного бюджета, в %	0,6	0,8	0,08	0,7	0,7	0,9	0,7

Источник: www.stat.gov.az; <http://maliyye.gov.az/>

Как видно из данных, приведенных в таблице 4, за 2008–2014 гг. увеличился объем расходов государственного бюджета на науку, но его удельный вес в ВВП составил только 0,2 %, а удельный вес в расходах государственного бюджета колебался в пределах 0,6–0,7 %. Уместно отметить, что в развитых странах расходы на науку колеблются в пределах 3–5 % от ВВП. Другими словами, этот показатель в 20–30 раз превышает значение данного показателя по Азербайджану. В то же время следует отметить, что значение данного показателя находится на уровне большинства стран СНГ.

На наш взгляд, для повышения уровня научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этом направлении необходимо отказаться от прежней материально-технической базы, усилить обеспечение новым, современным оборудованием. Реализация таких мер, как усиление международного научно-инновационного обмена в целях повышения квалификации сотрудников, занятых в этой сфере, эффективное управление работами, проводимыми в данной области, и увеличение объема средств, выделяемых на данную сферу, окажет положительное влияние на инновационную активность в стране.

Таблица 5

Основные средства, используемые в исследованиях и разработках

	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Среднегодовая стоимость основных средств, млн манат	54,9	79,9	82,3	97,6	95,2	88	107,2
Включая машины и оборудование	18,8	18,6	23,1	14,9	17,4	27,2	44,5

Источник: www.stat.gov.az

Факторы, препятствующие инновационной политике или инновационной деятельности предприятий, можно распределить на три основные группы: экономические, производственные и прочие. Рассмотрим их подробнее.

За 2008–2013 гг. удельный вес экономических и производственных факторов, препятствующих инновациям в промышленности, всегда был высок. К составным элементам экономических факторов можно отнести:

- недостаток собственных денежных средств;
- недостаток финансовой помощи со стороны государства;
- низкий платежеспособный спрос на новую продукцию;
- высокую стоимость новшеств;
- высокий экономический риск;
- длительные сроки возмещения расходов на новые продукты.

В качестве составных элементов производственных факторов можно указать:

- низкий инновационный потенциал предприятия;
- нехватку квалифицированных работников;
- отсутствие информации о новых технологиях;
- непринятие новшеств со стороны предприятий;
- отсутствие информации о рынках;
- невозможность сотрудничества с другими предприятиями и другими научными организациями.

В качестве составных элементов других факторов можно указать:

- отсутствие спроса на новые продукты ввиду использования имеющихся инноваций;
- отсутствие законодательства и нормативно-правовой документации, регулирующей и поощряющей инновационную деятельность;
- неопределенность срока инновационного процесса;
- неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднических, информационных, юридических, банковских и др. услуг);
- неразвитость рынка технологий.

Анализ данных позволяет зафиксировать снижение числа предприятий с отсутствием законодательства и нормативно-правовой документации. Данные динамики основных факторов, препятствующих инновациям на промышленных предприятиях, приведены в таблице 6.

Таблица 6

Динамика удельного веса основных факторов, препятствующие инновациям на промышленных предприятиях, %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экономические факторы	39,4	33,7	48,6	46,3	38,7	39,7
Производственные факторы	36,4	40,0	30,1	29,1	32,9	32,5
Другие причины (факторы)	24,2	26,3	21,3	24,6	28,4	27,8

Как видно, в удельном весе основных факторов, препятствующих инновациям на промышленных предприятиях, преобладают экономические факторы.

В удельном весе второстепенных факторов, препятствующих инновациям на промышленных предприятиях, наравне с экономическими факторами особое место занимают производственные факторы (табл. 7).

**Динамика удельного веса второстепенных факторов,
препятствующих инновациям на промышленных предприятиях, %**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экономические факторы	35,6	42,9	42,6	35,0	37,3	36,5
Производственные факторы	34,1	30,3	28,5	36,8	37,3	36,2
Другие причины (факторы)	30,3	26,8	28,9	28,2	25,3	27,2

Еще одной из главных проблем, связанных с управлением инновационной деятельности промышленных предприятий в Азербайджанской Республике, является отсутствие стимулирующей роли собственно внутреннего рынка. Это можно объяснить низким платежеспособным спросом на новую продукцию и длительным сроком возмещения расходов на производство инноваций. Анализ положения дел в Азербайджане показывает, что в стране сформировался не производственный и не покупательский рынок, а рынок продавца. На наш взгляд, следует предпринять серьезные шаги для развития рыночных отношений и формирования покупательского рынка. В связи с этим крайне важное значение имеют стимулирование потребительского спроса и политика кейнсианства. Опыт показывает, что фактор спроса оказывает значительное влияние на 90 % новых продуктов и инноваций. Следует отметить, что новшества непосредственно связаны с потребительским рынком. Это, прежде всего, приводит к зарождению новой потребительской группы и ускоренному моральному устареванию предшествующих продуктов. Действие этих факторов вынуждает предприятия модернизировать производимую ими продукцию и переходить к стратегиям, направленным на развитие инноваций.

Среди прочих факторов, препятствующих инновационной деятельности предприятий в Азербайджане, следует отметить отсутствие правовой базы, регулирующей и стимулирующей инновационную деятельность.

В качестве заключения выделим основные направления и конкретные меры, направленные на эффективную организацию инновационной деятельности предприятий Азербайджана. В частности, крайне необходимым видится следующее:

- учет внешних факторов, в частности, перспективы развития конкурентов, рынка;
- организация развития маркетинговой деятельности на предприятиях;
- поддержка нового вида продукции;
- учет научно-технических, финансовых, экологических рисков на предприятиях;
- повышение уровня внедрения и расширение сферы научно-технического прогресса;
- развитие материально-технической базы промышленных предприятий;
- реализация целевых инвестиций;
- обеспечение развития инновационного потенциала;
- подготовка квалифицированных кадров;
- принятие законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность.

Литература

1. Гусейнов С.К. Эффективность структуры промышленного производства в условиях его интенсификации. Баку: Элм, 1987. 184 с.
2. Портер М. Конкуренция. М., 2005. 454 с.
3. Azərbaycan Respublikası Maliyyə Nazirliyi [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.maliyye.gov.az
4. Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.stat.gov.az

Приоритетные направления развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан

**Н. АРТЕМОВ, И. ШАЯХМЕТОВ,
Н. ПОАНШВАЛЬ**

Ключевыми задачами, которые предстоит решить в процессе совершенствования общества, являются развитие предпринимательства на потребительском рынке, насыщение этого рынка товарами и услугами по доступным ценам и отвечающим запросам населения. Развитие предпринимательства в сфере платных услуг является одним из самых динамично развивающихся направлений в сфере экономики. За последние десятилетия российский сервис освоил оказание множества новых услуг: консалтинг, инжиниринг, лизинг, психологическое и семейное консультирование, культурно-валеологические услуги, кредитные услуги, услуги игрового и шоу-бизнеса.

Откликаясь на появление новых потребностей общества, предприниматели в сфере услуг оперативно используют достижения инновационной деятельности и тем самым способствуют привлечению капитала и рабочей силы в сферу обслуживания, созданию новых рабочих мест и, как следствие, обеспечению занятости населения.

На современном этапе экономического развития сферы услуг в регионах России наиболее динамично развиваются следующие сегменты:

- организация спортивного досуга (фитнес-клубы, школы танцев, оздоровительные комплексы и т.д.);
- оказание косметических и косметологических услуг, развитие «индустрии красоты»;
- развитие и расширение сети организаций общественного питания, ориентированных на различных потребителей;
- развитие услуг связи и интернет-услуг;
- развитие индустрии туризма, увеличение форм туристического обслуживания;
- развитие комплекса гостиничных услуг и повышение качества в «индустрии туризма»;
- консалтинговые услуги (бизнес-консалтинг, аудиторская деятельность);
- реклама [1, 32].

Необходимо отметить, что малое и среднее предпринимательство выступает существенным фактором регионального развития. Одним из уникальных регионов России, обладающим огромным природным и историко-культурным потенциалом и располагающим практически всеми видами базовой инфраструктуры предпринимательской деятельности, является Республика Башкортостан.

Республика Башкортостан является одним из лидеров среди регионов Приволжского федерального округа по основным показателям деятельности малых предприятий и индивидуальных предпринимателей (табл. 1).

Артемов Николай Иванович, д-р экон. наук, профессор кафедры финансов и банковского дела Уфимского государственного университета экономики и сервиса (УГУЭС)

Шаяхметов Ильдар Тимергасимович, д-р экон. наук, профессор научно-исследовательской лаборатории «Исследование проблем взаимодействия партнерства власти, бизнеса и общества» УГУЭС

Поаншваль Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры финансов и банковского дела УГУЭС. E-mail: natali-poan@mail.ru

Место Республики Башкортостан среди регионов Приволжского федерального округа

Показатель	2011	2012	2013
Малые предприятия (без микропредприятий)			
Число малых предприятий (без микропредприятий)	3	4	4
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей)	2	2	2
Оборот (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей)	2	4	4
Инвестиции в основной капитал	2	2	2
Микропредприятия			
Число микропредприятий	5	3	3
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей)	5	3	3
Оборот (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей)	4	4	5
Инвестиции в основной капитал	6	4	4
Индивидуальные предприниматели			
Численность индивидуальных предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность	2	1	2
Объем выручки (с учетом налогов и аналогичных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг индивидуальных предпринимателей	1	1	1

Источник: данные Башкортостанстата [3].

Привлекательность малого и среднего бизнеса подтверждается ростом числа субъектов малого предпринимательства в Республике Башкортостан (темп прироста за 2013–2011 гг. составил 26 %). Следует отметить, что количество микропредприятий при этом повышается более быстрыми темпами (темп прироста за 2013–2011 гг. составил 32 %).

Таблица 2

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан, единиц

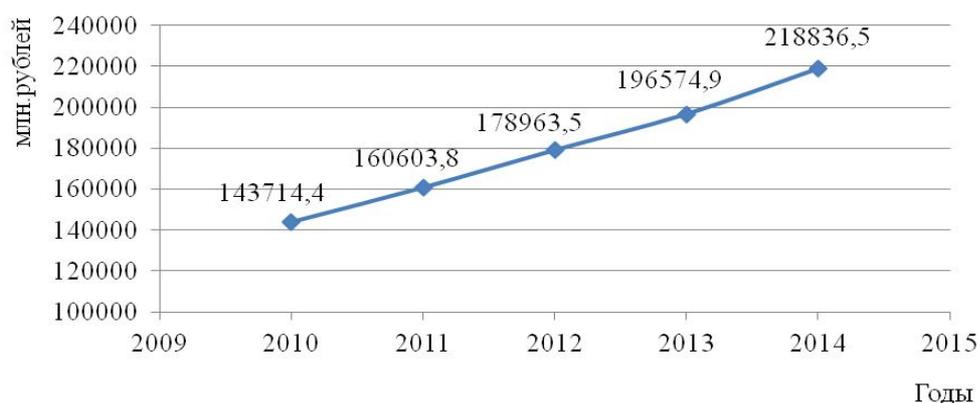
Показатель	На	На	На	Темп прироста, %	
	01.01.2012	01.01.2013	01.01.2014	2013/2012	2014/2013
Средние предприятия	324	282	297	- 12,96	+ 5,32
Малые предприятия	32445	38899	40835	+ 19,89	+ 4,98
Из них микропредприятия	27056	33457	35768	+ 23,66	+ 6,91
Индивидуальные предприниматели	103769	102597	87075	- 1,13	- 15,13

Источник: данные Башкортостанстата [3].

Снижение числа индивидуальных предпринимателей на 15 % в 2013 г. связано, в первую очередь, с увеличением налоговой нагрузки в этот период.

Наиболее привлекательной для бизнеса остается сфера торговли: доля малых предприятий (включая микропредприятия) в Республике Башкортостан, занятых в этой сфере, в 2013 г. составила 37,6 %, а доля индивидуальных предпринимателей – 53,7 %. Распределение малых предприятий в соответствии со степенью активности по другим видам экономической деятельности выглядит следующим образом: операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (17,2 %); строительство (14,6 %); платные услуги (11,8 %); обрабатывающее производство (10,5 %); сельское хозяйство (5,2 %); другие виды деятельности (3,1 %).

Деятельность малого бизнеса в сфере услуг можно охарактеризовать как наиболее активную и разнообразную. Динамика объема платных услуг населению в Республике Башкортостан представлена на рисунке.

Динамика объема оказания платных услуг населению, млн руб.

Республика Башкортостан в 2013 г. по объему платных услуг на душу населения занимала второе место среди регионов Приволжского федерального округа (среди субъектов Российской Федерации – 19 место) [4]. В Республике Башкортостан более 15 % индивидуальных предпринимателей оказывают платные услуги населению.

По результатам анализа распределения объема платных услуг населению Республики Башкортостан по основным видам выявлено, что за 2013–2014 гг. динамично развивающимися являются услуги в сфере культуры (прирост 17,4 %), ветеринарные услуги (прирост 16,2 %); санаторно-оздоровительные услуги (прирост 7,6 %), туристские и бытовые услуги (прирост по 6,7 %), медицинские услуги (прирост 6,1 %), услуги в сфере физической культуры и спорта (5,9 %), услуги гостиниц (прирост 5,4 %), услуги в сфере образования (прирост 4,6 %).

Председатель Госкомитета РБ по предпринимательству и туризму В.А. Гилязитдинов [5] к приоритетным направлениям развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан относит туризм и социальное предпринимательство, поддержка которых позволит значительно увеличить вклад малого бизнеса в экономику республики.

Индустрия туризма и гостеприимства относится к наиболее динамично развивающимся направлениям предпринимательства, она способна активизировать сопутствующие сферы экономической деятельности: транспорт, связь, сферу торговли, производство сувенирной продукции, сельское хозяйство, строительство и др.

Формирование современного высокоэффективного туристического комплекса в Республике Башкортостан может стать фундаментальной точкой роста для развития всей региональной экономики.

Одним из важнейших элементов привлекательности региона является наличие достаточно развитой туристской инфраструктуры, включающей в себя коллективные средства размещения: гостиницы и аналогичные средства размещения (меблированные комнаты, пансионаты, общежития для приезжих и т.п.), санаторно-курортные организации, организации отдыха и турбазы. В 2013 г. в республике действовало 382 коллективных средства размещения, в которых было размещено 914,5 тыс. человек.

В Республике Башкортостан функционирует Государственный комитет Республики Башкортостан по предпринимательству и туризму – республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий в пределах своей компетенции государственную политику и регулирование в области развития и поддержки туризма и туристской индустрии.

Одной из составляющих туристской индустрии являются туристские фирмы, формирующие туристские потоки. Оказанием туристских услуг на конец 2013 г. занимались 314 туристских фирм. В 2013 г. объем платных услуг в области туризма составил 3,4 млрд

рублей (в сопоставимых ценах темп роста составил 103 % к 2012 г.). В 2013 г. ими были организованы туры для 126,3 тыс. граждан России, из которых 37,5 тыс. граждан (29,7 % от общего количества обслуженных туристов) посетили Республику Башкортостан.

В Республике Башкортостан для активизации внутреннего туризма, создания необходимой инфраструктуры развития индустрии туризма действует Долгосрочная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Башкортостан на 2012–2016 годы».

Одним из концептуальных направлений программы является создание и развитие современного высокоэффективного и конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса – суперкластера «Башкортостан», а также трех автотуристских кластеров.

Другим приоритетным направлением развития предпринимательства в Республике Башкортостан выступает социальное предпринимательство. Основными видами экономической деятельности, в которых заняты социальные предприниматели, являются образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг.

Объем социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам в Республике Башкортостан, вырос на 80 % в 2013 г. и составил 119,5 млн руб. Однако доля социальных услуг по-прежнему незначительна и составляет лишь 0,1 % от общего объема платных услуг, оказываемых населению. В целях развития сферы социальных услуг с 1 января 2015 г. к социальному обслуживанию населения допускаются негосударственные организации и индивидуальные предприниматели в соответствии с новым Федеральным законом № 442 «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации». Индивидуальным предпринимателям, работающим в социальной сфере, также могут быть предоставлены «налоговые каникулы» в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 477-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

В долгосрочной целевой программе «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан на 2013–2018 гг.» предусмотрены новые виды поддержки по развитию социального предпринимательства. В рамках этой программы в июле 2013 г. открыт Центр инноваций в социальной сфере (ЦИСС). ЦИСС функционирует на базе автономной некоммерческой организации «Инфраструктурные проекты Республики Башкортостан» и реализует такие проекты, как школа социального предпринимательства на базе ведущих вузов города Уфы; обучающие семинары по социальному предпринимательству.

Толчком для развития социального предпринимательства послужит допущение малых и средних предприятий с 1 июля 2015 г. к закупкам субъектов естественных монополий, госкомпаний, госкорпораций и организаций с государственным участием, которые проводятся в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Несмотря на необходимость ускоренного развития рассмотренных приоритетных направлений деятельности, предприниматели сталкиваются с ограничениями различного рода. Среди факторов, сдерживающих развитие, следует выделить дефицит финансовых ресурсов, в том числе недостаток дешевых кредитов; ослабление рубля и инфляцию; постоянный рост тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства и арендных платежей; дефицит офисов экономического класса и промышленных площадок для складских программ; бюрократию российских чиновников, а также недостаток знаний о ведении бизнеса.

В соответствии с комплексным планом обеспечения устойчивого развития экономики и социальной стабильности в Республике Башкортостан на 2015–2017 гг. [2] для активизации экономического роста предусмотрены мероприятия, направленные на поддержку малого и среднего предпринимательства:

– установление «налоговых каникул» для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей;

- оптимизация налогообложения налогоплательщиков, применяющих специальные налоговые режимы в рамках прав, предоставленных федеральным законодательством;
- создание Фонда поддержки инвестиционных инициатив для предоставления займов субъектам малого предпринимательства;
- увеличение сроков (до 3 лет) и объемов микрозаймов (до 2 млн руб.), предоставляемых автономной некоммерческой организацией «Центр микрофинансирования субъектов малого предпринимательства Республики Башкортостан»;
- увеличение объемов поддержки проектов, реализуемых субъектами малого и среднего предпринимательства, в сфере социального предпринимательства;
- формирование перечня (реестра) бесхозных объектов недвижимости, расположенных на территории РБ, для оказания имущественной поддержки субъектам предпринимательской деятельности;
- стимулирование крупных предприятий к привлечению малого бизнеса на условиях субконтрактации и аутсорсинга.

В свою очередь Госкомитетом РБ по предпринимательству и туризму в течение 2015 г. запланирована реализация следующих проектов:

- создание системы поддержки инвестиционных инициатив, реализуемых субъектами малого предпринимательства, с объемом инвестиций от 500 тыс. рублей с прозрачной системой отбора бизнес-проектов, в рамках функционирования Фонда поддержки инвестиционных инициатив малого бизнеса;
- запуск проекта «Автобусный стартап» для активации предпринимательства в районах республики;
- создание «Дома предпринимателя Республики Башкортостан», на территории которого предполагается собрать основные организации инфраструктуры поддержки предпринимательства.

Вышеописанные мероприятия и проекты направлены на увеличение числа субъектов малого предпринимательства, повышение доступности имущественных и финансовых ресурсов для субъектов предпринимательской деятельности, что позволит увеличить оборот субъектов малого и среднего предпринимательства и, как следствие, увеличить валовой региональный продукт республики.

Литература

1. Гукова О.Н., Петрова А.М. Предпринимательство в сфере сервиса: учеб. пособие. М.: Форум, 2009. 176 с.
2. Комплексный план обеспечения устойчивого развития экономики и социальной стабильности в Республике Башкортостан на 2015–2017 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW140;n=97736;req=doc>
3. Малое и среднее предпринимательство в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2014. 128 с.
4. Платные услуги населению Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2014. 50 с.
5. Тезисы выступления председателя Госкомитета РБ по предпринимательству и туризму В.А. Гилязитдинова «Стратегические направления развития (концепция) малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан до 2018 года» 2 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravitelstvorb.ru/regulatory/new_section/page29.php?clear_cache=Y&print=Y

Современные аспекты активизации участия студентов в молодежном предпринимательстве

Э.ЖИДКОВА

Переход России к инновационной экономике сопровождается развитием малого и среднего бизнеса и формированием нового слоя предпринимателей – молодых предпринимателей, активным включением молодежи в предпринимательскую деятельность. Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность определяется рядом причин:

1. Современная молодежь является активной частью населения и стремится быть успешной. В отличие от старшего поколения, молодые люди предрасположены к риску и склонны к инновациям.

2. Развитие молодежного предпринимательства позволяет решить проблему занятости на рынке труда [2].

3. Молодежное предпринимательство является необходимым ресурсом улучшения инвестиционного климата в регионе [4].

4. Формирование молодежного предпринимательства способствует развитию социально-экономической составляющей региона [1; 3].

Данные факторы обуславливают необходимость омоложения предпринимательского сектора и активного включения молодежи в предпринимательскую деятельность.

В России к категории «молодежь» относят граждан в возрасте от 14 до 35 лет [5]. Этот возрастной ценз включает молодых людей, обучающихся в образовательных учреждениях и в перспективе планирующих ведение собственного бизнеса, как один из возможных путей профессиональной деятельности. Студенты, желающие и готовые заниматься предпринимательской деятельностью, сталкиваются с рядом проблем. Как правило, это проблемы формирования стартового капитала; недостаточные практические навыки в экономической сфере и отсутствие деловой репутации; слабая информационная поддержка молодежного предпринимательства.

Проблемы молодежного предпринимательства были предметом исследований, проведенных Уфимским государственным университетом экономики и сервиса в 2015 г.

Было опрошено 500 респондентов для определения ключевых потребностей молодых предпринимателей, а также выявления необходимых форм поддержки студенческой молодежи в области малого бизнеса на территории Республики Башкортостан.

По мнению опрошенных, основными проблемами, препятствующими студентам в перспективе открыть собственный бизнес и стать молодыми предпринимателями, являются следующие: недостаток необходимых навыков ведения бизнеса (20,4 %), недостаток финансовых средств (18,5 %), высокий риск (13,0 %), сложность доступа к инфраструктуре поддержки молодых предпринимателей (9,3 %). Необходимо отметить, что существенная часть опрошиваемых видит существенную проблему в недостатке информации о существующих тенденциях рынка (9,3 %) (см. табл. 1).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наиболее приоритетными сферами деятельности для будущих предпринимательских инициатив являются информационные технологии (IT-консалтинг и пр.) (33,3 %), финансовые услуги (33,3 %), торговые услуги (5,6 %), а также услуги общественного питания (5,6 %) (см. табл. 2).

Жидкова Элла Вячеславовна, аспирант кафедры экономики и менеджмента Уфимского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: nio@ugues.ru

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С какими основными проблемами, по Вашему мнению, сталкивается молодой предприниматель при открытии собственного дела?»

Варианты ответа	в % к числу опрошенных
Несовершенство нормативно-правовой базы	5,6
Высокий уровень налогообложения	3,7
Недостаток необходимых навыков ведения бизнеса	20,4
Высокий риск	13,0
Недостаток финансовых средств	18,5
Коррупция	1,9
Недостаточность информационной и консультационной поддержки	1,9
Отсутствие помещений, высокая арендная плата	5,6
Отсутствие реальной поддержки со стороны государственных органов	5,6
Бюрократические барьеры	1,9
Отсутствие льгот при кредитовании	–
Административные барьеры	7,4
Контрольно-надзорные мероприятия	–
Лицензирование отдельных видов деятельности	–
Недостаток информации о существующих тенденциях рынка	9,3
Сложность доступа к инфраструктуре поддержки молодежного предпринимательства	9,3
Другое	–

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В какой сфере малого и среднего предпринимательства Вы планируете работать?»

Варианты ответа	в % к числу опрошенных
Услуги общественного питания	5,6
Финансовые услуги	33,3
Информационные услуги (IT-консалтинг и пр.)	33,3
Жилищно-коммунальные услуги	1,9
Бытовые услуги	–
Услуги аренды	–
Туристские услуги	–
Юридические услуги	–
Гостиничные услуги	1,9
Охранные услуги	–
Услуги переводчиков	5,6
Торговые услуги	5,6
Транспортные услуги	–
Развлечения	–
Медицинские услуги	–
Строительные услуги	1,9
Парикмахерские услуги	–
Услуги технического обслуживания транспорта	–
Образовательные услуги	–
Услуги ремонта цифровой и бытовой техники	–
Уборочные услуги	–
Посреднические услуги купли-продажи (торговля)	–
Производство промышленной продукции и товаров народного потребления	–
Сфера общественного питания	–
Сельское хозяйство	–
Другое	7,4

По мнению опрашиваемых студентов, основными факторами, побуждающими молодых людей к ведению собственного бизнеса, являются следующие (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Назовите наиболее важные факторы, побуждающие Вас к ведению собственного бизнеса?»

Варианты ответа	В первую очередь	В последнюю очередь	Нет подобного рода побуждающих факторов	Затрудняюсь ответить
	(в % к числу опрошенных)			
Высокая прибыльность в перспективе	79,2	15,1	5,7	–
Сохранение определенного уровня достатка	66,7	13,0	11,1	9,3
Возможность быть независимым от окружающих	61,1	14,8	18,5	5,6
Карьерный рост	55,6	29,6	14,8	–
Риск	20,4	51,9	24,1	3,7
Престижность предпринимательства	44,4	33,3	20,4	1,9
Возможность стать успешным руководителем	72,2	18,5	9,3	–
Возможность проявлять свои творческие способности	55,6	24,1	16,7	3,7
Возможность быть новатором	53,7	29,6	9,3	7,4

Таким образом, наиболее значимыми факторами, побуждающими молодых людей к ведению собственного бизнеса, по мнению опрошенных студентов, являются следующие: высокая прибыльность в будущем (79,2 %); возможность реализовать лидерские качества и стать успешным предпринимателем (72,2 %); сохранение определенного уровня достатка на протяжении всей карьеры (66,7 %), а также возможность быть независимым от окружающих (61,1 %). Необходимо отметить, что, несмотря на ориентацию российской экономики на инновационный путь развития, возможность реализовать себя как новатора среди опрошенной молодежи отмечают лишь 53,7 % респондентов.

В целом студенты оценили уровень развития молодежного предпринимательства на территории Республики Башкортостан как средний. По мнению студентов, наиболее эффективными мерами государственной поддержки молодежного предпринимательства являются: льготное кредитование – 59,3 %; предоставление субсидий субъектам молодежного предпринимательства на возмещение затрат в инновационной сфере – 77,8 %; предоставление субсидий на возмещение затрат на приобретение основных средств – 57,4 %; предоставление субсидий для возмещения затрат субъектов молодежного предпринимательства, осуществляющим деятельность по приоритетным направлениям поддержки и развития молодежного предпринимательства, – 59,3 %; предоставление субсидий на возмещение процентной ставки по кредитам субъектов молодежного предпринимательства в кредитных организациях – 42,6 %; предоставление субсидий субъектам молодежного предпринимательства микрофинансовых услуг – 40,7 %; льготные режимы налогообложения – 64,8 %; льготная система налогообложения – 74,1 %; льготная аренда – 61,1 %; лизинг – 35,2 %; передача по результатам торгов на возмездной основе во владение и (или) пользование земельных участков, находящихся в собственности государства, – 40,7 %; компенсация банковской процентной ставки – 46,3 %; устранение административных барьеров – 57,4 %; информационная поддержка – 68,5 %; консультационная поддержка – 63,0 %; правовая поддержка – 66,7 %; поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров – 55,6 %; помощь в регистрации предприятия – 66,7 %.

По мнению респондентов, наиболее важной государственная поддержка является для тех, кто впервые открывает свое дело (83,3 %), выпускников вузов и колледжей (66,7 %), а также тех, кто реализует инновационные товары и услуги (61,1 %). Данные результатов опроса представлены в таблице 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Для каких категорий молодежи, по Вашему мнению, государственная поддержка предпринимательства является наиболее значимой?»

Варианты ответа	в % к числу опрошенных
Тех, кто впервые открывает свое дело	83,3
Тех, кто на протяжении 1-2 лет успешно ведет свой бизнес	24,1
Студентов вузов	55,6
Выпускников вузов и колледжей	66,7
Женщин	14,8
Тех, кто реализует инновационные товары, услуги	61,1
Лиц, задействованных в наиболее приоритетных и наукоемких отраслях	50,0

Таким образом, на основании результатов исследования можно сделать вывод о том, что при формировании комплексного подхода к решению проблем молодежного предпринимательства в Республике Башкортостан следует проводить увязку выявляемых в ходе мониторинга проблем, препятствующих генерации бизнеса представителями молодежи (включая инициативную часть студенчества), и факторов, способствующих открытию ими собственного бизнеса, со способами государственной поддержки бизнес-проектов в наиболее приоритетных сферах реализации будущих молодежных предпринимательских инициатив. Это будет способствовать как решению проблемы занятости и самозанятости среди молодых кадров – студентов и выпускников вузов и колледжей, так и активизации роли молодежной компоненты предпринимательства в улучшении инвестиционного климата регионов, создании необходимых социально-экономических условий для перехода экономики на инновационный путь развития.

Литература

1. Ахиярова Н.В. Молодежное предпринимательство – бизнес-потенциал социально-экономического развития Республики Башкортостан // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С 659–662.
2. Иноземцева А.В. Молодежь и малое предпринимательство: результаты социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С 34–37.
3. Петросян С.Г. Организационно-экономический механизм поддержки молодежного предпринимательства в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. 23 с.
4. Мурзина Ю.С. Молодежное предпринимательство – ресурс улучшения инвестиционного климата // Управление коммерческой деятельностью: проблемы и пути решения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2013. С. 192–197.
5. Шайхутдинова Г.Ф. Личностная компонента российского предпринимательства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. № 2. С. 123–127.

Моделирование взаимосвязи бухгалтерского и налогового учета с учетом интересов пользователей

Л.ВАНЧУХИНА

Суждение о том, что бухгалтерский учет должен приносить предприятию прибыль, многим экономистам представляется по-прежнему спорным. В то же время представители менеджмента экономического субъекта вынуждены осознать пользу бухгалтерской информации и ее содержания. Именно показатели официальной отчетности являются основой принятия решений различными группами пользователей бухгалтерской информации; реализация этих решений и приводит к росту доходов, развитию бизнеса, изменению финансовых результатов деятельности. По мнению М.Л. Пятого, «существует прямая связь между практически каждой бухгалтерской проводкой и решением пользователя отчетности об инвестировании предприятия» [3].

Информация, формируемая в системе бухгалтерского учета, признается наиболее полной и достоверной, так как в ней отражаются факты хозяйственной жизни, составленные на основе данных первичных документов и в строгом хронологическом порядке. Кроме того, данные бухгалтерского учета используются для определения налоговой базы большей части налогов. В то же время, согласно Налоговому кодексу Российской Федерации, налоговый учет – система обобщения информации для определения налогооблагаемой базы на основе данных, сгруппированных в соответствии с порядком, предусмотренным им и имеющим значительное отличие от бухгалтерского законодательства. Это приводит к усложнению учетного процесса, повышению затрат на его организацию и росту финансовых рисков во всех экономических субъектах.

Сближение правил налогового и бухгалтерского учета является одним из направлений, предусмотренных Дорожной картой проекта «Совершенствование налогового администрирования», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 10 февраля 2014 г. № 162-р, целями которого являются упрощение правил ведения бухгалтерского и налогового учета и повышение прозрачности правоприменения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Вопросы соотношения для бухгалтерского и налогового учета в этой связи признаются наиболее актуальными для управленческой практики. Если бухгалтерский и налоговый учет не зависят друг от друга, в системе бухгалтерского учета формируется информация, улучшающая финансовое состояние, а методы налогового учета позволят достичь определенной налоговой экономии, но при этом возникнут дополнительные затраты, связанные с функционированием учетных систем.

Исходя из анализа существующих классификаций пользователей бухгалтерской информацией, следует разделять пользователей на внешних и внутренних. Руководство и менеджмент являются внутренними пользователями. В то время как собственники, инвесторы или налоговые органы можно отнести к внешним пользователям. Среди внешних пользователей одним из основных является государство, фискальные интересы которого не совпадают с интересами внутренних пользователей и других внешних пользователей (собственников, инвесторов). Зачастую единственным источником информации о финансовом благополучии предприятия для этих лиц является финансовая отчетность компании, отражающая результаты учетного процесса, методология и организация которого определяется учетной политикой.

Ванчухина Любовь Ильинична, д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Бухгалтерский учет и аудит» Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: bua1996@yandex.ru

Учетная политика представляет собой совокупность способов ведения бухгалтерского учета – от первичного наблюдения и стоимостного измерения фактов хозяйственной жизни до итогового обобщения информации о них. Именно методы учета различных фактов хозяйственной жизни определяют характеристику финансового положения компании, составляемую по данным бухгалтерской отчетности. Оценка финансовой устойчивости, платежеспособности, коммерческой результативности деятельности организации зависит от методов оценки запасов, начисления амортизации, порядка списания определенных видов расходов, а учетная политика для целей налогообложения позволяет использовать различные разрешенные законодательством подходы к формированию доходов и расходов и других налогооблагаемых баз, минимизировать свои налоговые обязательства.

Выбор одного из нескольких вариантов конкретного элемента учетной политики зависит от многих внешних и внутренних факторов. Выделим среди внутренних факторов стратегию деятельности экономического субъекта, которая предопределяет содержание финансовой политики. Это или увеличение чистой прибыли для выплаты дивидендов в каждом отчетном периоде, или устойчивое функционирование и привлечение дополнительных финансовых ресурсов в целях развития экономического субъекта.

Эти две разнонаправленные цели требуют разных подходов к формированию отчетности. Предприятие должно будет стремиться либо к привлечению дополнительных инвестиций через «приукрашивание» показателей финансового благополучия компании, либо к снижению налогового бремени посредством выбора в учетной политике для целей налогообложения способов учета, снижающих налогооблагаемую базу. Для достижения указанных целей налоговое законодательство (глава 25 НК РФ) предусматривает самостоятельное ведение налогового учета, когда формируются и утверждаются два приказа об учетной политике. Приказ об учетной политике для целей бухгалтерского учета способствует и определяет раскрытие финансового положения организации финансовой отчетности, а приказ об учетной политике для целей налогообложения реализует цель, состоящую в исчислении налогооблагаемой прибыли. В этом случае одновременно достигаются цели привлечения инвестиций и оптимизации налогооблагаемых баз различных налогов. Однако организация учетного процесса с использованием двух различных методов оценки фактов хозяйственной жизни, группировки данных о них требует увеличения объема функций бухгалтерской службы и увеличения ее состава.

Как правило, рост накладных расходов непосредственно связан с дублированием учетных операций. Следовательно, возникает необходимость разработки единой корпоративной учетной системы, состоящей из процедур сбора, обработки и анализа учетно-аналитической информации. В настоящее время на практике сложилось три уровня сближения бухгалтерского и налогового учета, которые можно обозначить как максимальный, средний и минимальный. На рисунке 1 показаны основные характеристики уровней взаимодействия этих двух видов учета.

Организация самостоятельно принимает решения об уровнях взаимодействия бухгалтерского и налогового учетов, которые закрепляются в учетной политике по 11 положениям (способам) ведения учета, в которых могут реализоваться требования налогового законодательства.

В экономической литературе в последнее время содержатся многочисленные материалы о признании учетной политики эффективным инструментом системы управления как в текущем периоде, так и в среднесрочной перспективе. Так, А.И. Нечитайло рассматривает учетную политику как инструмент управления экономическим субъектом, представляющим собой нормативную основу как финансового, так и налогового планирования деятельности [2]. Т.Б. Лейберт признает учетную политику инструментом внутрифирменного регулирования с учетом выбранной стратегии развития [1].

Рис. 1. Взаимодействие бухгалтерского и налогового учета

Мы рассматриваем учетную политику как инструмент влияния на интересы пользователей учетной информации. Методические аспекты учетной политики охватывают способы группировки и оценки фактов хозяйственной жизни, а также способы погашения стоимости активов, обуславливают величину финансового результата деятельности, следовательно, величину налогооблагаемой прибыли. Таким образом, учетную политику можно признать реальной возможностью экономического субъекта в зависимости от своих целей и задач воздействовать на показатели финансового результата, который формируется по выбранным правилам ведения учета.

В ходе научно-исследовательской работы студенткой Э.Р. Гайзуллиной была проведена оценка реализации на практике сближения бухгалтерского и налогового учета по материалам экономической деятельности ПАО АНК «Башнефть». В результате оценки можно сделать следующий вывод: акционерное общество использует многовариантный подход к формированию учетных политик, основой которого является реализация разных уровней сближения бухгалтерского и налогового учета по отдельным положениям учетных политик: 8 положений – максимальное сближение, 2 положения – среднее и одно – минимальное.

По нашему мнению, формирование отдельных положений учетной политики должно базироваться на определении соответствующего уровня взаимодействия бухгалтерского и налогового учета. На рисунке 2 представлен алгоритм формирования положений учетной политики при выборе минимального уровня взаимодействия и рассматриваются 4 из 11 способов сближения по положениям, раскрывающим ведение учетного процесса с основными средствами.

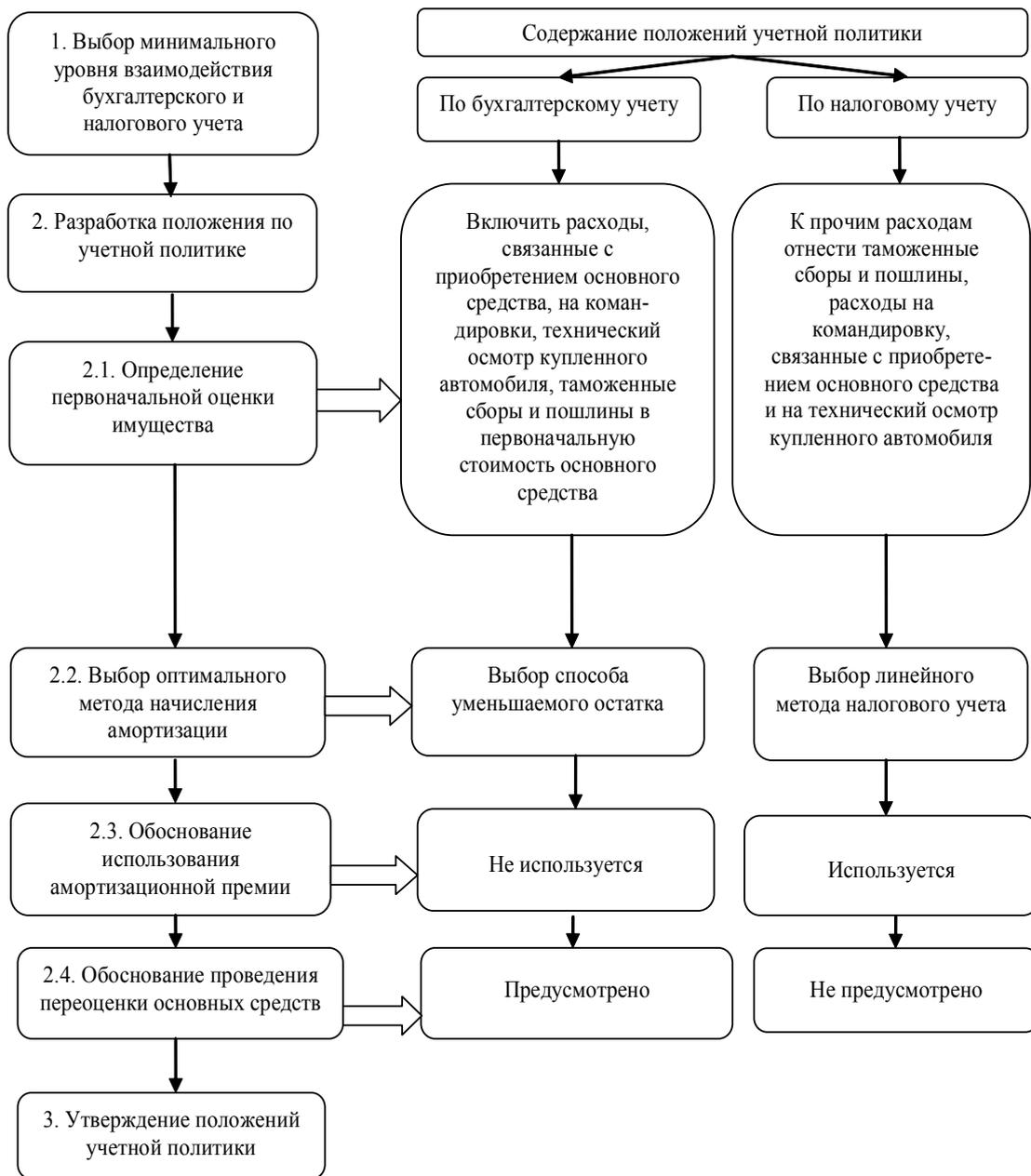

Рис. 2. Алгоритм формирования положения учетной политики при выборе минимального уровня взаимодействия

Первая процедура (шаг) алгоритма предопределяет содержание положений, включаемых в учетную политику, и определяет в последующем величину показателей финансовой отчетности, которые используются участниками хозяйственной деятельности для обоснования управленческих решений касающихся их интересов. В таблице 1 раскрывается содержание учетно-аналитического обеспечения финансовых интересов основных пользователей бухгалтерской отчетности.

Как видно из таблицы, данные отчетности используются для проведения определенного вида анализа, то есть расчета конкретных аналитических коэффициентов и показателей, значение которых и является основой выбора управленческого решения.

Учетно-аналитическое обеспечение основных интересов пользователей бухгалтерской (финансовой) отчетности

Группа пользователей	Интересы группы пользователей	Процедуры использования данных бухгалтерского учета
Собственники (акционеры, учредители)	Успешная деятельность организации, позволяющая своевременно и в полном объеме проводить выплату дивидендов.	Анализ стабильности организации, анализ доходности организации, анализ эффективности организации
Руководство (менеджеры разного уровня)	Достижения целей развития организации, эффективность финансово-хозяйственной деятельности, исключение хозяйственных и налоговых рисков, стабильная социальная политика: отсутствие сокращений и систематическое повышение заработной платы.	Анализ финансовой устойчивости, анализ платежеспособности (ликвидности), анализ деловой активности, анализ прибыльности (рентабельности), управление рисками
Инвесторы	Получение высоких доходов по проекту, минимизация инвестиционных рисков.	Анализ финансовой устойчивости, анализ платежеспособности и ликвидности, анализ деловой активности и прибыльности
Государство (налоговые органы)	Своевременность и полнота уплаты налогов и обязательных отчислений, высокий уровень социальной ответственности организаций.	Анализ показателей, влияющих на налогооблагаемую базу

Нами разработана матрица, которая раскрывает взаимосвязь способов учетной политики, позволяющих максимально сблизить бухгалтерский и налоговый учет. Для примера реализации подхода, в соответствии с которым реализуется учет интересов пользователя бухгалтерской отчетности при формировании учетной политики, в таблице 2 приводится извлечение из матрицы одного из четырех положений учетной политики по операциям с основными средствами.

Таблица 2

Матрица оценки влияния положений учетной политики на интересы пользователей бухгалтерской отчетности (извлечение)

Положение учетной политики	Рассчитываемые показатели	Характеристика влияния на информацию бухгалтерской отчетности	Характер управленческого решения пользователя	
			Пользователь	Управленческое решение
1. Установление одинаковых способов начисления амортизации основных средств	- фондоотдача; - рентабельность активов; - коэффициент общей платежеспособности.	Бухгалтерский баланс: Раздел I «Внеоборотные активы»; строка 1150 «основные средства», строка 1160 «Доходные вложения в материальные ценности»; строка 1180 «Отложенные налоговые активы». Раздел IV «Долгосрочные обязательства»; строка 1420 «Отложенные налоговые обязательства. Пояснения к бухгалтерскому балансу и отчету и финансовых результатах: раздел 2 «Основные средства».	Собственники (акционеры, учредители)	- о негативной оценке рентабельности активов; - о негативной оценке фондоотдачи; - о положительной оценке уровня общей платежеспособности.
			Руководство	Кроме решений, определенных для собственников: - об исключении бухгалтерских рисков; - о негативной оценке использования средств для уплаты налога на прибыль и налога на имущество.
			Инвестор	- о негативной оценке рентабельности активов; - о негативной оценке фондоотдачи; - о положительной оценке уровня общей платежеспособности.
			Налоговые органы	- о положительной оценке уровня налоговых обязательств по налогу на прибыль и налогу на имущество; - о высокой достоверности налоговых расчетов.

Положительной оценки заслуживает положение учетной политики, использование которого приводит к возможности пользователю принять решение в пользу организации (ее менеджмента), а негативная оценка требует изменения положения учетной политики для повышения (понижения) значения показателя, который интересен и важен для пользователя отчетности.

Положительная оценка со стороны собственников, кредиторов, инвесторов, банков такого положения учетной политики, как установление одинаковых способов начисления амортизации определяется тем, что величина активов, используемая для оценки общей платежеспособности, будет наибольшей, поскольку линейный способ начисления амортизации приводит к формированию наибольшей величины остаточной стоимости основных средств по балансу. Со стороны руководства положительная оценка основывается на достижении такого состояния, когда исключаются риски, связанные с внесением ошибочных данных в бухгалтерскую и налоговую отчетность. Однако это же положение учетной политики получает негативную оценку от собственников, руководства и инвесторов, так как высокая остаточная стоимость основных средств снижает уровень рентабельности активов и фондоотдачи, что свидетельствует о снижении уровня инвестиционной привлекательности предприятия. В то же время налоговые органы дают положительную оценку по факту высокой достоверности налоговых расчетов и уровня налога на имущества исчисляемого по остаточной стоимости.

Аналогичным образом определяется характер решения пользователей по другим способам сближения двух систем учета.

Матрица реализует основную цель учета – удовлетворение интересов групп пользователей. Но поскольку данные интересы не совпадают, то происходит выбор наиболее оптимального уровня сближения бухгалтерского и налогового учета. Ее можно признать практически инструментарием организации учетного процесса с помощью сближения двух систем учета в условиях действующего законодательства, использование которого позволит организациям выбрать наиболее приемлемый уровень взаимосвязи бухгалтерского и налогового учета, принимая во внимание степень удовлетворения интересов различных групп пользователей.

Сближение бухгалтерского и налогового учета отражает и такую перспективу развития современных экономических условий функционирования организаций, при которой инвесторы становятся основными пользователями бухгалтерской отчетности, то есть объектами, интересы которых обслуживает учетная система организации. Кроме того, в настоящее время фискальные интересы государства уступают свое место в шкале приоритетности интересам государства как инвесторам, поэтому разработки моделей сближения двух систем учета имеют перспективу реального внедрения в управленческую практику экономических субъектов.

Литература

1. Лейберт Т.Б., Нургалиева А.Р. Учетная политика как инструмент внутрифирменного регулирования деятельности предприятия // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 4. С. 52–61.
2. Нечитайло А.И. Теория бухгалтерского учета. СПб.: Питер, 2005. 304 с.
3. Пятов М.Л. Базовые принципы бухгалтерского учета. Серия «Теория для практиков». Вып. 1. М.: ООО «1С-Паблицинг», 2010. 226 с.

Моделирование параметров финансовой устойчивости территориального бюджета

Е.ФОМИНА,Ю.КОВАЛЬСКАЯ

Формирование параметров территориальных бюджетов в значительной степени зависит от экономического и бюджетно-налогового потенциала, эффективности системы государственного и муниципального управления, объема финансовых ресурсов, обеспечивающих выполнение возложенных на бюджеты функций и полномочий [1].

В условиях бюджетного федерализма в бюджетной системе Российской Федерации обязательным является сочетание высокой роли федерального бюджета, распространяющейся на всю бюджетную систему, включая территориальные бюджеты, и высокой степени самостоятельности этих территориальных бюджетов, которая должна соответствовать определенному пороговому значению параметров. Поэтому для достижения бюджетного равновесия и в целях повышения эффективности управления бюджетами необходимо уточнить методы формирования параметров бюджетов на основе реализации принципа самостоятельности бюджетов всех уровней. Оценка параметров финансовой устойчивости территориальных бюджетов должна базироваться на системе аналитических коэффициентов [2].

Анализ методологических подходов к оценке параметров финансовой устойчивости территориальных бюджетов позволил сформировать обобщенные аналитические коэффициенты, позволяющие оценить полноту, своевременность принятия и исполнения бюджетных обязательств, отклонения от кассового плана по расходам бюджета, качество управления средствами бюджета в части межбюджетных трансфертов и др. С целью получения прогнозных параметров финансовой устойчивости территориальных бюджетов на более длительный период воспользуемся экспоненциальным сглаживанием методом Хольта.

Статистические данные о доходах консолидированного бюджета Республики Башкортостан представим в виде тренда (рис. 1).

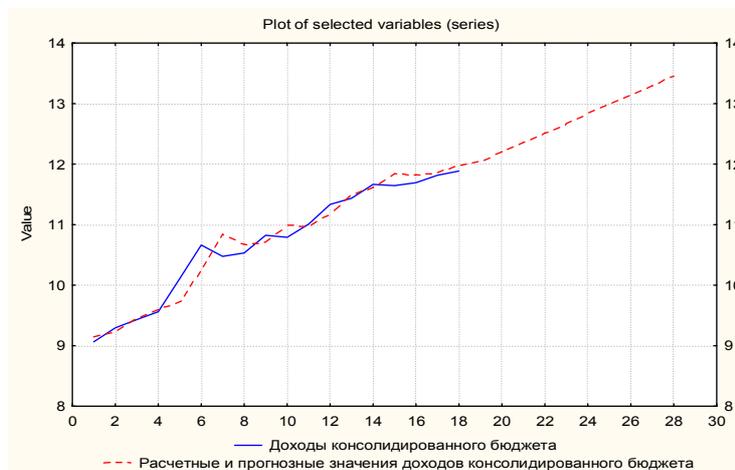

Рис. 1. Тренд исходного ряда и расчетных значений

Фомина Елена Александровна, канд. экон. наук, профессор, заведующая кафедрой финансов, бухгалтерского учета и анализа Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: kaffba@list.ru

Ковальская Юлия Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и анализа БАГСУ

Полученная модель имеет следующий вид:

$$\widehat{Y}_{t+\tau} = a_t + \tau * b_t \quad (1)$$

$$a_t = 0.95 * Y_t + (1 - 0.95)(a_{t-1} - b_{t-1}) \quad (2)$$

$$b_t = 0.05(a_t - a_{t-1}) + (1 - 0.05)b_{t-1} \quad (3)$$

где $\widehat{Y}_{t+\tau}$ – прогноз, сделанный на τ шагов вперед; a_t – коэффициент уровня ряда; b_t – коэффициент пропорциональности; 0,95 и 0,05 – постоянные параметры сглаживания.

В результате расчетов были сформированы параметры адаптивной модели (см. табл. 1).

Таблица 1

Параметры адаптивной модели

Parameter grid search (Smallest abs. errors are highlighted) (Spreadsheet1)								
Model: Linear trend, no season ; S0=8,981 T0=,1660								
LINC : =log(inc)								
Model Number	Alpha	Gamma	Mean Error	Mean Abs Error	Sums of Squares	Mean Squares	Mean % Error	Mean Abs % Error
691	0,950000	0,050000	-0,011394	0,144171	0,625354	0,034742	-0,089537	1,349546
645	0,940000	0,050000	-0,011464	0,144074	0,625378	0,034743	-0,090045	1,348464
599	0,930000	0,050000	-0,011535	0,143969	0,625447	0,034747	-0,090555	1,347310
553	0,920000	0,050000	-0,011607	0,143858	0,625560	0,034753	-0,091067	1,346086
507	0,910000	0,050000	-0,011680	0,143740	0,625719	0,034762	-0,091580	1,344795
461	0,900000	0,050000	-0,011753	0,143616	0,625926	0,034774	-0,092094	1,343438
415	0,890000	0,050000	-0,011827	0,143485	0,626183	0,034788	-0,092608	1,342016
369	0,880000	0,050000	-0,011901	0,143349	0,626490	0,034805	-0,093121	1,340532
323	0,870000	0,050000	-0,011976	0,143206	0,626850	0,034825	-0,093633	1,338987
277	0,860000	0,050000	-0,012051	0,143057	0,627263	0,034848	-0,094143	1,337382

После проверки адекватности построенной модели с помощью автокорреляционной функции и частной автокорреляционной функции было определено, что представленный ряд остатков является статистически незначимым, так как все лаги находятся в доверительном интервале и их показатели имеют низкие значения. Для фильтрации и автономного изучения каждого значения временного ряда воспользуемся компонентным анализом ряда.

Прогнозирование с помощью компонентного анализа мы будем проводить путем реализации следующих шагов: оценка и удаление тренда, оценка и удаление сезонной компоненты, моделирование стационарного случайного процесса, конструирование прогнозной модели, выполнение прогноза и оценка адекватности полученной модели исследуемому объекту или процессу.

Оценка тренда производилась с использованием параметрического метода (см. рис. 2).

Как видно из графика, тренд действительно имеет вид линейной регрессии и в достаточной степени отражает фактические реальные данные. Формирование уравнения тренда с помощью компонентного анализа позволило получить уравнение тренда следующего вида:

$$\widehat{Y}_{t+\tau} = 9,135 + 0,168 * \tau \quad (4)$$

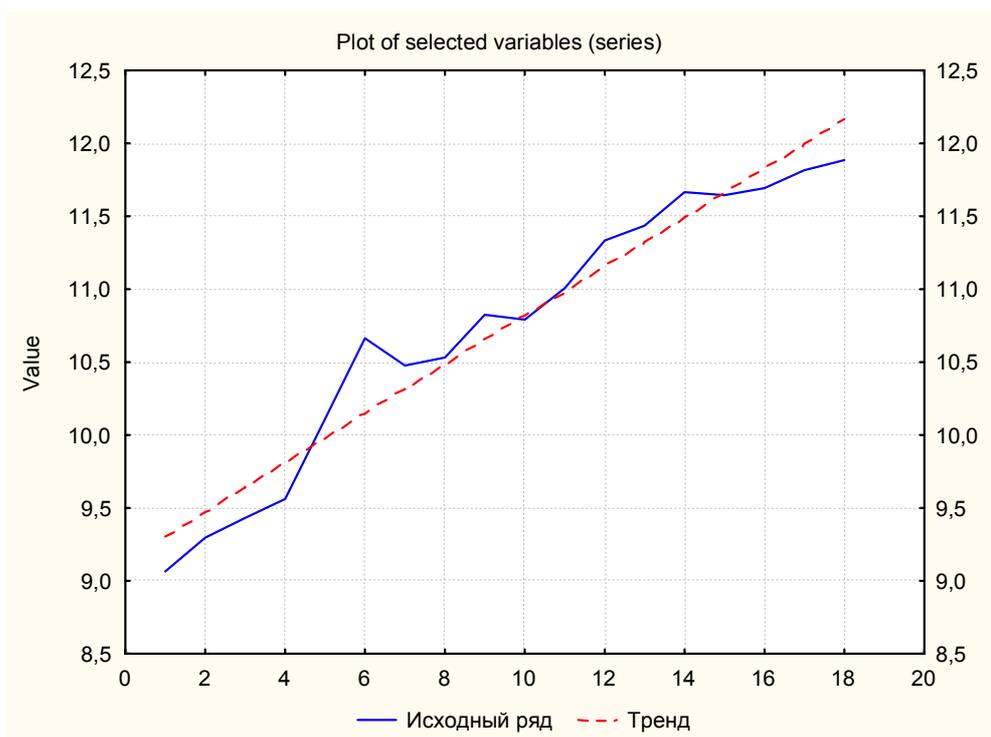

Рис. 2. Тренд компонентного анализа ряда

Высокие значения t-статистики свидетельствуют о значимости коэффициентов (рис. 3).

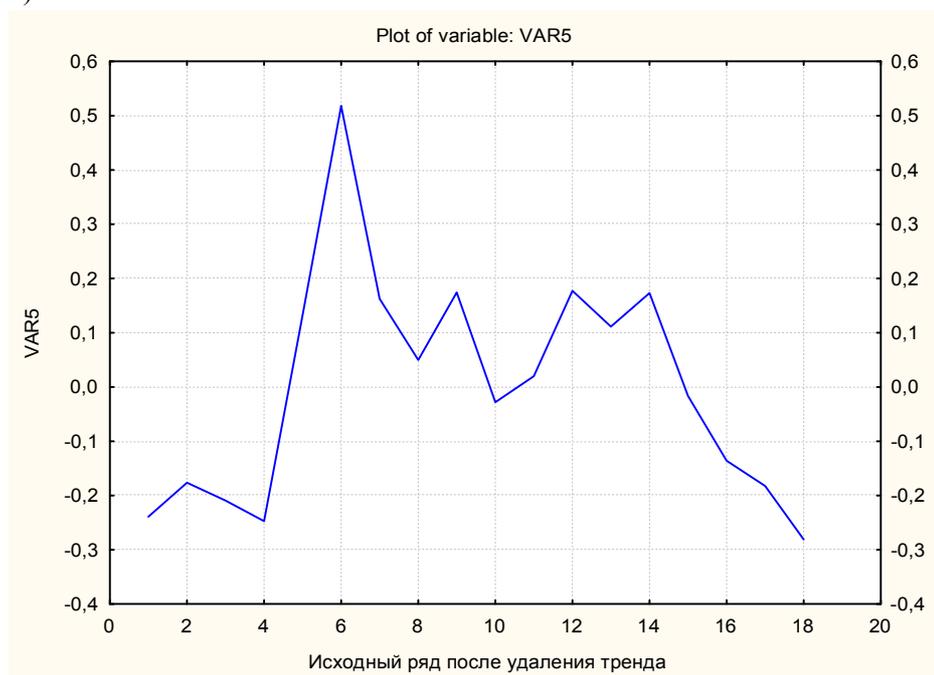

Рис. 3. Исходный ряд после удаления тренда

Данный ряд не содержит тренд и видимую сезонность. Автокорреляционная функция убывает с экспоненциальной скоростью, что свидетельствует о стационарности ряда, «очищенного» от тренда. Частная автокорреляционная функция имеет значимую частную корреляцию только для членов ряда, разделенных одним лагом. Такое поведение частной автокорреляционной функции и автокорреляционной функции соответствует модели авторегрессии первого порядка. Высокие значения t-статистики говорят о значимости коэффициента модели. Полученная модель имеет следующий вид:

$$\widehat{Y}_{t+\tau} = 0,57 * \tau. \quad (5)$$

Проверка адекватности построенной модели проведена с помощью частной автокорреляционной функции и автокорреляционной функции. Таким образом, подтверждается гипотеза, согласно которой модель разложения временного ряда логарифма показателей территориального бюджета на отдельные компоненты является адекватной, и в соответствии с ней можно осуществлять прогнозирование (рис. 4).

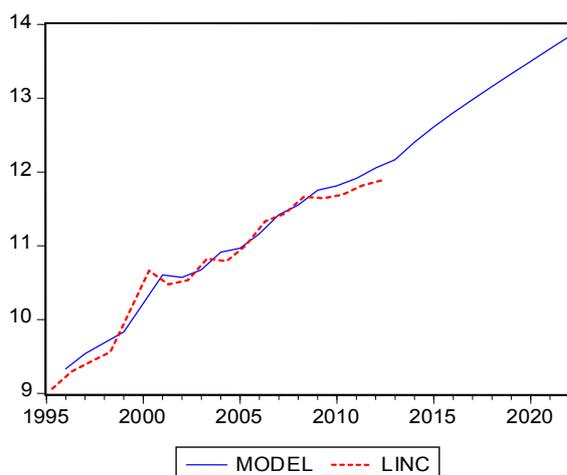

Рис. 4. Прогнозирование параметров консолидированного бюджета Республики Башкортостан с помощью компонентного анализа

Для выбора наиболее адекватной экономико-математической модели построим модель проинтегрированного скользящего среднего. Параметры модели проинтегрированного скользящего среднего представлены в таблице 2. Получено уравнение, имеющее следующий вид:

$$\Delta Y_t = -0.72 * \Delta \varepsilon_{t-1} + \varepsilon_t. \quad (6)$$

Таблица 2

Параметры модели проинтегрированного скользящего среднего

Input: LINC :=log(inc) (Модель 2)						
Transformations: D(1)						
Model:(0,1,1) MS Residual=,04864						
Paramet.	Param.	Asympt. Std.Err.	Asympt. t(16)	p	Lower 95% Conf	Upper 95% Conf
q(1)	-0,718008	0,175699	-4,08658	0,000860	-1,09047	-0,345543

Высокие значения t-статистики свидетельствуют о значимости параметров модели. Оценив адекватность построенной модели, представим прогнозные значения территориального бюджета (табл. 3).

Сравнительная таблица прогнозных значений доходов консолидированного бюджета РБ по трем моделям, млн руб.

Годы	Прогнозные значения		
	Компонентный анализ	Адаптивная модель	Модель скользящего среднего
2016	183605,2	172406,8	153148,1
2017	195400,8	181462,9	158508,3
2018	203742,0	186305,0	164012,0

Сравнение прогнозных параметров доходов, рассмотренных разными методами, демонстрирует кардинальное изменение характера направленности параметров территориального бюджета. Существенные расхождения свидетельствуют о скрытых факторах риска и неопределенности, присущих различным сценариям экономического развития изучаемой территории.

Литература

1. Фомина Е.А., Ковальская Ю.В. Риск-анализ территориальных бюджетов: монография. Уфа. БАГСУ, 2014. 231 с.
2. Фомина Е.А., Ковальская Ю.В. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 5. С. 102–105.

К вопросу о понятии и видах публичных доходов

Н. ВАСИЛЬЕВА

Современное состояние финансовой деятельности государства, ее усложнение, в том числе за счет появления новых для финансовой системы Российской Федерации публичных денежных фондов, делают невозможным использование существующих финансово-правовых категорий и понятий и требуют формирования новых правовых категорий. Одной из таких категорий является категория «публичные доходы». Необходимость появления такой категории связана с тем, что рассмотрение с публичных позиций не только традиционных публичных денежных фондов (бюджетов, входящих в бюджетную систему Российской Федерации, фондов государственных учреждений и унитарных предприятий), но и иных фондов денежных средств, отвечающих признакам публичности, требует научного осмысления и выработки для них единого категориального аппарата, применимого ко всем подобным фондам без исключения.

Используемый до настоящего времени термин «государственные доходы» неприменим к доходам иных фондов денежных средств, отвечающих признакам публичности, поскольку государственными в полном смысле этого слова можно признать доходы, принадлежащие государству, то есть те доходы, собственником которых является государство или полномочия по распоряжению которыми принадлежат государству, тогда как в силу гражданско-правовых конструкций и фонды государственных корпораций и компаний, и фонды негосударственных пенсионных фондов не находятся в государственной собственности, при этом государство не наделено полномо-

---

Васильева Наталья Викторовна, канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и финансового права Байкальского университета экономики и права (г. Иркутск).
E-mail: nativi@yandex.ru

чиями распоряжаться ими. И негосударственные пенсионные фонды, и государственные корпорации обладают обособленным имуществом в соответствии с правом собственности, то есть являются частными субъектами и действуют не в частных интересах собственника, а в общих, групповых, коллективных интересах (пенсионное обеспечение, защита вкладов, создание необходимой высокотехнологичной продукции и т. п.).

Поскольку данные фонды используются для удовлетворения не частных потребностей отдельных лиц, а для удовлетворения коллективных потребностей, публичного интереса, рассмотрение их с финансово-правовых позиций как частных фондов не вполне оправданно. Возможность «осуществления некоторых прерогатив публичной власти» частными или наполовину частными организациями отмечал П.М. Годме, указывая, что в этих случаях денежные средства, используемые такими организациями в процессе осуществления функций публичной власти, не являются частными денежными средствами: «они используются в процессе осуществления государственной власти и в данном случае не подчиняются законам рыночной экономики, характеризующей частные финансы» [3, 55].

Все чаще в научной литературе [7, 261–266] подобные фонды исследуются с публично-правовых позиций, что, на наш взгляд, вполне вписывается в предмет финансового права как отрасли права. Так, М.В. Карасевой государственные корпорации рассматриваются как средство решения публичных задач, определенных государством и его финансовым участием, поскольку, несмотря на то, что они являются организациями с правом собственности на закрепленное за ними имущество, все корпорации вправе заниматься предпринимательской деятельностью только для публичных целей, ради которых созданы, и с направлением доходов от такой деятельности на эти цели [5, 49].

В этой связи совершенно справедливыми представляются выводы о том, что к публичным финансам могут быть отнесены публичные финансы государства, публичные финансы субъектов Федерации, публичные финансы местного самоуправления и публичные финансы общественного назначения (публичные фонды денежных средств, за счет которых удовлетворяются общественные интересы) [6, 242–243; 11, 44], поскольку если отношения, возникающие по поводу образования, распределения и использования фондов денежных средств, отвечают всем признакам публичности, то эти отношения и соответствующие фонды средств являются публичными [11, 38].

Отнесение к публичным денежным фондам фондов, входящих в бюджетную систему Российской Федерации, и иных фондов (денежных фондов государственных унитарных предприятий, государственных учреждений, государственных корпораций, компаний и др., отвечающих всем признакам публичности), используемых для достижения публичного интереса, определяет и то, что аккумулируемые в данные фонды доходы являются публичными доходами.

С нашей точки зрения, публичные доходы можно рассматривать с материальной и экономической позиций. По нашему мнению, с материальной точки зрения публичные доходы представляют собой дефицитные денежные средства, поступающие безвозмездно и безвозвратно в процессе распределения и перераспределения национального дохода в публичные денежные фонды для использования в целях удовлетворения публичного интереса. С экономической точки зрения публичные доходы представляют собой экономические отношения, возникающие в процессе распределения (перераспределения) национального дохода и формирования публичных фондов денежных средств.

Что касается взаимосвязи публичных доходов и государственных доходов, то, по нашему мнению, данные категории необходимо соотносить как целое и часть, то есть государственные доходы как доходы, поступающие в распоряжение государства, являются разновидностью публичных доходов как более емкой категории, поскольку ими признаются все доходы, включая государственные, поступающие в публичные денежные фонды и используемые им для удовлетворения публичного интереса.

Появление новой категории «публичные доходы» требует четкого установления круга входящих в нее элементов. Многообразие публичных денежных фондов, разнообразие поступающих в них доходов предопределяет необходимость классификации публичных доходов, которую можно проводить по различным основаниям.

Рассмотрим подробнее содержание классификации публичных доходов в зависимости от порядка их аккумулирования, поскольку она позволит не только систематизировать публичные доходы, но и более четко провести грань между публичными и государственными доходами, так как данная классификация традиционно [9, 152; 10, 364–365] является основной и для государственных доходов.

По данному основанию публичные доходы, как и государственные доходы, подразделяются на централизованные (бюджетные) доходы и децентрализованные доходы.

Централизованные публичные доходы (бюджетные доходы) представляют собой доходы, централизуемые в бюджеты бюджетной системы РФ (федеральный бюджет, региональные, местные бюджеты и бюджеты государственных внебюджетных фондов). Данные доходы отличаются, прежде всего, тем, что они поступают в собственность соответствующего публично-правового образования. Согласно положениям ст. 214, 215 ГК РФ [4], бюджетные средства являются собственностью соответственно Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований. При этом в отношении централизованных доходов право государственной (муниципальной) собственности никоим образом не ограничено. Соответствующие органы публичной власти, наделенные полномочиями в бюджетной сфере, от имени соответствующего публично-правового образования осуществляют без каких-либо ограничений все правомочия собственника (владение, пользование и распоряжение) в отношении бюджетных доходов.

Проводя разграничение публичных доходов и государственных доходов, необходимо отметить, что в части централизованных доходов состав публичных доходов и государственных доходов полностью совпадает.

К децентрализованным публичным доходам необходимо отнести доходы, зачисляемые в иные публичные денежные фонды, не входящие в состав бюджетной системы Российской Федерации. Таким образом, в представленной нами классификации проявляется принцип дихотомии – публичные доходы подразделяются на бюджетные и небюджетные.

Признавая в качестве публичных денежных фондов все фонды, целью аккумулирования которых является осуществление публичных функций для удовлетворения публичного интереса, к децентрализованным доходам в настоящее время необходимо отнести доходы бюджетных и автономных учреждений, доходы государственных (муниципальных) унитарных предприятий, доходы государственных корпораций и компаний, доходы негосударственных пенсионных фондов, доходы, поступающие во все иные фонды денежных средств, аккумулируемые в публичных целях, то есть перечень децентрализованных публичных доходов необходимо признать открытым.

Проводя сравнение децентрализованных публичных доходов с децентрализованными государственными доходами, необходимо отметить, что состав первых значительно шире. К числу децентрализованных государственных доходов большинством ученых [9, 152; 10, 364–365] относятся доходы государственных (муниципальных) учреждений и унитарных предприятий. И даже при рассмотрении таковых в более широком контексте к ним относятся только доходы организаций, создаваемых и функционирующих в соответствии с правом государственной (муниципальной) собственности. Например, С.Я. Боженок к децентрализованным государственным доходам относит не только традиционно выделяемые доходы государственных (муниципальных) унитарных предприятий и учреждений, но и «иных организаций, функционирующих на праве государственной собственности или на праве иной (“смешанной”) собственности, если государство имеет определенную долю в уставном капитале соответствующей организации» [1, 53–54].

С гражданско-правовых позиций права собственности децентрализованные доходы являются более многообразными, к ним относятся не только доходы, поступающие в публичные фонды, находящиеся в государственной (муниципальной) собственности (доходы государственных (муниципальных) учреждений и унитарных предприятий), но и доходы публичных фондов денежных средств, находящихся в частной собственности (в частности, доходы негосударственных пенсионных фондов, доходы государственных

корпораций и компаний). Получается, что по признаку собственности децентрализованные публичные доходы, в свою очередь, можно подразделить на государственные (муниципальные) и частные. Соответственно, государственные (муниципальные) доходы поступают в государственную и муниципальную собственность, в их число входят доходы бюджетных и автономных учреждений, доходы государственных (муниципальных) унитарных предприятий. Частные доходы поступают в частную собственность различных юридических лиц. К ним относятся доходы государственных корпораций и компаний, доходы негосударственных пенсионных фондов.

При этом необходимо понимать, что даже при поступлении децентрализованных публичных доходов в государственную собственность правомочия государства как собственника в отношении данных доходов существенным образом ограничены наделением юридических лиц правом хозяйственного ведения или оперативного управления на закрепленное за ними имущество.

Кроме того, несмотря на использование конструкции частной собственности, децентрализованные публичные доходы используются не в интересах собственника, а в различных публичных интересах (пенсионное обеспечение и пр.). Так, целями деятельности негосударственных пенсионных фондов являются негосударственное пенсионное обеспечение, осуществление выплат негосударственных пенсий участникам. Фонд обязательного страхования вкладов создан в целях защиты вкладчиков банков, а также укрепления доверия к банковской системе Российской Федерации. Целью деятельности государственной корпорации «Ростех» является содействие разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции. Внешэкономбанк действует в целях обеспечения повышения конкурентоспособности экономики Российской Федерации.

В этой связи необходимо отметить, что признак собственности традиционно выделяется как основополагающий для разделения публичного и частного. Так, А.А. Нечай выделяет его в качестве первого признака публичности [6, 121–122]. Э.Д. Соколова указывает, что при определении публичных финансов необходимо учитывать главным образом форму собственности на те денежные средства, которые поступают в распоряжение того или иного субъекта [8, 35].

Однако, на наш взгляд, вид собственности как критерий разделения между публичным и частным является довольно спорным, поскольку такая «привязка» препятствует исследованию проблем публичности. В настоящее время в научной литературе все чаще можно обнаружить суждения о необходимости отхода от критерия права собственности в публично-правовых исследованиях.

По нашему мнению, основной проблемой в данном вопросе является то, что в финансово-правовых исследованиях, как правило, опираются на цивилистическую концепцию права публичной собственности как государственной и муниципальной. В литературе указывается, что публичная собственность охватывает государственную и муниципальную, имеющих ряд общих черт, среди которых отмечают источники образования и воспроизводства, методы управления, конечные цели использования и пр., что дает основания рассматривать их в рамках единой формы собственности [2, 34]. Однако, даже рассматривая публичную собственность как государственную и муниципальную, А.В. Винницкий указывает, что в настоящее время в российской науке доминирует субъективный подход, имеет место определение публичной собственности по субъектному составу, а не функциональному критерию – публичному назначению имущества [2, 40]. Данный подход автоматически всех иных лиц, за исключением Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, причисляет к частным собственникам. Это приводит к многочисленным проблемам при правоприменении. В частности, в связи с преобладающим мнением о том, что государству и муниципальным образованиям может принадлежать только то имущество, которое используется в публичных целях, возникает вопрос о невозможности нахождения в их собственности иного имущества, которое, например, временно не используется в публичных целях. Кроме того, осложняется контроль за целевым использованием внебюджетных

средств государственными юридическими лицами, поскольку, хотя они и используют государственное имущество, однако в гражданском обороте выступают от своего имени и могут быть наделены правом собственности на закрепляемое за ними имущество. Вместе с тем и государственные унитарные предприятия, и государственные учреждения, и государственные корпорации и компании используют свое имущество в публичных целях, осуществляют в той или иной степени публичные функции (социальные, культурные, экономические и пр.), их деятельность регламентируется императивными нормами, то есть их денежные фонды отвечают всем признакам публичности.

А.В. Винницкий подчеркивает, что частное право не способно само по себе закрепить адекватный правовой режим государственного и муниципального имущества, обеспечить достижение публичного интереса при осуществлении прав на него и предложить юридический инструментарий для разрешения наиболее важных на сегодня задач в сфере отношений публичной собственности [2, 502].

Применение же категории «публичные доходы» позволит выстроить четкую концепцию правового регулирования всех общественных отношений, возникающих в процессе формирования всех публичных фондов денежных средств, используемых для удовлетворения публичного интереса, которая позволит, распространяя на данные отношения императивный метод правового регулирования, не допустить излишнего злоупотребления со стороны частных субъектов, а также усилить контроль за поступлением и целевым расходованием денежных средств публичных денежных фондов.

В заключение отметим, что публичными доходами следует признать дефицитные денежные средства, поступающие безвозмездно и безвозвратно в процессе распределения и перераспределения национального дохода в публичные денежные фонды для использования в целях удовлетворения публичного интереса. Их разделение на централизованные и децентрализованные, отражая многообразие защищаемых правом публичных интересов, позволяет очертить границы правового регулирования финансового права.

Литература

1. Боженок С.Я. Источники государственных доходов. М.: НУОАОУ, 2013. 232 с.
2. Винницкий А.В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 732 с.
3. Годме П.М. Финансовое право / Пер. и вступ. ст. Р.О. Халфиной. М.: Прогресс, 1978. 428 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Карасева М.В. Предмет финансового права: новые подходы // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): материалы междунар. науч.-практ. конф., тезисы докладов по кафедре финансового права и бухгалтерского учета. М.: Изд-во «Элит», 2009. С. 46–50.
6. Нечай А.А. Правові проблеми регулювання публічних видатків у державі: дис. ... д-ра юрид. наук. Київ, 2005. 579 с.
7. Рыбакова С.В. К дискуссии о понятии «финансовое право» // Финансовое право: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Н.И. Химичевой). Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2014. С. 261–266.
8. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М.: Юриспруденция, 2009. 264 с.
9. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 528 с.
10. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. 752 с.
11. Черноверхский А.М. Финансово-правовое регулирование публичных расходов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 222 с.

Послевоенные платежи Германии Советскому Союзу

Р.ГАРИПОВ

В истории человечества существовали различные формы материальной ответственности, налагаемые на побежденного противника.

1. *Захват военных трофеев*, который и в настоящее время международным правом признается законным на поле боя и при капитуляции. При отсутствии данных условий это будет считаться мародерством, незаконным ограблением побежденной стороны.

2. *Контрибуция*, которая выплачивалась по усмотрению победителя, независимо от понесенного им ущерба и от того, справедливую или несправедливую войну он вел. В сущности, это был «грабеж» оккупированной страны, дань победителю. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. пыталась ограничить их взимание. После подписания Версальского мирного договора в 1919 г. страны Антанты формально отказались от взимания контрибуции, заменив ее репарациями.

3. *Репарации* – материальное возмещение одним государством ущерба, причиненного в результате совершенного им международного правонарушения другому государству.

4. *Реституция* – возвращение одним государством незаконно захваченного в ходе войны и вывезенного с территории другого государства имущества. В случае его уничтожения или повреждения предполагается субституция, то есть замена данного имущества равноценным.

Определение суммы репараций. Советское правительство в ходе переговоров 1942–1944 гг. с союзниками настаивало на справедливом возмещении ущерба, нанесенного Германией Советскому Союзу. Союзники были не заинтересованы в получении репараций. Но все же СССР сумел добиться признания ими основных принципов возмещения материального ущерба: репарации должны быть посильными для Германии; они должны взиматься в натуральном, а не денежном виде. Это было выгодно именно для разоренной войной СССР. Ведь полученные от Германии средства были бы направлены не столько на восстановление нашей экономики, сколько на уплату союзникам полученных займов и кредитов. Предполагались демонтаж и вывоз в СССР промышленного оборудования и материалов, произведенной в Германии готовой продукции, а также «использование германского труда». Кроме того, в соответствии с принципами возмещения материального ущерба последнее должно быть лишь частичным, а не в полном объеме (по требованию союзников).

Размер нанесенного нам ущерба оценивала Чрезвычайная государственная комиссия СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Только прямой ущерб (то есть потеря от прямого уничтожения имущества) составил 679 млрд руб. в ценах 1941 г. (или 128 млрд дол.). А весь материальный ущерб, нанесенный Советскому Союзу, составил 2569 млрд руб. (около 485 млрд дол. по курсу, действовавшему в то время) [3, 161–162]. Страна потеряла в целом одну треть своего национального богатства, а Белоруссия – более половины.

Однако на Ялтинской конференции было решено получить от Германии репарации всего на сумму 20 млрд дол., в том числе лишь 10 млрд дол. предназначалась для СССР и Польши. Претензии Польши должен был возместить Советский Союз из своей доли

Гарипов Рустэм Фаритович, канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан.
E-mail: gar.rustem@mail.ru

полученных репараций. Правда, эта сумма не была названа окончательной, а только предварительной базой для дальнейшего обсуждения [5, 106–107]. Однако на Потсдамской конференции данная цифра уже больше не пересматривалась. В целом это составляло около 10 % бюджета США в 1944–1945 гг.

Сумма репарационных возмещений была ничтожно мала по сравнению с нанесенным ущербом (в 48,5 раз!). Стоимость одного лишь Новокраматорского завода тяжелого машиностроения, уничтоженного во время войны, достигала нескольких сотен миллионов долларов. Правда, П.Н. Кнышевский считает, что советская сторона резко завысила сумму ущерба, к тому же включала в нее и разрушения, причиненные самими советскими войсками во время отступления [4, 4–5]. Действительно, точно измерить материальные потери было очень сложно. Ведь даже людские потери были тогда оценены «на глазок», очень приблизительно.

Взимание данной суммы рекомендовал Сталину председатель Репарационной комиссии посол И.М. Майский. Современные историки и экономисты до сих пор не могут выяснить, какие расчеты легли в основу формирования этой суммы. А Сталин, видимо, понимая, что этот вопрос станет серьезным камнем преткновения в дальнейших переговорах, решил действовать по принципу «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» и снизить (причем очень существенно) претензии к СССР [6, 147].

Видя эти уступки советской стороны, западные союзники, в свою очередь, пошли на уступки в других вопросах. В Потсдаме было принято решение о том, что в течение 2 лет в счет репараций без оплаты или возмещения СССР должен получить из западных зон 10 % капитального оборудования, которое не было необходимым для германской мирной экономики. К тому же руководители США, Великобритании и Франции решили дополнительно обменять 15 % пригодного к использованию и комплектного оборудования из своих зон оккупации на эквивалентную стоимость продовольствия, угля, цинка, поташа, древесины и нефтепродуктов из советской зоны оккупации. В свою очередь, советское правительство отказалось от претензий на акции германских предприятий в западных зонах и на заграничные активы, а также на золото, захваченное англо-американскими войсками в Германии [10, 222–223].

Практическими вопросами взимания репараций и реституций, а также другими проблемами организации экономической жизни в советской зоне занимались Особый комитет Государственного Комитета Оборона СССР (ГКО) во главе с Г.М. Маленковым, аппарат особого уполномоченного ГКО, первого заместителя председателя Госплана СССР М.З. Сабурова, а также Управление репараций Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Однако взаимодействие между этими органами было налажено слабо.

Промышленные репарации Германии для СССР. Советское руководство еще во время войны определило, что германские репарации будут производиться в основном в виде демонтажа оборудования важных предприятий, а также изъятий из текущей продукции в пользу СССР. Главный интерес для нас представлял самый большой в мире станочный парк Германии (в 1944 г. – 2,1 млн единиц).

Было решено, в первую очередь, срочно начать демонтаж предприятий из западной части Берлина, которая вскоре должна была отойти под контроль США и Великобритании. Основные работы по демонтажу в советской зоне были завершены в течение 3 лет, к середине 1948 г. На 3474 промышленных объектах Германии было демонтировано и вывезено в СССР 1118 тыс. единиц оборудования (кузнечные прессы, молоты, электромоторы, турбины, генераторы и т.д.). Одних металлорежущих станков среди них насчитывалось 339 тыс. штук [9, 124].

Конечно, большая часть немцев в советской зоне были недовольны политикой демонтажа и репараций. С этим приходилось считаться все больше при строительстве будущей ГДР.

К сожалению, лишь небольшая часть германских репараций послужила развитию советской экономики. По признаниям самих советских представителей, в целостности и сохранности была доставлена и установлена на месте примерно 1/4 часть вывезенного оборудования, а остальное (около 3/4 поставок) было повреждено, разворовано в пути, разукомплектовано.

Претензии СССР распространялись не только на промышленное оборудование, но и на продукцию сельского и лесного хозяйства, особенно семена ценных и дефицитных культур. Так, в СССР было отправлено 554 тыс. лошадей, 541 тыс. голов крупного рогатого скота, 240 тыс. овец, 6 тыс. свиней [4, 37].

Кроме вывоза материальных ценностей, другим важным направлением советской репарационной политики стали поставки в СССР из текущего производства предприятий восточной зоны. До 1947 г. это были в основном товары народного потребления, а затем – продукция машиностроения, электротехнической, химической, горнодобывающей промышленности. Крупные предприятия этих отраслей входили в Советские акционерные общества (САО) и Советские торговые общества (СТО). Всего было создано 13 САО, в которых числилось около 200 предприятий. На них работало около 300 тыс. чел.

Эта форма возмещения ущерба в виде вывоза произведенной продукции к тому же помогала обеспечить занятость германских рабочих и вызывала у них меньше протестов по сравнению с полным вывозом оборудования. В целом репарационные изъятия составляли в 1947 г. 25 %, в 1949 г. – 20 % всего материального производства советской зоны [9, 128].

Особое место среди САО занимало САО «Висмут», которое добывало урановую руду в Рудных горах в Саксонии. Был установлен особо строгий режим секретности. Вся добытая руда шла на переработку в СССР. До 1990 г. предприятие добыло 220 тыс. тонн руды.

В декабре 1953 г. САО были преобразованы в народные предприятия и переданы в собственность ГДР. Они стали основой государственного сектора в промышленности ГДР.

Германские репарации для западных стран. Западные союзники заняли в вопросе репараций для СССР сначала двойственную, а вскоре и откровенно враждебную позицию. Если в 1945 г. американские оккупационные власти поддерживали претензии СССР на часть репараций из западных зон, то с мая 1946 г. они стали категорически возражать против них. Был выбран следующий предлог: пока Германия не станет единым экономическим целым с ликвидацией оккупационных зон и созданием центрального германского правительства, взимание репараций нужно приостановить.

В западных зонах к демонтажу было намечено более 2 тыс. промышленных предприятий. Причем многие промышленные «гиганты» совершенно не попадали под изъятия (например, химический концерн «ИГ Фарбениндустри»). В течение 1945–1946 гг. в пользу СССР и Польши было передано из западных зон 30 заводов общей стоимостью 39 млн немецких марок. План репарационных поставок был выполнен из американской зоны на 20 %, а из английской зоны – всего на 4,5 %. Затем начался открытый саботаж западных держав. Они постоянно стали срывать график поставок, поставляли устаревшее, ненужное или некомплектное оборудование.

Естественным продолжением такой политики прозвучало заявление в августе 1946 г. заместителя командующего американскими войсками в Германии генерала Л. Клея о полном прекращении репарационных поставок Советскому Союзу и Польше из западных зон оккупации [9, 131–132]. Фактически это означало нарушение ряда решений Потсдамской конференции.

При этом западные лидеры хорошо понимали, что основной груз репараций ляжет на Восточную Германию, что затруднит ее восстановление и вызовет недовольство ее населения. Позже Вилли Брандт, один из будущих канцлеров ФРГ, отмечал: «Создавалось

впечатление, будто жители Восточной Германии проиграли войну в большей степени, чем Западной. ФРГ было легче» [1, 162].

При этом сами западные державы не отказывались от репараций из своих зон, выбрав для этого другие их формы. Они не вывозили оборудование и товары из текущего производства. Но они захватили большую часть торгового флота, заграничные авуары Германии на сумму около 10 млрд марок (это примерно 70 % германских активов за границей), 220 тонн золота и еще 50 тонн германского золота из швейцарских банков. Стоимость научно-технических патентов немецких ученых и захваченного золота оценивалась приблизительно в 5 млрд дол. К осени 1946 г. в США было вывезено около 250 немецких ученых и конструкторов, занимавшихся военными разработками, в том числе будущий создатель космической программы США Вернер фон Браун. Ценность этих разработок вообще трудно было измерить. По словам самих американских военных, один только физик-атомщик В. Гейзенберг был «ценнее» 10 немецких дивизий [10, 143].

В советской печати еще в марте 1947 г. вполне обоснованно утверждалось, что США и Великобритания, гораздо меньше пострадавшие от войны, уже получили репараций в разных формах на сумму свыше 10 млрд дол., больше, чем СССР. Особенно выиграли США.

Научно-технические репарации Германии. К сожалению, советские специалисты только в 1946 г. (с опозданием на целый год!) начали изучение научно-технических достижений Германии. Они получили более 3 тыс. научно-технических работ, опытных образцов двигателей, приборов, электромашин и т.п. А американцы еще в 1945 г. захватили более 200 тыс. важнейших научно-технических документов, запасы урана и тяжелой воды.

Советские власти стали использовать знания и опыт наиболее квалифицированных немецких специалистов в области ядерной физики, ракетной техники, химии, электроники. Около 200 тыс. немецких рабочих и специалистов вместе с семьями были вывезены в СССР на временную работу по контракту или под моральным давлением. Они работали с советскими специалистами, жили в хороших условиях, но находились под наблюдением. Немецкие физики-ядерщики не принимали непосредственного участия в создании советской ядерной бомбы. Они занимались в основном не разработкой теоретических проблем, а экспериментальными испытаниями. По их словам, русские и сами смогли бы без них создать эту бомбу, но только несколько позднее.

Немцы-ученые стали возвращаться на родину начиная с 1950 г. Этот процесс растянулся до 1958 г. При этом 2/3 специалистов остались в ГДР.

Своеобразной формой возмещения нанесенного ущерба было также массовое использование в СССР труда немецких военнопленных. Вместе с депортированными немцами в советской промышленности в начале 1950-х гг. их было занято до 2,1 млн чел. [4, 139–140].

Население советской зоны оккупации (как и западных зон) должно было за свой счет содержать оккупационные войска. Так, в мае 1945 г. в восточной зоне находилось около 2,5 млн советских солдат и офицеров. К концу 1950 г. расходы немцев на эти цели составили 9 млрд марок [4, 27].

В целом же, по подсчетам западных специалистов, общая сумма экономических изъятий из советской зоны в пользу СССР в виде демонтажа оборудования, поставок готовой продукции, трофеев и прибылей САО и СТО составила 66,4 млрд марок (в новых ценах), а из западных зон в пользу СССР – 22,4 млрд марок.

Трофейные изъятия. По решению советской Межведомственной комиссии по определению стоимости репарационных изъятий из Германии, официально до 2 августа

1945 г. Советский Союз получал из Германии военные трофеи. В стоимость репараций они не входили. После 2 августа 1945 г. взымались уже репарации. Правда, захват трофеев неофициально продолжался еще дольше.

Трофеи, а также разбитую боевую технику, вооружение, боеприпасы, металлолом собирали трофейные войска в составе Штаба тыла Красной Армии. Затем они стали заниматься демонтажными и погрузочными работами. Общая численность этих войск составляла в 1945 г. 34 тыс. чел. (практически целая армия). Правда, служба в этих войсках также была тяжелой и опасной. При сборе и обезвреживании боеприпасов солдаты трофейных частей вместе с саперами часто подрывались и погибали. Во главе их стоял генерал-лейтенант Ф. Вахитов. Он подчинялся Трофейному комитету ГКО во главе с маршалом К. Ворошиловым.

Только за 1945 г. трофейные войска отправили в СССР 242 тыс. вагонов. Кроме промышленного оборудования, боевой техники и вооружений, было отгружено и трофейное имущество – стройматериалы, предметы мебели (например, более 60 тыс. роялей и пианино), вещевое имущество (в том числе 588 вагонов посуды, более 3 млн пар обуви, более 1,2 млн пальто, более 2,5 млн платьев, более 1 млн головных уборов) [4, 20].

Общая стоимость трофейного оборудования составила 263,7 млн дол., а общий его вес – 1 350 тыс. тонн. Общая стоимость репарационных изъятий в период со 2 августа 1945 г. по 1 января 1948 г. составила 3 млрд дол.

Используя другую методику подсчетов, немецкие исследователи получили гораздо большие суммы репарационных платежей. У Р. Карлша это как минимум 14 млрд дол., у Г. Колера и И. Фишера – 16,3 млрд дол. [9, 144–146].

После образования ГДР советское руководство решило сократить взимание репараций на ее территории. С мая 1950 г. оставшаяся сумма платежей сокращалась на 50 % (до 3,171 млн дол.), а срок ее погашения был продлен на 15 лет (до 1965 г.). В собственность правительства ГДР были переданы 89 предприятий САО.

В августе 1953 г. (после подавления восстания рабочих в Восточном Берлине) СССР решил вообще прекратить взимание германских репараций с 1 января 1954 г., передал ГДР еще 33 предприятия САО и сократил расходы на пребывание советских войск до 1,6 млрд марок. Эти расходы составляли 5 % доходов бюджета ГДР. В 1949 г. оккупационные расходы составляли 12 % бюджета ГДР (2,182 млрд марок). Эти меры положительно встретило большинство немецкого населения [7, 208–209].

В связи с этим с 1954 г. были расформированы Управление репараций СССР в Германии и Управление советским имуществом.

Среди советских потребителей германского промышленного оборудования на первом месте находился наркомат (затем – министерство) химической промышленности. Из Германии СССР получил новые синтетические продукты, которые сам не производил («Найолан», «Перлон», искусственный шелк, заменители синтетического каучука и др.). На втором месте находился наркомат электростанций, который вывез из Германии 96 электростанций общей мощностью более 4 млн кВт, около 10 тыс. турбин и генераторов, 9340 силовых трансформаторов. На третьем месте расположился наркомат электропромышленности, который вывез 101 предприятие, на четвертом – наркомат сельхозмашиностроения (85 предприятий). 16 % демонтированных объектов вывезли 30 непромышленных наркоматов и ведомств (обороны, внутренних дел, здравоохранения, просвещения, издательства, вузы, Академия наук, ВЦСПС и др.). Счет шел на сотни тысяч тонн и вагонов. Например, только из библиотеки города Гота было вывезено 23 вагона книг.

Распределение по союзным республикам демонтированных предприятий было следующим. В РСФСР направлено 70,6 % оборудования, на Украину – 21 %, в Бело-

руссию – 2,3 %, в Узбекистан – 1,7 %. На Украину шли в основном металлорежущие станки, из которых почти половина была направлена в район Донбасса [9, 151–152].

Интересное исследование роли германских репараций для СССР провел доктор исторических наук А. Ваксер. По данным советской статистики, в 1940 г. советский станочный парк составлял 710 тыс. единиц. В период войны погибло, вышло из строя, было потеряно, расхищено 175 тыс. станков. В 1943 г. было изготовлено 14 тыс., а в 1944 г. – 21 тыс. станков. Таким образом, в 1945 г. советский станочный парк не мог превышать 570–580 тыс. единиц. Но, по официальным данным, в советской промышленности в это время их уже насчитывалось 928 тыс. штук, что почти в 2 раза превышало возможности отечественной промышленности (с учетом поставок союзников). За все годы 4-й пятилетки (1946–1950 гг.) советское станкостроение выпустило 290,7 тыс. станков, но к началу 1951 г. их уже насчитывалось 1 507 тыс. штук [2].

Очевидно, что только за счет собственных мощностей такого прироста достичь было невозможно, даже за счет всенародного трудового энтузиазма, преимуществ мобилизационной экономики, «превосходства социализма над капитализмом, планового ведения хозяйства над стихией рынка». Конечно, здесь большую роль сыграли германские репарации. Официальная советская пропаганда в идеологических целях сильно преуменьшала их значение.

Требуют убедительного объяснения многие важные факты, связанные с послевоенной историей СССР. Так, к началу 1951 г. все основные промышленные предприятия страны были восстановлены. К 1949 г. работали все машиностроительные заводы Ленинграда, к 1950 г. – все 9 турбин разрушенного Днепрогэса. Украина в 1950 г. давала продукции машиностроения в 1,5 раза больше, чем до войны. Без учета поставок из Германии трудно объяснить столь поразительные успехи в восстановлении экономики СССР после войны.

Таким образом, можно сделать вывод, что репарации из Германии серьезно помогли быстрому восстановлению разрушенного войной советского хозяйства и частично компенсировали огромный ущерб. Кроме того, они стали мощным импульсом к техническому прогрессу в советской промышленности.

Литература

1. Брандт В. Воспоминания. М., 1991.
2. Ваксер А. Сколько получил СССР от побежденной Германии // Аргументы и факты. 1994. № 20.
3. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
4. Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994.
5. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): сб. документов. М., 1984.
6. Коваль К. И. Записки уполномоченного ГКО на территории Германии // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 124–147.
7. Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы. М., 1974.
8. Советская военная администрация в Германии. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949: сб. документов. Т. 6. М., 1994.
9. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995.
10. Системная история международных отношений в 4-х томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 2. М., 2000.

Социальное развитие Башкирии в 1960–1980-е годы

Р. АХМЕТЬЯНОВА

Социальное развитие Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – БАССР) в 1960–80-е гг. определялось экономическими процессами, прежде всего связанными с индустриальным ростом. В данный период социально-экономического развития Башкирии были сделаны значительные шаги по повышению уровня жизни населения и изменениям в социальной структуре общества. С 1965 по 1980-е гг. в социальной структуре населения БАССР происходили глубокие изменения. Основными тенденциями в данной сфере были абсолютный и относительный рост рабочего класса как в структуре населения в целом, так и в составе занятого населения. Наблюдался также рост численности интеллигенции при абсолютном и относительном сокращении колхозного крестьянства. С 1961 по 1988 г. численность городских жителей в республике выросла на 81 %, число сельских жителей уменьшилось на 33 %, в соответствии с этим удельный вес горожан в общей массе населения увеличился с 40,5 до 65 %, сельских жителей – снизился с 59,5 до 35 % [12]. В республике формировался городской образ жизни и городской способ потребления, со временем все более отличающий горожан от сельских жителей. Причиной данных изменений стал перевод сельскохозяйственного производства на более совершенную материально-техническую основу, благодаря чему произошло высвобождение части трудовых ресурсов из аграрного сектора экономики и перераспределение этих ресурсов в другие отрасли народного хозяйства.

Рост материального благосостояния различных слоев населения наблюдался по многим направлениям, среди которых особую значимость приобретали повышение качества уровня жизни и улучшение культурно-духовного состояния общества. Положительной тенденцией являлось снижение уровня социальной дифференциации в обществе за счет увеличения доходов в наименее обеспеченных семьях. Общество характеризовалось высоким уровнем социальной мобильности, что достигалось путем перехода из одного социального слоя в другой. На начало 1969–1970 учебного года социальный состав студентов вузов Башкирии имел следующий вид: 30,9 % составляли дети рабочих, 20,6 % – дети колхозников, 42,5 % – дети служащих и интеллигенции [3, 47].

Анализ статистических данных показывает, что увеличение численности интеллигенции происходило быстрее, чем любой другой категории населения. С 1961 по 1988 г. численность специалистов, имеющих высшее и среднее специальное образование, в Башкирии увеличилось примерно в 4,1 раза, их доля в общем числе занятых в народном хозяйстве республики увеличилась за данный период с 8,5 до 24 % [12]. Это явление также было связано с влиянием научно-технической революции на социальную структуру населения Башкирии [7].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. «высшей» целью стратегии социального развития советского общества являлся неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, который должен быть достигнут за счет повышения производительности труда, улучшения качества и эффективности работы всех звеньев народного хозяйства. Такой подход к начислению доходов «от производительности труда» внес определенные коррективы в рассмотрение проблемы дифференциации заработной платы. Основное внимание новой стратегии было уделено формированию дифференцированной системы оплаты труда, которая обеспечивала бы наиболее полное удовлетворение потребностей населения, способствуя, вместе с тем, дифференциации удовлетворения этих потребностей в зависимости от трудового вклада работников в общественное производство. В середине 1960–1970-х годов реформа дифференцированной политики доходов была

Ахметьянова Римма Анасовна, канд. социол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: ahmrimma@mail.ru

свернута. В 1972–1975-е гг. была проведена тарифная реформа, в ходе которой были введены три незначительно отличающиеся друг от друга тарифные сетки. Однако впоследствии равенство доходов по труду стало одним из механизмов, разрушивших советскую социальную систему.

Таким образом, с 1965 по 1980 гг. ситуация на рынке труда была направлена на снижение дифференциации в уровне оплаты труда, целью которой являлось сближение уровня жизни различных слоев населения. Акцент делался на абсолютном росте доходов и благосостояния всех основных групп экономически активного населения.

Таблица 1

**Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих
в СССР, РСФСР, БАССР (в рублях) [4, 11]**

	1970	1980
СССР	122,0	168,9
РСФСР	126,1	177,7
БАССР	117,5	162,3

Таблица 2

**Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в СССР
по отраслям народного хозяйства (в рублях) [11, 364]**

	1970	1975	1979	1980
Народное хозяйство в целом	122,0	145,8	163,3	168,9
Промышленность (промышленно-производственный персонал)	133,3	162,2	180,4	185,4
в том числе:				
рабочие	130,6	160,9	180,3	185,5
инженерно-технические работники	178,0	199,2	208,9	212,5
служащие	111,6	131,3	142,9	145,8
Сельское хозяйство	101,0	126,8	146,0	149,2
совхозы	101,1	127,3	146,4	149,7
в том числе:				
Рабочие	98,8	125,3	145,3	149,0
агрономические, зоотехнические, ветеринарные и инженерно-технические работники	162,5	180,2	186,9	185,7
Служащие	95,6	114,5	123,2	123,0
Транспорт	136,7	173,5	192,8	199,9
железнодорожный	123,4	158,1	174,4	187,4
Водный	169,5	212,8	228,9	232,0
автомобильный, городской электрический и прочий транспорт; погрузочно-разгрузочные организации	140,3	177,1	197,3	202,5
Связь	96,8	123,6	142,6	145,8
Строительство	149,9	176,8	196,6	202,3
строительно-монтажные работы	153,0	181,1	200,0	204,5
в том числе:				
рабочие	148,5	180,3	202,5	207,9
инженерно-технические работники	200,0	207,0	211,3	212,9
служащие	136,8	145,8	147,2	148,0
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки	95,1	108,7	128,8	138,2
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	94,5	109,0	126,7	133,2
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	92,0	102,3	119,1	126,8
Народное образование	108,1	126,6	133,3	135,9
Культура	64,8	92,2	104,7	111,3
Искусство	94,8	103,1	124,1	134,8
Наука и научное обслуживание	139,5	157,5	173,6	179,5
Кредитование и государственное страхование	111,4	133,8	151,5	162,2
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	123,2	131,8	147,8	156,4

Уровень средней заработной платы в Башкирии в 1970 г. составлял 93,1 % от средней зарплаты по РСФСР и 96,3 % от всесоюзного уровня. В 1980 г. разрыв между республиканскими значениями и средней величиной заработной платы по РСФСР увеличился и составил 91,3 %. Разрыв между республиканскими значениями и средней величиной заработной платы по СССР хотя и оставался неизменным, но был еще больше – 96,0 %. Сравнение среднемесячной заработной платы рабочих и служащих в СССР, РСФСР, БАССР демонстрирует незначительную дифференциацию работников по средним значениям показателей заработной платы всесоюзного, союзного и республиканского уровня и вполне сопоставимы по отраслям экономики. В 1975 г. Башкирии удалось максимально приблизиться к значению Всесоюзного показателя по среднемесячной зарплате рабочих и служащих (148,8 руб. – в СССР и 144,5 руб. – в БАССР). В настоящее время проблема низкой заработной платы является острой проблемой региона. В разрезе межрегиональной дифференциации показатели уровня и качества жизни в республике значительно уступают российским параметрам. Уровень среднемесячной заработной платы в республике за 2014 г. составил 76 % от средней заработной платы по Российской Федерации [8].

Следует отметить, что при схожей структуре доходов населения уровень заработной платы и темпы ее роста в различных отраслях экономики имели существенные различия. При общем росте денежной заработной платы в промышленности наиболее высокими темпами росла заработная плата рабочих, наиболее низкими – заработная плата инженерно-технических работников. Приоритетным направлением социальной политики являлся рост численности и повышение благосостояния рабочего класса в СССР, особенно высококвалифицированных рабочих.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в Башкирии в 1970 г. составляла 117,5 руб., в 1975 г. – 144,5 руб., в 1979 г. – 158, 4 руб., в 1980 г. – 162,3 руб., в 1981 г. – 165, 3 руб. [5, 191]. С 1970 по 1981 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих выросла на 40,6 %, в том числе в промышленности – на 40,5 %, в сельском хозяйстве – на 43,3 % и т.д. Примечательно, что размер среднемесячной заработной платы в аппарате органов государственного и хозяйственного управления в Башкирии была ниже средней зарплаты в науке. Наиболее высоко оплачиваемыми отраслями являлись сферы промышленности, транспорта, строительства. Социальные проблемы, связанные с высокой дифференциацией работников по уровню заработной платы между отраслями народного хозяйства и внутриотраслевой социальной поляризации, не были характерны для данного периода времени, поскольку разница между максимальной и минимальной зарплатой в данный период не превышала 10 раз [2, 74].

Таблица 3

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве Башкирии (в рублях) [11, 191–192]

	1970	1975	1979	1980
Всего по народному хозяйству	117,5	144,5	158,4	162,3
Промышленность	128,8	165,6	176,3	181,6
Сельское хозяйство	92,7	113,0	130,5	131,1
совхозы	92,4	111,9	130,0	131,0
Транспорт	135,7	177,8	191,1	199,9
Связь	85,7	127,7	138,9	141,7
Строительство	151,8	175,6	190,9	193,0
Торговля, общественное питание, заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт	90,0	102,9	126,2	128,2
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	88,9	105,6	125,2	126,8
Здравоохранение	84,4	93,1	114,2	116,9
Народное образование	101,0	125,8	123,8	125,3
Наука и научное обслуживание	134,4	153,3	170,1	174,0
Кредитные и страховые учреждения	113,8	137,5	159,2	162,6
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, кооперативных и общественных организаций	113,3	122,7	141,7	143,4

В то же время важной проблемой была «уравниловка» между инженерами и рабочими в заработной плате, препятствующая улучшению качества труда инженеров. Это вело к следующим негативным последствиям: снижению спроса у абитуриентов на технические специальности в вузах; переходу инженеров на рабочие, менее квалифицированные должности; сокращению у инженеров заинтересованности в результатах работы, что вело к снижению их производительности труда. Не случайно в этот период только 35 % всех инженеров вносили рационализаторские предложения, а большинство в незначительной степени занималось действительно творческим трудом [1, 133].

В 1980 г. в структуре доходов и расходов семьи рабочего и служащего в промышленности заработная плата составляла 84,3 %, пенсии, стипендии, пособия и другие выплаты и льготы из общественных фондов потребления – 9,1 %, доход от личного подсобного хозяйства – 1,2 %. Доход из других источников (поступления от родственников, за работу у отдельных граждан и т.д.) составлял 5,4 % [12, 181].

Более высокими темпами по сравнению с доходами всего населения увеличивались доходы менее обеспеченных семей. В 1970 г. доход свыше 100 руб. в месяц на члена семьи имели 18 % населения, в том числе доход свыше 150 руб. в месяц – 3 %. В 1986 г. доход свыше 100 руб. в месяц на члена семьи имели уже 65 % населения, в том числе с доходами свыше 150 руб. в месяц – 31 % населения.

С 1970 г. начинается повышение реальной заработной платы и доходов колхозников. Уровни реальных доходов колхозников начинают сближаться с реальными доходами рабочих и служащих.

Таблица 4

Среднемесячная заработная плата колхозников в общественном хозяйстве СССР, РСФСР, БАССР (в рублях) [4; 11; 12]

	1970	1980
СССР	74,9	118,5
РСФСР	78,5	124,3
БАССР	62	109

Уровень реальных доходов колхозников по отношению к реальным доходам рабочих и служащих в расчете на члена семьи повысился с 70 % в 1960 г. до 80 % в 1970 г.

Таблица 5

**Рост реальных доходов за период 1971–1980 гг.
(в % к базовому году) [12, 175]**

	1971–1975	1976–1980
Реальные доходы на душу населения	124	118
Реальные доходы рабочих и служащих на одного работающего	119	115
Реальные доходы колхозников на одного работающего	124	119

В структуре доходов и расходов семьи колхозника доход от колхоза в 1970 г. составлял 43,0 %, в 1980 г. – 47,2 %, доход от личного хозяйства 39,1 % и 33,1 % соответственно. С 1 января 1965 г. вводится пенсионное обеспечение для колхозников. С 1968 г. колхозники в возрастном отношении приравнены к рабочим и служащим. Средний размер пенсии по старости в 1970 г. составлял 14 руб., в 1975 г. – 25,1 руб., в 1980 г. – 35,2 руб. С 1975 г. начинается резкое сокращение численности колхозников в Башкирии, обусловленное введением нового «Положения о паспортной системе в СССР», утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. № 677. Паспорта стали выдавать всем гражданам СССР с 16-летнего возраста, впервые включая и жителей села, колхозников. Полная паспортизация началась с 1 января 1976 г. и закончилась 31 декабря 1981 г. [14].

Таблица 6

Численность и оплата труда колхозников в БАССР [12, 175]

Годы	Среднегодовая численность колхозников, занятых в общественном хозяйстве, тыс. чел.	Среднемесячная оплата труда колхозников, занятых в сельскохозяйственном производстве
1960	398,1	29
1970	346,9	62
1975	324,5	77
1980	306,9	109
1985	286,6	131
1987	262,9	143
1988	243,8	151

Анализ проблемы оплаты труда в колхозах показывает, что система оплаты труда в них в 1960–80-е годы имела уравнильный характер. Заработная плата в убыточных хозяйствах была примерно такой же, как в высокопроизводительных, благодаря гарантированности среднего заработка всем работникам колхозов, независимо от количества затраченного труда. Многочисленные надбавки к этой средней зарплате за стаж работы, классность являлись преимущественно формальной доплатой, которая совершенно не стимулировала трудовую активность. Таким образом, уравнильная система оплаты труда являлась одной из причин сокращения численности колхозников, занятых в общественном хозяйстве.

Население Башкирии пользовалось бесплатным образованием, медицинским обслуживанием, государство брало на себя значительные расходы по содержанию жилищного фонда. В 1974 г. размер социальных благ, предоставляемых гражданам Башкирии государством в расчете на душу населения (пособия, пенсии, стипендии, оплачиваемые отпуска), достиг 329 руб. Содержание жилья было практически бесплатным, поскольку квартплата не покрывала расходов на содержание жилья. Государство доплачивало 4 рубля на один квадратный метр жилой площади. Квартирная плата составляла не более 3 % от общего дохода семьи.

Важную роль в улучшении благосостояния людей всегда занимает решение жилищного вопроса. В середине 1970-х годов на одного жителя г. Уфы приходилось 6,8 кв. м жилой площади, из них в семьях высококвалифицированных рабочих – 6,2 кв. м., неквалифицированных – 8,2 кв. м., служащих-неспécialистов – 7,4 кв. м. Различия по этому показателю неуклонно стирались между социальными группами; на каждую семью высококвалифицированных рабочих приходилось в среднем 1,9 комнаты, на семью квалифицированных рабочих – 2,3 комнаты, малоквалифицированных рабочих – 1,7 комнаты, служащих-неспécialистов – 1,9 комнаты, интеллигенции – 2,1 комнаты. Однако различия наблюдались в плане качества жилья и уровне его благоустроенности. Намного лучше были обеспечены отдельными государственными благоустроенными квартирами семьи интеллигенции, служащих – неспécialистов и рабочих высокой квалификации. В государственных неблагоустроенных квартирах чаще всего проживали семьи малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих [3, 45].

По официальным статистическим данным, в 1965–1985 гг. СССР по потреблению продуктов питания находился на уровне наиболее развитых стран. Более того, в этот период существенно изменилось качество жизни населения. Одним из показателей роста благосостояния населения Башкирии в 1960–70-е годы являлась покупательная способность населения, которая определяется не только уровнем доходов, но и уровнем цен на продовольственные и промышленные товары. В 1970 г. на душу населения Башкирии приходилось продовольственных товаров на 279 руб. и непродовольственных товаров – на 206 руб.

**Цены на продовольственные и непродовольственные товары
(в ценах соответствующих лет) [15]**

Товар	1970	1980
Автомобиль класса В	4936	7300
Мотоцикл (в среднем)	592,85	825
Кв. метр жилья	160	185
Холодильник ЗИЛ	300	-
Пальто	128	180
Костюм	87	114
Ботинки мужские	18,7	21,25
Говядина, кг	2,8	4,5
Водка, 0,5 л.	2,87	5,3
Мука высшего сорта	0,41	0,41
Хлеб, булка	0,23	0,26
Соль, кг	0,07	0,07
Сахар, кг	0,84	0,84
Яйца, десяток	1,02	1,03
Картофель, кг	0,13	0,14
Молоко, л	0,24	0,24

Сопоставляя размер средней заработной платы в БАССР в 1970–1980-е гг. (117,5–165,3 руб.) с показателями уровня цен на продовольственные и промышленные товары в тот же период, можно сделать вывод, что большая часть продовольственных товаров по цене была доступна для населения. Определение уровня удовлетворенности питанием, осуществленное в ходе всероссийского исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни», проведенного в декабре 1981 г. Институтом социологических исследований АН СССР, демонстрировал рост положительных оценок данного явления [6].

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете некоторые обстоятельства вашей жизни в настоящее время по сравнению с тем, что было у вас примерно пять лет назад: как вы питаетесь?», %

Социальное положение				
	лучше	как и раньше	хуже	Всего
рабочий (в том числе и рабочий совхоза)	35,6	34,0	38,6	35,3
колхозник	10,1	5,5	3,5	7,9
служащий без специального образования	9,7	9,2	8,4	9,4
служащий, специалист	19,6	27,3	23,9	22,6
нет ответа	25,6	24,0	25,0	24,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

В то же время необходимо отметить, что в 1970–1980-е гг. существовала значительная дифференциация между уровнем цен на продовольственные и промышленные товары. Последние стоили значительно выше и не всегда были доступны для советских граждан. Данная ценовая дифференциация была обусловлена дотационной политикой государства в пользу товаров «первой необходимости», под которыми понимались,

прежде всего, продовольствие товары. Это приводило к тому, что «товары первой необходимости» (хлеб, молоко) были дешевыми, а бытовые промышленные изделия (видеомагнитофоны или автомобили) – сравнительно более дорогими.

В начале 1980-х годов наблюдались благоприятные сдвиги в структуре питания населения: увеличилось потребление мяса, овощей, фруктов, ягод, сокращалось потребление хлебопродуктов, картофеля. Производство основных продуктов питания в килокалориях на душу населения составило в СССР в 1976–1980 гг. почти 3,5 млн килокалорий (наивысший показатель за всю историю России). В целом во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. благосостояние народа поддерживалось на уровне среднеразвитых стран, но по ряду показателей оно было выше.

Повышение реальной заработной платы рабочих служащих и доходов колхозников привело к значительному росту сбережений, что было выражено в возрастании числа вкладов населения в учреждения сберегательного банка и среднего размера вкладов населения. Так, в 1968 г. число вкладов составило 870 тыс., при среднем их размере 428 руб., в 1975 г. число вкладов составило 1108 тыс. при средней сумме вклада 751, в 1980 г. – 1367 тыс. и 984 руб. соответственно [12, 182].

С начала 1970-х годов страна пошла по пути массовой автомобилизации населения. Огромные очереди сроком на пять лет и более на автомобили во второй половине 70-х годов XX в. в Башкирии говорили о высоком уровне доходов граждан. Жизненным ориентиром советского человека становятся отдельная квартира для семьи в противовес хрущевским коммуналкам, расширяющееся приобретение бытовых товаров длительного пользования: холодильников, стиральных машин, радио- и видеоаппаратуры, мебели. В 1970 г. из каждых 100 семей 32 имели телевизоры, в 1980 г. число их увеличилось в два раза, а в 1985 г. достигло 90.

Анализ структуры доходов и расходов населения в СССР семьи рабочего и служащего и семьи колхозника показывает, что социальная политика государства была направлена на городское население страны. Дифференциация городского и сельского населения по структуре доходов и расходов была обусловлена различиями в оплате труда, объемами социальных трансфертов, доходами от личного подсобного хозяйства и других источников. В структуре доходов сельских жителей большое значение имели доходы от личного подсобного хозяйства. Ситуация начинает меняться с середины 1970-х годов.

В 1970–1980-е годы происходило развитие системы потребительского кредитования. Процентные ставки по потребительскому кредиту не превышали в те годы 2 %, а кредитные выплаты высчитывались из заработной платы, что обеспечивало комфортные условия для тех, кто брал потребительские кредиты. Процентные ставки на отдельные виды потребительских кредитов дифференцированы следующим образом: кредиты на промышленные товары (потребительское кредитование) – 2 %; кредиты на строительство индивидуальных жилых домов – от 1 до 2,7 %; кредиты членам жилищно-строительных кооперативов для оплаты пая – 2,7 %; кредиты на приобретение товаров длительного пользования – 5–6 %; кредиты с государственной дотацией молодым супругам: на приобретение квартиры – 1 %, на оборудование квартиры – 2,5 %; личные кредиты (без указания цели использования) – 8 %; кредиты на строительство и приобретение дач – 8 % [16].

Важным показателем повышения качества жизни населения Башкирии в рассматриваемый период являлась возрастающая роль сферы досуга в повседневной жизни советских граждан. Особое значение в этом плане имело развитие СМИ. Широко распространенными стали просмотр телепередач, прослушивание радио, чтение газет и журналов. Более широкое распространение получило самообразование. Возможности удовлетворения духовных потребностей обеспечивались бесплатностью библиотек, низкими ценами на книги, билеты в кино и театры, нацеленностью телевидения на пропаганду высоких достижений культуры. Имелись возможности для физического развития путем предоставления трудящимся льготных, практически бесплатных путевок

в дома отдыха, туристические базы, санатории, немалую роль сыграла и бесплатность использования стадионов.

Значения показателей, отражающих уровень жизни населения Башкирии в 1970–1980-е годы, позволяют говорить об эффективности реализации советской социальной политики. В современных условиях социально-экономическое неравенство в Республике Башкортостан и в Российской Федерации в целом вышло за допустимые рамки, стало тормозить экономическое развитие, превратилось в источник серьезного напряжения в обществе. Существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения далеки от нормативных представлений о социальной справедливости. Даже в благоприятные периоды экономического роста существующая система распределения увеличивала доходы высокодоходных групп и уменьшала доходы наименее обеспеченных слоев. Сегодня очевидно, что существующее положение дел в социальной сфере требует оптимизации распределительных отношений, а сама социальная политика имеет ключевое значение для оздоровления и процветания российского общества.

Литература

1. Аитов Н.А. Работники хорошие и плохие. М.: Сов. Россия, 1983. 136 с.
2. Аитов Н.А. Понятие условий жизни // Социальная структура советского общества и социалистический образ жизни: материалы к IX ВСК. часть II. М., 1978. С.72–78.
3. Аитов Н.А. Управление социальными процессами в развитом социалистическом обществе // Труды Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе. Вып. 81. Уфа, 1974. С. 47–54.
4. Башкирия в Союзе ССР: Уфа: Башк. книжное издательство, 1982. 263 с.
5. Всероссийское исследование «Образ жизни советских людей. Институт социологических исследований АН СССР. База данных ЕАСД» 1980 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=3112/Q=11>
6. Всероссийское исследование «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни Институт социологических исследований АН СССР. База данных ЕАСД» 1981 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=3112/Q=11>
7. Диденко Д. Мифы и реалии «индустрии знаний» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://national.invur.ru/index.php?id=373>
8. Ежемесячный информационный бюллетень по развитию ситуации в отраслях экономики, социальной и финансовой сферах в Республике Башкортостан за январь-февраль 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://minecon.bashkortostan.ru/upload/iblock/e4c/yanvar_fevral.pdf
9. Клинова М.А. Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии. Министерство образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. 353 с.
10. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.
11. Народное хозяйство СССР в 1980 г.: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 583 с.
12. Народное хозяйство Башкирской АССР за 70 лет: стат. сб. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 262 с.
13. Никонова С. И. Из истории социально-экономической мысли и народного хозяйства // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nartid=1005>
14. Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан // Коммерсантъ Власть. 2009. № 14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1147485>
15. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
16. Потребительский кредит в СССР. Москва: Изд-во «Знание», 1983. 167 с.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ABSTRACTS AND KEY WORDS

Б. МИРКИН, Р. ХАЗИАХМЕТОВ, Л. НАУМОВА. Глобальная энергетика: современное состояние и прогнозы

В статье представлен обзор современного состояния мировой энергетике и основных прогнозных сценариев развития энергетической сферы. Проведен анализ перспектив развития энергетике в основных регионах мира, а также представлены ключевые тренды в разрезе отдельных энергетических секторов. Особое внимание авторы уделяют исследованию возобновляемых источников энергии, а также таким новым направлениям, как сланцевая и газогидратная энергетика.

Ключевые слова: энергетика, ветроэнергетика, возобновляемые источники энергии, прогноз, солнечная энергетика, тепловая энергетика.

B. MIRKIN, R. KHAZIAKHMETOV, L. NAUMOVA. Global Energy: Present-day Condition and Predictions

In the article there was reviewed the present-day condition of global energy and main prediction scenarios of the energy development. Perspectives of energy development in the world's major regions were analyzed and the key trends separately for each energetic sector were suggested. The authors paid special attention to studying of renewable energy sources and such new directions as shale and gas-hydrate energy.

Key words: energy, wind energy, renewable energy sources, prediction, solar energy, thermal energy.

О. НЕЧИПОРЕНКО, Р. САЛАХУТДИНОВА. Роль социальных субъектов в развитии локальных сельских сообществ

Статья посвящена исследованию роли социальных субъектов в сохранении и развитии сельских локальных сообществ. На основе социологических опросов, проведенных авторами в Мишкинском районе Республики Башкортостан, выявляется значение предприятий, местных органов власти, органов самоуправления в развитии локальных сельских сообществ.

Ключевые слова: сельские локальные сообщества, сельская местность, социальные субъекты, Республика Башкортостан.

O. NECHIPORENKO, R. SALAKHUTDINOVA. Role of Social Subjects in Development of Local Rural Communities

The article is devoted to studying of social subjects' role in protection and development of local rural communities. Based on the sociological survey conducted by the authors in Mishkinskiy region of the Republic of Bashkortostan there was revealed significance of the enterprises, local and public authorities in development of the local rural communities.

Key words: local rural communities, rural area, social subjects, the Republic of Bashkortostan.

С. КАБАШОВ. Электронная бюрократия: к постановке проблемы

В статье рассматриваются научные концепции информационного общества сквозь призму анализа новых функций бюрократии в условиях глобализации. Автор обосновывает содержание понятия «электронная бюрократия», раскрывая специфику бюрократического управления в контексте развития сетевых структур. Делается вывод, что информационные технологии не только создают возможности для прозрачности и гибкости управления, но и являются технологическим фундаментом усиления самой бюрократии как элитарной социальной страты.

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, сетевые формы управления, классическая бюрократия, электронная бюрократия.

S. KABASHOV. Electronic Bureaucracy: Problem Statement

In the article there were regarded scientific concepts of information community in the light of analysis of the bureaucracy new functions under the globalization conditions. The author substantiated content of the notion «electronic bureaucracy» by revealing specificity of bureaucratic management in the context of network structures development. It was concluded that information technologies enabled not only management transparency and flexibility but served as technological base for strengthening the bureaucracy itself as an elite social strata.

Key words: information society, information-communication technologies, network forms of management, classical bureaucracy, electronic bureaucracy.

И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА. Показатели оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления: текущее состояние и пути оптимизации

Статья посвящена исследованию прежней и действующей системы показателей оценки, используемых Правительством РФ для расчета эффективности деятельности муниципальных органов самоуправления. Рассмотрены особенности показателей оценки, включенных в перечень этих систем. Предложены прикладные рекомендации, направленные на их совершенствование с точки зрения объективности оценки.

Ключевые слова: эффективность, органы местного самоуправления, оценка эффективности деятельности, перечень показателей, информационная база, муниципальное образование.

I. SINGIZOV, N. SINGIZOVA. Assessment Indices of Local Authorities' Performance Efficiency: Current Condition and Ways of Optimization

The article is devoted to studying of previous and current system of assessment indices used by the Russia's Government to calculate performance efficiency of municipal bodies' self-government. There were considered peculiarities of assessment indices included in the list of these systems. Practical recommendations directed to their improvement from the point of view of assessment objectiveness were suggested.

Key words: efficiency, local authorities, performance efficiency assessment, checklist, data base, municipal entity.

В. РУСАКОВ. Федеральная антимонопольная служба России как регулятор конкурентной среды

В статье анализируются состояние и динамика развития антимонопольного законодательства. Исследование правоприменительной практики в сфере антимонопольной регуляции на примере Федеральной антимонопольной службы России позволило автору предложить ряд практических рекомендаций, направленных на структурное совершенствование антимонопольного органа.

Ключевые слова: здоровая конкуренция, нарушение антимонопольного законодательства, генезис нормативного регулирования, пресечение, предупреждение, совершенствование структуры антимонопольного органа.

V. RUSAKOV. Russia's Federal Antimonopoly Service as Regulator of Competitive Environment

In the article there were analyzed the condition and dynamics of antimonopoly legislation development. Studying regulatory enforcement in the sphere of antimonopoly regulation on the example of the Russia's Federal antimonopoly service let the author suggest a number of practical recommendations directed to structural improvement of the antimonopoly body.

Key words: healthy competition, breach of antimonopoly legislation, genesis of normative regulation, suppression, prevention, improvement of antimonopoly structure.

Н. ЕВДОКИМОВ, К. ГАЛАНИНА. Государственные программы как инструмент региональной социально-экономической политики

В статье представлен сравнительный анализ программно-целевого управления в двух регионах Приволжского федерального округа, который позволил выявить территориальные особенности реализации соответствующих программ, а также обнаружить общие «узкие места» в практике использования и оценке эффективности реализации государственных программ. На их основании были сформулированы некоторые рекомендации по развитию инструмента региональных государственных программ.

Ключевые слова: региональный бюджет, государственная программа субъекта РФ, эффективность реализации государственной программы.

N. EVDOKIMOV, K. GALANINA. State Programs as Tool of Regional Social-Economic Policy

In the article there was provided comparative analysis of program-oriented management in two regions of the Privolzhsky Federal District which made it possible to reveal territorial peculiarities of the corresponding programs implementation and bottleneck in the practice of realization and evaluation efficiency of the state programs implementation. On this basis there were formulated some recommendations of developing the tool of regional state programs.

Key words: regional budget, state program of the RF subject, efficiency of state program implementation.

И. АХМЕТОВ, И. КАРЕЛИН. Мировой опыт реализации промышленного потенциала региона

В статье рассмотрены основные инструменты региональной промышленной политики в зарубежных странах. Исследована динамика развития промышленного производства различных регионов. Изучены основные мероприятия, проводимые зарубежными странами при реализации промышленной политики. На основе анализа промышленной политики Германии, Японии и Китая автором предлагается выборочное внедрение зарубежного опыта в практику промышленной политики Республики Башкортостан.

Ключевые слова: мировой опыт, региональная промышленность, региональная экономика, промышленный потенциал, производительность труда.

I. AKHMETOV, I. KARELIN. World Experience of Region's Industrial Potential Realization

In the article there were regarded major tools of the regional industrial policy in international countries. Dynamics of industry's development of different regions was researched. There were studied main measures conducted by international countries while realizing the industrial policy. Due to the analysis of industrial policy in Germany, Japan and China the author suggested random introduction of international experience into the practice of industrial policy of the Republic of Bashkortostan.

Key words: world experience, regional industry, regional economy, industrial potential, labour efficiency.

Т. ИСМАГИЛОВА, Р. ЮСУПОВ, Т. ЧИНАЕВ. Развитие торговой отрасли как фактор инвестиционной привлекательности региона

В статье анализируется ситуация в торговой отрасли Республики Башкортостан на основе статистических показателей, характеризующих внутреннюю динамику развития торговой сферы и структуру внешнего товарооборота региона. Раскрываются основные проблемы этого сектора региональной экономики, исследуется инвестиционный потенциал торговой отрасли и перспективы его развития.

Ключевые слова: торговля, товарооборот, инвестиционная привлекательность, регион, инновации.

T. ISMAGILOVA, R. YUSUPOV, T. CHINAEV. Development of Trade Industry as Factor of Region's Investment Attractiveness

In the article there was analyzed situation in the trade industry of the Republic of Bashkortostan on the basis of statistical indices which characterized internal dynamics of the region's trade sphere and structure of external goods circulation. Major problems of the sector of regional economy were revealed and investment potential of the trade industry and perspectives of its development were researched.

Key words: trade, goods circulation, investment attractiveness, region, innovations.

Т. ЛЕЙБЕРТ. Методические аспекты оценки эффективности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения

В статье рассмотрены методические положения оценки эффективности инвестиционных проектов разработки нефтяных месторождений с учетом отраслевых особенностей в части влияния цены на нефть и применяемой системы налогообложения в нефтяной промышленности. Определены условия достижения стратегических целей развития предприятий нефтяной отрасли.

Ключевые слова: инвестиционный проект, нефтяное месторождение, налогообложение, чистый дисконтированный доход, чистый денежный поток, ставка дисконтирования, инвестиционная деятельность.

T. LEIBERT. Methodic Aspects of Assessing Investment Project Efficiency of Oil Field Development

In the article there were considered methodic thesis of assessing the investment projects efficiency of oil field development with regard to branch peculiarities of price influence on oil and tax system in oil industry. There were specified conditions of achieving strategic aims of oil enterprises development.

Key words: investment project, oil field, taxation, net present value, net cash flow, discounting rate, investment activity.

М. ШЕСТАКОВА. Наукометрия и ключевые проблемы социально-гуманитарных наук в современной России

В статье рассматриваются вопросы о месте социально-гуманитарных наук в системе высшего образования и проблемах применения наукометрических показателей для оценки научной результативности ученых социально-гуманитарного профиля в контексте современных реформ российской высшей школы.

Ключевые слова: гуманитарные и социальные науки, реформа высшего образования, наукометрия, h-индекс, стандарты.

M. SHESTAKOVA. Science-metry and Key Problems of Humanities and Social Studies in Present-day Russia

In the article there were regarded issues of the place of humanities and social studies in the system of higher education and problems of applying science-metry indices for assessing the scientific efficiency of humanities and social studies scientists in the context of the present-day reforms of the Russian higher school.

Key words: humanities and social studies, reform of higher education, science-metry, h-index, standards.

Н. ИСМАГИЛОВ, А. МУХАМЕДЬЯРОВ, Ю. ХАБИБРАХМАНОВА. Инновационная инфраструктура и ее элементы: опыт систематизации

В статье уточнено содержание понятия «инновационная инфраструктура», которое понимается как специальные организационные структуры (субъекты и объекты), призванные обеспечить более эффективное использование ресурсов, направляемых на развитие инновационной деятельности. Раскрыты основные методы систематизации элементов инновационной инфраструктуры и предложен авторский подход к решению этой задачи.

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, инновационное предпринимательство, технопарковые структуры, финансовая группа инновационной инфраструктуры, принципы формирования инновационной инфраструктуры.

N. ISMAGILOV, A. MUKHAMEDYAROV, Yu. KHABIBRAKHMANOVA. Innovational Infrastructure and Its Elements: Experience of Systematization

In the article there was clarified content of the notion «innovational infrastructure» being understood as special organizational structures (subjects and objects) for more effective use of resources directed to innovation activity development. The main systematization methods of innovational infrastructure elements were revealed and the author's approach to the task tackling was suggested.

Key words: innovational infrastructure, innovation entrepreneurship, technopark structures, financial group of innovation infrastructure, principles of innovation infrastructure development.

Е. СУМИНА, А. БАДЮКОВ. Концептуальная модель инновационных преимуществ региона

Статья посвящена исследованию сущности инновационных преимуществ региона как нового явления в системе регионального управления. Определена роль данного фактора как необходимого условия инновационного развития региона. Рассмотрены компоненты инновационных преимуществ региона, концептуальная модель инновационных преимуществ региона в виде шести функционально взаимосвязанных подсистем.

Ключевые слова: инновационное развитие, концептуальная модель, подсистемы инновационных преимуществ региона.

E. SUMINA, A. BADYUKOV. Conceptual Model of Region's Innovation Preferences

The article is devoted to studying essence of innovation preferences as a new direction in the system of regional administration. The role of this factor as a requirement for the region's innovation development was specified. Components and conceptual model of the region's innovation preferences by means of six functionally interrelated subsystems were considered.

Key words: innovation development, conceptual model, subsystems of region's innovation preferences.

Р. АЛИЕВ. Актуальные проблемы эффективной организации инновационной деятельности на предприятиях в Азербайджане

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются предприятия в процессе организации инновационной деятельности в современном Азербайджане. Выделяются основные факторы, негативно влияющие на процесс развития инновационной сферы в экономике. Сформулированы практические рекомендации, направленные на решение ключевых проблем в сфере развития инноваций на предприятиях Азербайджана.

Ключевые слова: инновации, организация инновационной деятельности, предприятия, наука, Азербайджан.

R. ALIEV. Actual Problems of Effective Organization of Enterprises' Innovation Activity in Azerbaidzhan

In the article there were considered problems which enterprises faced while organizing innovation activity in present-day Azerbaidzhan. There were singled out factors which had a negative impact on development process of innovation sphere in the economy. There were formed practical recommendations directed to key problems' solution in the sphere of innovation development in Azerbaidzhan's enterprises.

Key words: innovations, organization of innovation activity, enterprises, science, Azerbaidzhan.

Н. АРТЕМОВ, И. ШАЯХМЕТОВ, Н. ПОАНШВАЛЬ. Приоритетные направления развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан

В статье определены и обоснованы основные тенденции развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан. Исследованы особенности приоритетных направлений развития предпринимательства в сфере услуг. Изучены мероприятия по поддержке малого и среднего предпринимательства, направленные на активизацию экономического роста региона.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, социально-экономическое развитие, платные услуги, индустрия туризма, социальное предпринимательство.

N. ARTEMOV, I. SHAYAKHMETOV, N. POANSHVAL. Priority Directions of Small and Medium-sized Business Development in Republic of Bashkortostan

In the article there were specified and justified development tendencies of small and medium-sized business in the Republic of Bashkortostan. Priority directions of business development in the service sphere were researched. There were studied measures of small and medium-sized business support directed to intensification of the region's economic growth.

Key words: small and medium-sized business, social-economic development, paid services, tourism industry, social entrepreneurship.

Э. ЖИДКОВА. Современные аспекты активизации участия студентов в молодежном предпринимательстве

В статье представлены результаты исследования мнений студентов о ключевых потребностях молодых предпринимателей, а также необходимых формах поддержки студенческой молодежи в области малого бизнеса на территории Республики Башкортостан.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, молодежное предпринимательство, студенты, инфраструктура поддержки, инновационная экономика.

E. ZHIDKOVA. Present Stimulation Aspects of Students' Participation in Youth's Entrepreneurship

In the article there presented the research results of students' opinions on key needs of young entrepreneurs and also necessary forms of the youth's support in small business in the Republic of Bashkortostan.

Key words: youth, entrepreneurship, youth's entrepreneurship, students, support infrastructure, innovational economy.

Л. ВАНЧУХИНА. Моделирование взаимосвязи бухгалтерского и налогового учета с учетом интересов пользователей

В статье рассмотрены факторы, обуславливающие необходимость сближения бухгалтерского и налогового учета. Раскрывается содержание учетной политики как инструмента влияния на различные группы пользователей при условии соблюдения финансового и налогового законодательства. Представлен инструментарий выбора уровня сближения двух систем учета, в основе которого лежат результаты анализа интересов различных пользователей финансовой отчетности.

Ключевые слова: бухгалтерский и налоговый учет, способы сближения двух видов учета, учетная политика, интересы различных групп пользователей.

L. VANCHUKHINA. Modelling of Accounting and Tax Registration Interrelation with Regard to Users' Interests

In the article there were considered the factors which conditioned necessity of accounting and tax registration convergence. The content of accounting policy as a tool of impact on various groups of users under the condition of complying financial and tax legislation. There were suggested tools of choosing a convergence level of the two accounting systems which was due to the analysis results of various users' interests of financial accounting.

Key words: accounting and tax registration, convergence ways of two types of accounting, accounting policy, interests of various groups of users.

Е. ФОМИНА, Ю. КОВАЛЬСКАЯ. Моделирование параметров финансовой устойчивости территориального бюджета

В статье рассматриваются особенности формирования параметров финансовой устойчивости территориальных бюджетов. На примере Республики Башкортостан представлено моделирование доходов территориального бюджета. Сконструированы прогнозные модели на основе скользящего

среднего, адаптивного и компонентного методов. Представлена оценка адекватности полученных моделей и выполнено прогнозирование доходов бюджета Республики Башкортостан на 2016–2018 годы.

Ключевые слова: территориальные бюджеты, моделирование, бюджетная устойчивость, тренд, параметры.

E. FOMINA, Yu. KOVALSKAYA. **Parameters Modelling of Territorial Budget Financial Sustainability**
In the article there were regarded peculiarities of parameters' formation of territorial budgets financial sustainability. On the example of the Republic of Bashkortostan there was suggested modelling of territorial budget earnings. Based on the moving average, adaptive and component methods there were constructed predicting models. There was performed assessment of the gained models adequacy and prediction of the Republic of Bashkortostan budget earnings for 2016–2018.

Key words: territorial budgets, modelling, budget sustainability, trend, parameters.

Н. ВАСИЛЬЕВА. **К вопросу о понятии и видах публичных доходов**

В статье исследуется содержание новой категории финансового права – «публичные доходы». Автор предлагает для исследования поступающих во все публичные фонды доходов применять единый термин – публичные доходы. Приведенные в статье доводы позволили предложить авторское определение данного понятия, а также классифицировать публичные доходы.

Ключевые слова: публичные доходы, публичные денежные фонды, финансовая деятельность государства, публичные финансы, публичная собственность, бюджет.

N. VASILJEVA. **Notion and Types of Public Earnings**

In the article there was considered content of a new category of finance law – «public earnings». The author suggested applying a single notion «public earnings» for studying all comings of the public funds. The author offered his own definition of public earnings and their classification with the help of the reasons produced in the article.

Key words: public earnings, public money funds, financial activity of the state, public finances, public property, budget.

Р. ГАРИПОВ. **Послевоенные платежи Германии Советскому Союзу**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с выплатой германских репараций и других платежей в пользу СССР после Второй мировой войны. Сделан вывод о том, что германские репарации сыграли важную, но далеко не решающую роль в послевоенном восстановлении советской экономики.

Ключевые слова: военные трофеи, германские репарации, контрибуции, материальная ответственность побежденной страны, демонтаж промышленного оборудования.

R. GARIPOV. **Germany's Post-war Payments to Russia**

In the article there were regarded problems connected with the payments of the German reparations and other ones to Russia after the World War II. It was concluded that the German reparations had played an important but hardly decisive role in the post-war recovery of the Soviet economy.

Key words: war trophies, German reparations, contributions, financial liability of conquered state, dismantling of industrial equipment.

Р. АХМЕТЬЯНОВА. **Социальное развитие Башкирии в 1960–1980-е годы**

В статье рассмотрены проблемы социального развития Башкирии в 1960–1980-е годы. Проанализированы механизмы регулирования уровня социальной дифференциации в обществе. На основе анализа динамики показателей уровня жизни населения обосновано, что социальная политика была направлена на городское население.

Ключевые слова: уровень жизни, социальная дифференциация, заработная плата, структура доходов и расходов населения, покупательная способность населения.

R. AKHMETJYANOVA. **Social Development of Bashkiria in 1960–1980s**

In the article there were considered problems of Bashkiria's social development in 1960–1980s. There were analyzed regulation tools of social differentiation level in the society. Due to the analysis of population living standards' indices it was justified that the social policy was directed to urban population.

Key words: standard of living, social differentiation, work payment, structure of population income and expenditures, consumer purchasing power.

Содержание журнала за 2015 год

№

70-летие Великой Победы

ГАРЕЕВ М. Борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны – важнейшая задача патриотического воспитания	2
ИСМАГИЛОВА Г. Реализация политики советского государства в сфере образования в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны	2
ИСХАКОВА Г. Финансовое обеспечение социальной защиты населения в годы Великой Отечественной войны	2
КАМАЛЕТДИНОВА Р. Н. Бикмухаметов – учитель Героев Советского Союза	2
ЛАВРЕНТЬЕВ С., САВИЧЕВ В. Вторая мировая война: итоги и современная политическая повестка дня	2
НИЗАМОВА А., АСФАНДИЯРОВА И. Об эвакуации промышленных предприятий, образовательных и научных учреждений в Башкирию	2
СИНГИЗОВА Н. Гали Ибрагимов – писатель и фронтовик (страницы дневника)	2
СЫЧЕВ Н.: «Защищал Родину не по принуждению»	2
ЯМАЛОВ М. Историческая память о Великой Отечественной войне в национальном самосознании россиян	2

Актуальные проблемы развития общества и экономики (Человек. Экономика. Общество)

АГЗАМОВ Р. Критика теории политических рынков в контексте экономического развития России	5
МАГАЗОВ Р. Стратегия охраны здоровья населения: реальная модель	4
МАГАФУРОВ К. Дихотомия цивилизации и национальная идея России	4
МИРКИН Б., НАУМОВА Л., ХАЗИАХМЕТОВ Р. Возможна ли третья промышленная революция?	3
МИРКИН Б., ХАЗИАХМЕТОВ Р., НАУМОВА Л. Глобальная энергетика: современное состояние и прогнозы	6
МИЯНОВ Р. БРИКС в современном мире: актуальные проблемы сотрудничества и перспективы стратегического партнерства	3
НЕЧИПОРЕНКО О., САЛАХУТДИНОВА Р. Роль социальных субъектов в развитии локальных сообществ	6
ПОПОВ Н., СОДИКОВ М., ШАРИПОВ С. Шанхайская организация сотрудничества и ее взаимодействие с Республикой Таджикистан	3
САБИРОВА З., ТИЩЕНКО Т. Административное регулирование системы здравоохранения Российской Федерации	5
СОЛИЕВ А. Потенциал стран Центральной Азии в экономической интеграции ШОС	4
ШАЙСЛАМОВ А. Основные проблемы и направления совершенствования трудоустройства выпускников документоведческого профиля подготовки	5
ЯМАЛОВА Э. Общественная поддержка политических институтов в государствах Балтии	5

Реальный сектор экономики

АХМЕТОВ И. Региональная промышленность в условиях экономического кризиса	4
БИРЮКОВА В. Проактивный механизм управления изменениями в нефтяной компании	4
БУРЕНИНА И., ГАМИЛОВА Д., АЛЕКСЕЕВА С. Стратегические аспекты управления энергоэффективностью	5
ГАЛИН Р. Расселение сельского населения как фактор развития сельского хозяйства	5
ГЕРЦИК Ю. Модель управления организационно-экономической устойчивостью и конкурентоспособностью предприятий медицинской промышленности	2
ДОРОЖКИН Ю., ФАТИЕВ А., ФАТИЕВА А. Сотрудничество промышленных корпораций и университетов Японии и Великобритании: сравнительный анализ	1

КАЗАКОВ А., КАЗАКОВА М. Проведение профориентационной работы как способ повышения конкурентоспособности рабочих мест фармацевтов	2
КАРАМОВА Д. Диверсификация бизнес-процессов как фактор повышения эффективности производства: проблемы количественной оценки	1
КАРПОВ В. Инструменты выбора рационального варианта транспортной инфраструктуры развивающихся территорий	3
ЛЕЙБЕРТ Т., ГАЙФУЛЛИНА М., ХАЛИКОВА Э. Уровень и динамика производительности труда в топливно-энергетическом комплексе: анализ с учетом вариативности подходов	2
ЛЕЙБЕРТ Т., ГАЙФУЛЛИНА М., ХАЛИКОВА Э., ЗЕМЦОВА В. Оценка факторов, влияющих на динамику производительности труда в отраслях топливно-энергетического комплекса	3
ЛЕЙБЕРТ Т. Построение системы сбалансированных показателей на основе финансового анализа с учетом отраслевых особенностей компании	5
ЛУТФУЛЛИН Ю., РАЗУВАЕВА Е. Механизм формирования корпоративных образований (на примере корпорации «ТОР»)	4
МУДАРИСОВ Р. Зарождение рыночных отношений в соляной промышленности Башкирии в дореформенный период	5
МУРЗАГАЛИНА Г. Оценка эффективности управления транзакционными издержками промышленных предприятий	3
ОРЛОВ А. Анализ основных тенденций и ценовых изменений в сегменте льготного лекарственного обеспечения российского фармацевтического рынка	5
РАШИТОВА Г., АБДЮКОВА Г. Экологическая оценка воздействия агропромышленного комплекса на качество воды реки Киги Башкортостана	2
САБИРОВ Р. Интеграция – основа эффективного развития лесопромышленного комплекса Республики Башкортостан	1
САБИТОВА Л. О состоянии потребительского рынка товаров и услуг в г. Уфе	4
СЛЕПНЕВ Д., ИВАНОВ А. Кластерное развитие отечественной фармацевтической промышленности	4
ХАЛИКОВА М., КРЮЧКОВА А. Оптимизация бизнес-модели нефтесервисной компании (на примере холдинга ООО «Таргин»)	3

**Государственное и муниципальное управление
(Государственная власть и управление)**

АРИСТАРХОВА М., ШЕИНА А. Концепция оценки деятельности налоговых органов	2
АХУНОВА Л. Методические подходы к снижению себестоимости государственных услуг на основе ABC-костинга	2
ДОРОЖКИН Ю., ИЗИЛЯЕВА Л., МОРОЗОВА И., ПЕТРАШ Д. Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан как институт государственной власти: реалии современного развития	3
ЕМЕЛЬЯНОВ С. Социально ориентированная концепция развития предпринимательства	1
КАБАШОВ С. Электронная бюрократия: к постановке проблемы	6
КИРЕЕВ А., СМОЛЯГИН И. Инвестиционная и бюджетная политика муниципальных образований	1
«Круглый стол». Архивное дело – важный компонент современного государственного и муниципального управления (М. Вахитов, И. Галлямов, С. Кабашов, А. Капустин, Л. Попова, Н. Талипова, Т. Хорхордина, Р. Ширгазин, Ю. Юлдашбаев)	1
ЛУТФУЛЛИН Ю., ПАРФЕНОВ М. Обоснование модели управления социально-экономическим развитием муниципального образования на основе функционирования института местных сообществ	1
НОВИКОВ С. Государственные закупки – инструмент развития экономической базы региона	3
РУСАКОВ В. Федеральная антимонопольная служба России как регулятор конкурентной среды	6
СИНГИЗОВ И., СИНГИЗОВА Н. Показатели оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления: текущее состояние и пути оптимизации	6

ТРОФИМОВА Я. Переход государства к экономическим методам регулирования в сфере экологии	3
ХАЙРУЛЛИНА Н. Экономическая политика и пенсионное обеспечение: мнения и оценки россиян	3
ШМАКОВ М. Совершенствование подходов к повышению результативности инструментов государственной поддержки малого предпринимательства	2

Региональная экономика

АРБАТСКАЯ Ю. О резервных фондах региональных исполнительных органов государственной власти	4
АХМЕТОВ И., КАРЕЛИН И. Мировой опыт реализации промышленного потенциала региона	6
АХУНОВ Р. Проблемы социально-экономического развития Республики Башкортостан в условиях обострения геополитической ситуации и кризисных экономических процессов	1
БИГЛОВА Г. Управление и собственность как факторы воспроизводства в региональной экономике	2
ВАЛЕЕВА Е. Проектирование механизмов управления развитием экономики региона в условиях глобализации	2
ВОСКАНОВ М. Теоретические аспекты управления экономическими системами (на примере Юга России)	3
ГАЛИМОВА Г., БАЙГУЗИНА Л. Влияние бифуркационных процессов на социально-экономическое развитие региона	5
ЕВДОКИМОВ Н., ГАЛАНИНА К. Государственные программы как инструмент региональной социально-экономической политики	6
ЗИНАТЧИНА Г. Предоставление земельных участков через процедуру торгов в городском округе город Уфа	4
ИСМАГИЛОВА Л., КЛИМОВА Н., БУХАРБАЕВА Л. Социально-экономические противоречия инновационного развития территорий и их элиминирование в среде корпоративной социальной ответственности	2
ИСМАГИЛОВА Т., ЮСУПОВ Р., ЧИНАЕВ Т. Развитие торговой отрасли как фактор инвестиционной привлекательности региона	6
ЛАВРЕШИНА И. Оценка влияния структурных трансформаций на потенциал региона	4
СИНГИЗОВА Н., СИНГИЗОВ И. Структурные изменения в экономике регионов	3
СУХОДОЕВ Д., СТОЖАРОВА Т., СУХОДОЕВА Л. Инновационные подходы к стратегическому управлению потенциалом региона	1
ФИЛИПОВА Н. Участие некоммерческих организаций в разработке и реализации Стратегии развития г. Уфы	5
ФОМИНА Е., КОВАЛЬСКАЯ Ю. Факторы риска финансового равновесия территорий	3
ФОМИНА Е., КОВАЛЬСКАЯ Ю. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости регионального бюджета	5
ХАРИЧКОВА Л. Проблемы сбалансированного развития мегаполиса	4

Инвестиции и инновации

АЛИЕВ Р. Актуальные проблемы эффективной организации инновационной деятельности на предприятиях в Азербайджане	6
АХМАДЕЕВ А., САГАТГАРЕЕВ Э. Сущность и экономическое содержание инвестиций и процесса инвестирования	1
АХУНОВА З. Миграционная политика России и обеспечение инновационного развития страны	1
ИСМАГИЛОВ Н., МУХАМЕДЬЯРОВ А., ХАБИБРАХМАНОВА Ю. Инновационная инфраструктура и ее элементы: опыт систематизации	6
СУЛЕЙМАНОВ Н. Инструменты конкурентной разведки как основа успеха программы импортозамещения	1
СУМИНА Е., БАДЮКОВ А. Концептуальная модель инновационных преимуществ региона	6

Предпринимательство (Государство и бизнес)

АРАПОВ В., ХАРИСОВ В. Совершенствование мотивационного комплекса действий власти по повышению конкурентного потенциала регионального предпринимательства	5
АРТЕМОВ Н., ШАЯХМЕТОВ И., ПОАНШВАЛЬ Н. Приоритетные направления развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан	6
АХТАРИЕВА Л. Инструменты институционального обеспечения предпринимательства в регионе	3
БЕДИКИН В. Проблемы реализации проектов государственно-частного партнерства, подлежащие государственному регулированию	4
ЖИДКОВА Э. Современные аспекты активизации участия студентов в молодежном предпринимательстве	6
ЗАГИТОВА И. Элементы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности	5
ПЕСКОВА Д., ЕВСЕЕВА О. «Санкционированное» развитие российского предпринимательства	3
СМОЛЯГИН И. Перспективы развития государственно-частного партнерства в России	4
СОЛОДИЛОВА Н., МАЛИКОВ Р., ГРИШИН К. Развитие системы взаимодействия властных и предпринимательских структур в муниципальной деловой среде	5
ШЕСТАКОВИЧ А. Подходы к оценке предпринимательского потенциала	3
ХИСАЕВА А., ПЕТРОВА А. Управление конкурентоспособностью предпринимательских структур в современных условиях	5

Финансы

АНФЕРОВ М., РАШИТОВА О. SADT-моделирование системы налогообложения в Российской Федерации	2
ВАНЧУХИНА Л. Моделирование взаимосвязи бухгалтерского и налогового учета с учетом интересов пользователей	6
ВАСИЛЬЕВА Н. К вопросу о понятии и видах публичных доходов	6
РУДНЕВА Ю., ХАЛИМОВ Д. Использование финансовой отчетности предприятия в системе инвестиционного анализа	4
САФИНА Р. Новые направления развития аудиторской деятельности	2
ФАЙЗУЛЛИН А. Природно-ресурсный потенциал муниципальных образований Республики Башкортостан и меры совершенствования механизмов бюджетного регулирования его использования	4
ФОМИНА Е., КАНДАРОВ И., МИТЬКИНА А. Метод расчета премии за риск при оценке инновационных проектов	2
ФОМИНА Е., КОВАЛЬСКАЯ Ю. Использование бюджетных показателей для оценки финансового равновесия территорий	4
ФОМИНА Е., КОВАЛЬСКАЯ Ю. Моделирование параметров финансовой устойчивости территориального бюджета	6

Вопросы теории

АГЛЯМОВ Р. Применение динамических производственных функций при оценке инновационного потенциала предприятия	5
ГЛАДКИХ И. Теория предвидения будущего Н.Д. Кондратьева – основа долгосрочной Стратегии развития страны	3
ИСХАКОВА Э., КУЗЬМИНЫХ Н. К вопросу об определении человеческого капитала	4
КОТОМИНА О. Влияние развития сектора интеллектуальных услуг на конкурентоспособность региона	3
КОЩЕГУЛОВА И., ХУСАИНОВА А. Критерии устойчивости национальной денежной единицы	5
ЛЕЙБЕРТ Т. Методические аспекты оценки эффективности инвестиционного проекта разработки нефтяного месторождения	6

ЛУТФУЛЛИН Ю., ХАБИБУЛЛИН Р. Устойчивое развитие инновационного бизнеса: теоретические аспекты оценки эффективности	5
СОЛОДИЛОВА Н., МАЛИКОВ Р., ГРИШИН К. Оценка потенциала развития малого и среднего предпринимательства в регионе с учетом параметров институциональных конфигураций деловой среды	4
ХУДЯКОВА Е. Анализ подходов к оценке человеческого капитала и возможности их использования	5
ХУСАИНОВА А. Доверие как фактор устойчивости национальной денежной единицы	3
ШЕСТАКОВА М. Наукометрия и ключевые проблемы социально-гуманитарных наук в современной России	6

Менеджмент и маркетинг

АГЗАМОВ Р. Создание воспринимаемой ценности маркетинга	3
ИСМАГИЛОВА Л., ПИТАЕВА В. Инструментарий управления информационной средой предприятия	1
СЕРГЕЕВА О. Совершенствование управления рекламной деятельностью предприятия в современных условиях	3
ХАРИСОВА А. Современный инструментарий исследования и оценки конкурентоспособности вуза	3
ХУСАИНОВА Л., КОВАЛЬСКАЯ Ю. Современные подходы к хеджированию финансовых рисков	1

Социальная сфера

БАЯНОВА Л., ХАЙДАРОВА А. Влияние кризисных явлений в мировой экономике на развитие рынка туристических услуг	2
ГАТАУЛЛИНА Э. Факторный анализ территориального размещения населения России	2
НАЗАРОВА У., НИКОНОВА О. Трудовое влияние: система «кнута» и «пряника»	1
ХАЙРУЛЛИНА В., ГИЛЯЗЕТДИНОВА Е. Особенности формирования трудовых ресурсов в современных условиях	1
ХАНОВА О., КУДРЯШОВА О., ФЕДОРЕНКО О. Роль инновационного компонента в развитии человеческого капитала	1

Социально-политические процессы

АЮПОВ М. Особенности партийно-политического руководства Башкирской АССР в позднесоветский период	5
ГАЛЛЯМОВ Р., УТЯШЕВ М., ФРОЛОВА И. Власть и бизнес в постсоветском Башкортостане: этапы взаимодействия и современные тенденции	5
НЕЧИПОРЕНКО О. Специфика социальных конфликтов в сельских сообществах современной России	5

Слово – молодым ученым

БАРНОВАЛОВ М. Факторы обеспечения экономико-энергетической безопасности территории	4
ГАЗИЗОВ З. Влияние изменения цен на нефть на российскую экономику	4
ГАЛЬПЕРИН И. Основные формы деятельности иностранных автопроизводителей на российском рынке легковых автомобилей	1
ГОРЕВА-КУРТЫШЕВА А. Конкурентные преимущества аутсорсинговой компании (call-центра) с точки зрения сотрудника	2
ЗЫРЯНОВА Ю. Оценка финансовых потерь от коррозии оборудования	5
ЛАТЫПОВА Л. Потенциал реализации информационных технологий в системе социальной защиты детства	1
ПЕТРОВА А. К вопросу о развитии российского предпринимательства в условиях вступления России в ВТО	4
РАДЧЕНКО С. Инновационный метод малозатратного улучшения обучения молодежи	1

СЕРГЕЕВ А. Взаимодействие правоохранительных и контрольно-счетных органов при расследовании коррупционных преступлений	1
СКРИПНИК А. Транспортно-логистическая система Таможенного союза: сравнительный анализ концепций развития стран-участниц	2
ТИМАШЕВА К. Участие крупного бизнеса в финансировании избирательных кампаний: зарубежный и российский опыт	2
ХАМИТОВ Э. Перспективы развития взаимного страхования в России	5
ХАФИЗОВА О. Оплата труда методом грейдинга: системный анализ ценностного обмена	5
ЮРЛОВ А. Механизм функционирования эффективного рынка инноваций в рекламной отрасли	4

Статистика

АЛЛАЯРОВА А., БАКИЕВА М. О прожиточном минимуме в Республике Башкортостан	1
Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2014 году	1

Страницы истории

АХМЕТЬЯНОВА Р. Социальное развитие Башкирии в 1960-1980-е годы	6
ГАРИПОВ Р. Послевоенные платежи Германии Советскому Союзу	6
ГАРИПОВ Р. Синьцзян в советско-китайских отношениях в 1930–1950-х годах	3
МУДАРИСОВ Р. Установление государственной монополии в соляной промышленности Башкирии в XVIII веке	3

Хроника. Юбилей. Рецензии

Академику А.Х.Махмудову – 85 лет	1
Итоги VII Российского философского конгресса «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений»	5
Юбилей ученого (М.М. Ишмуратову – 75 лет)	5

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе
Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан

Редактор А.В. Борисова

Адрес редакции:

450057, г.Уфа, ул.Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к.402

Тел. (347) 273-87-32

E-mail: ekonuprav@ufanet.ru

<http://bagsurb.ru/about/journal/>

Подписано в печать 07.12.2015. Усл. печ. л. 12.

Формат 70x108/16. Тираж 1000 экз. Заказ № 522.

Отпечатано в издательстве БАГСУ

450022, г.Уфа, ул.Менделеева, 134/2. Тел. (347) 252-21-09

E-mail: izdatbagsu@mail.ru